

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2023. Т. 45, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 4

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 4

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrso.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONOZHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Конькова И. И.</i>	Анализ функций метаструктур научно-технического дискурса (на материале английского языка)
<i>Казаков В. П.</i>			70
Грамматические наблюдения Д. Н. Кудрявского и русский язык сегодня: о склонении неизменяемых существительных	8	<i>Мурашова Л. П.</i>	Стереотипы восприятия женщин в англистике XX–XXI веков: противоречия и субъективность.
<i>Аль Хаснави А. Р. М.</i>			75
Особенности темпоральной семантики предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что».	13	РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Бодриков А. Б.</i>		<i>Базылева Ю. С.</i>	Автобиографическое начало «Стихотворений двух тысячелетий» В. С. Баевского
Эволюция понятийных признаков концепта <i>победа</i> в XVIII–XIX веках	21		85
<i>Карева Н. В.</i>		<i>Мыслина Ю. Н.</i>	Джойсовский редукционистский дискурс как принцип формирования реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.»
Немецкие источники «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: система глагольных времен	29		91
<i>Галимуллина А. Р.</i>		ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА	
Организация субъектной сферы в поэтическом тексте И. Бродского с инфинитивной доминантой (на примере фрагментов поэмы «Шествие»)	34	<i>Колесников А. Ю., Марковенков Д. В.</i>	«Искренний» художник в ситуации постмодерна (на примере малой прозы Ч. Буковски)
<i>Кулебакина А. А.</i>			98
Средства выражения императивности в тексте «Устава Благодичиня» 1782 года	41	<i>Николаева О. С.</i>	Средиземноморское и вымышленное пространство в сборнике «Кладбище Синеры» Салвадора Эсприу
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА			106
<i>Тарланов З. К.</i>		Юбилей	
Лицо, наклонение и предложение как взаимно соотнесенные языковые категории	48		К 70-летию со дня рождения Е. Г. Сойни
<i>Филиппова И. Н., Василенко Л. Ю.</i>			112
Методология оценки полноты интерсемиотического перевода	54		К 55-летию со дня рождения Н. В. Патровой
<i>Агзуллина К. Г., Макашова В. В.</i>		Научная информация	
Концепт «любовь» в романе-эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».	61	<i>Генералова Е. В., Никитин О. В.</i>	Ларинские чтения (к 130-летию со дня рождения профессора Б. А. Ларина)
			114
			Научная информация
			117
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.05.2023. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 42 экз.). Изд. № 58

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор ПетрГУ
Н. В. Патроева

Natalia V. Patroeva,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Майский номер удивляет разнообразием тематики: это и общие вопросы грамматической теории, семантики и концептосферы, логический анализ речи, история русского языкознания, эволюция русского литературного языка и др., и широтой не только научной проблематики, но и географии авторов, представляющих Россию и зарубежную Азию.

В статье профессора В. П. Казакова рассматриваются актуальные и для нынешнего этапа развития отечественной лингвистики проблемы анализа сферы именного склонения и заимствованных неизменяемых существительных на материале идей, высказанных более ста лет назад представителем Юрьевской (ныне Тартуской) школы Д. Н. Кудрявским. Судьба рукописного наследия ученого до сих пор неизвестна, но печатные труды Д. Н. Кудрявского, посвященные санскриту, латинскому языку, этнолингвистическим вопросам, истории русских деепричастий, вошли в золотой фонд российской лингвистики.

Профессор З. К. Тарланов, основатель Петрозаводской научно-педагогической школы, предлагает разноаспектную интерпретацию семантико-функционального взаимодействия тесно связанных в глагольной парадигме морфологических категорий склонения и лица с предикативностью как основным признаком предложения (споры о типологии и соотношении морфологических и синтаксических категорий в языковой системе остаются актуальным дискуссионным вопросом и на нынешнем этапе развития отечественной лингвистики). Проблематика этой статьи перекликается с работами иракского исследователя А. Р. М. Аль Хаснави, который обращается к выражаемой в конструкциях с предикатами *увеличивать / уменьшать* категории темпоральности, и представителя Удмуртской лингвистической школы А. Р. Галимуллиной, анализирующей инфинитивные конструкции И. Бродского. Интересные факты из истории императивных форм и значений (на материале «Устава благочиния» 1782 года) изложены в статье А. А. Кулебакиной.

Автобиографический, научно-технический, гендерный, постмодернистский дискурсы стали предметом анализа в статьях литературоведческого раздела.

Юбилейная рубрика посвящена литературоведению, переводчику, поэту, драматургу Е. Г. Сойни. Желаем Елене Григорьевне новых свершений на благо науки и искусства России!

Завершает номер хроника, посвященная проблематике докладов, прозвучавших на юбилейных Ларинских чтениях в январе 2023 года.

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ КАЗАКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3176-2978; v.kazakov@spbu.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Д. Н. КУДРЯВСКОГО И РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ: О СКЛОНЕНИИ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение одного из тезисов Д. Н. Кудрявского о склонении заимствованных существительных с основой на гласный, сделанных в книге «Введение в языкознание» (1912), с учетом современного состояния русского языка. В современном русском языке несклоняемые существительные в аспекте словоизменения представлены как особая грамматическая норма. Усиление аналитизма в грамматическом строе русского языка укрепило позиции нулевого типа склонения имен существительных. В то же время в художественной речи отмечаются экспрессивно окрашенные склоняемые формы таких слов. В этой связи актуальным представляется обращение к примерам, приведенным Д. Н. Кудрявским, и его комментариям. В статье уделяется также внимание восприятию склоняемых форм неизменяемых существительных во второй половине XX – начале XXI века. Сделанные в начале XX века предположения о том, что изменяемые формы станут нормативными, не оправдались, однако Д. Н. Кудрявский обозначил стилистический потенциал неизменяемых заимствованных существительных.

Ключевые слова: грамматика, склонение существительных, неизменяемые существительные, заимствованные слова, аналитизм

Для цитирования: Казаков В. П. Грамматические наблюдения Д. Н. Кудрявского и русский язык сегодня: о склонении неизменяемых существительных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 9–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.900

ВВЕДЕНИЕ

Книга Д. Н. Кудрявского «Введение в языкознание» была опубликована в 1912 году в Юрьеве (в настоящее время – эстонский город Тарту), где ученый жил и работал с 1898 по 1918 год. Вопросы грамматического описания занимают в указанном учебнике значительное место. При этом Д. Н. Кудрявский критикует представителей логического направления (даже замечает, что «логика по существу своему не имеет с грамматикой никаких точек соприкосновения»¹). Будучи оригинальным исследователем, предложившим новаторский курс лекций², при рассмотрении грамматического строя русского языка автор придерживается формального подхода.

В синтаксисе это проявляется в том, как квалифицируются главные и второстепенные члены предложения. Так, отвергается выделение определений, дополнений и обстоятельств по смыслу и предлагается их разграничение исключительно по формальным признакам: определение должно быть выражено прилагательным, допол-

нение – косвенным падежом существительного, обстоятельство – наречием³. В морфологии формальный подход проявляется при характеристике таких частей речи, как местоимение и числительное, которые, по мнению Д. Н. Кудрявского, не стоят в одном ряду с другими частями речи, так как выделяются преимущественно по значению⁴ и не могут считаться частями речи «в том же смысле, как прилагательное и существительное»⁵. Заметим, что аналогичную трактовку второстепенных членов предложения дает такой яркий представитель формального направления в грамматике, как А. М. Пешковский⁶; он же отказывает числительным и местоимениям в статусе частей речи [8: 153–154].

Наряду с общим подходом к описанию грамматического строя, которого придерживается Д. Н. Кудрявский и который, как и формальное направление в целом, явился важным этапом в развитии грамматической мысли, в книге «Введение в языкознание» есть интересные наблюдения над отступлениями от нормативно-

го словоупотребления. Соответствующие примеры, отмеченные автором как в устной речи, так и в художественных и публицистических текстах, сопровождаются комментариями и оценками, представляющими интерес с учетом современного состояния грамматической системы русского языка.

* * *

Остановимся на одном случае, связанном со склонением имен существительных. Говоря о типах склонения, Д. Н. Кудрявский замечает:

«Только литературный язык образованного класса людей, которые еще живо чувствуют иностранное происхождение слова, не допускает склонение таких слов, как “пальто”, “депо”, “кофе” и т. п. Но простонародие свободно говорит “без пальтá”, “в дeпe” и приспосабливает слово “кофе” для склонения, превращая его в “кофей” – “кофею” – “за кофеem” и т. д.»⁷

В этом комментарии нашел отражение взгляд на неизменяемость заимствованных слов как на их временное состояние. О возможном склонении слова *пальто* в разговорной речи в 1934 году писал Н. С. Трубецкой, отмечая, что это слово склоняется «в менее старательной речи», образуя форму множественного числа *пoлтa*: «Эта форма для москвичей моего поколения считается хотя и несколько просторечной (“шуточной”), но, несмотря на это, вполне нормальной...» [11: 95].

В современном русском языке неизменяемые существительные «стали неотъемлемой частью его грамматического строя» [1: 110]. А. А. Зализняк обосновал выделение нулевого типа склонения применительно к неизменяемым существительным, отмечая омонимию словоформ, имеющих «одну и ту же внешнюю, но различные внутренние стороны» [4: 20]⁸. Например, «*шоссе* (И. ед.) и *шоссе* (Р. мн.) во фразах *вот наше шоссе* и *построили много хороших шоссе*» [4: 21]. Нулевое склонение выделяют и академические грамматики русского языка 1970 [3: 377] и 1980 годов [9: 506–507].

Важно обратить внимание на то, как трансформировалось восприятие изменяемых форм обсуждаемых заимствованных слов. В ходе социолингвистического исследования, проведенного в 1960-е годы Институтом русского языка АН СССР, в вопросник был включен следующий пункт:

«Допускаете ли Вы возможность склонения по образцу всех существительных среднего рода, оканчивающихся на -о, некоторых существительных, давно заимствованных и уже освоенных, типа *пальто*, *депо*? Встречали ли Вы случаи склонения подобных существительных (например, *в пальте*, *из дeпa*, *в кинe*), как Вы к ним относитесь?» [10: 50].

97 % ответивших не допускают употребления изменяемых форм, причем в комментариях содержалась отрицательная оценка предложенных вариантов. Например: (экономист, 1906 года рождения): «Слышать в жизни всякое приходится. Не все правильно пишу и говорю сама. Но если мне скажут, что я произнесла: *в пальте*, *из дeпa*, *в кинe*, – то я буду считать, что мне изменил рассудок, окончена разумная жизнь, закрылся белый свет»; (счетовод, 1923 года рождения): «Привыкла эти слова не склонять. Изменение их по падежам кажется мне диким» [10: 51]. Примечательно, что и опрос, проведенный в начале XXI века, показал «почти единогласное (98 %) неприятие» склоняемых форм таких существительных, как *пальто*, *пони*, *кофе* и т. п.⁹ Несклоняемость существительных, оканчивающихся на гласный, «поддерживается многовековой традицией, во-первых, и действующей в современном русском языке тенденцией к аналитизму, во-вторых»¹⁰. Значительное внимание соблюдению норм русского языка, в том числе грамматических, уделяется в обучении русскому языку в общеобразовательных учреждениях. Фиксируемые в речи склоняемые формы (*еду в метре*, *с эскимом* и т. п.) характеризуются как «просторечное и детское употребление» [6: 43]; их использование в речи может быть связано с выражением иронии [13: 29].

Очевидно, что ситуация с функционированием заимствованных слов изменилась по сравнению с той, которую наблюдал Д. Н. Кудрявский, причем изменилась не в том направлении, которое он прогнозировал. Тенденция к аналитизму в грамматическом строе русского языка внесла коррективы в прогноз, отраженный в книге «Введение в языкознание».

Что касается слова *кофей*, которое Д. Н. Кудрявский рассматривает как результат превращения несклоняемого *кофе* в склоняемое существительное, то этот случай отличается от ситуации со словами *пальто* и *депо*. Еще в XVIII веке заимствованное слово пыталось приспособиться к сложившейся к тому времени системе склонения, и наряду с неизменяемым вариантом *кофе* «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует изменяемые *кофей*, *кофь* и *кафа*. Например: «Запоры врачуют анис, зверобой, цикорейной кофей» (М. Д. Чулков)¹¹. Современный толковый словарь – «Большой академический словарь русского языка» – приводит слово *кофей* (*кофий*), сопровождая его пометами *устар.* и *прост.*¹²

Склоняемые формы неизменяемых существительных, как известно, отмечаются в художественной литературе, в частности в речи персонажей в качестве имитации просторечия. Так, в «Национальном корпусе русского языка» представлены шесть вхождений предложно-падежной

формы *без пальта*¹³. Например: «Чё без пальта? – поинтересовалась бабка, сверля Руслана лиловыми зенками и медленно заходя на стыковку. – Без пальта-то чё ходишь, солдатик, слышь, нет?» (А. Лукьянов). Употребление указанной предложно-падежной формы в разговорной речи, не связанное с выражением экспрессии, будет оцениваться, скорее, отрицательно. Приведем в этой связи следующую критическую оценку, данную К. И. Чуковским:

«И как бы ни были убедительны доводы, при помощи которых я пытался оправдать склоняемость слова *пальто*, все же едва я услышал от одной очень милой медицинской сестры, что осенью она любит ходить без *пальта*, я невольно почувствовал к ней антипатию» [12: 20].

Таким образом, о свободном изменении в современном русском языке таких слов, как *пальто*, *депо*, *кофе*, говорить не приходится. Однако в художественной речи «превращение несклоняемых существительных в склоняемые» может быть стилистически значимо, на что обращал внимание еще в 1943 году Г. О. Винокур, исследуя поэтическое новаторство В. Маяковского [2: 339–340]¹⁴. Пример из стихотворения В. Маяковского «Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану»:

«Одно меня настраивает хмуро.
Чтоб выяснить это,
шлю телеграмму
с оплаченным ответом:
“Париж
(точка,
две тире)
Пуанкаре – Мильерану.
Обоим
(точка).
Сообщите –
если это называется миры,
то что
у вас
называется мордобоем?”» (1923).

В приведенном примере обратим внимание на сочетание «две тире». Примеры такого рода есть и у современных поэтов. Как отмечает Л. В. Зубова, «поэзия часто пытается найти новое применение тому, что стихийно появляется в языке, и тем самым производит отбор функционально жизнеспособных элементов» [5: 7]. Например, у Александра Левина:

«Я живу в консервной банке, как в кино или в аптеке,
но немного припекает и откуда-то дымок.
Все живые, что приятно, и почти никто не умер,
но и жизни, вроде, нету – и кино не назовёшь...» (1991).

Примечательно, что в приведенном примере существительное *кино* представлено и как неизменяемое (в предложном падеже: *в кино*), и в склоняемой форме (в творительном падеже: *кином не назовёшь*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к наблюдениям Д. Н. Кудрявского, можно сказать, что в книге «Введение в языкознание» не только отмечены конкретные факты изменения заимствованных слов, но и обозначен потенциал изменяемости несклоняемых существительных. В начале XX века можно было предполагать, что склоняемые формы заимствованных существительных с основой на гласный будут со временем употребительны по крайней мере в разговорной речи. В то же время тенденция к аналитизму в грамматическом строе русского языка обеспечила устойчивое положение нулевого склонения имен существительных. На этом фоне склоняемые формы неизменяемых существительных продолжают выступать как стилистически маркированные. В художественной прозе они включаются в речь персонажей с целью имитации просторечия; в поэтических текстах становятся средством языковой игры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев: Типография Маттисена, 1912. С. 26.

² Развернутая характеристика книги Д. Н. Кудрявского «Введение в языкознание» в контексте развития отечественной науки на рубеже XIX–XX веков дана в статье О. В. Никитина [7].

³ Кудрявский Д. Н. Указ. соч. С. 114–119.

⁴ Там же. С. 129–130.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ См. управляемые, согласуемые и примыкающие второстепенные члены [8: 283]. Первое издание книги А. М. Пешковского вышло в 1914 году.

⁷ Кудрявский Д. Н. Указ. соч. С. 93.

⁸ См. также соответствующую характеристику нулевого типа склонения в «Грамматическом словаре русского языка» (Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. С. 28).

⁹ Мельникова Л. А. Несклоняемые имена существительные в русском языке: грамматика и функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2012. С. 17.

- ¹⁰ Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2008. С. 20–21.
- ¹¹ Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 10. М.: Наука, 1998. С. 210–211.
- ¹² Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 8. М.; СПб.: Наука, 2007. С. 551.
- ¹³ Национальный корпус русского языка. 2003–2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.07.2022).
- ¹⁴ У В. Маяковского «превращение несклоняемых существительных в склоняемые» относится прежде всего к иностранным именам собственным (*ариями Ромео и Джульетт*), но распространяется и на некоторые случаи употребления имен нарицательных (*точка, две тире*) [2: 339–340].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астен Т. Б. Статус «нулевого» склонения в современном русском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 102–111.
2. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка // Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Сост. Т. Г. Винокур. М.: Высш. шк., 1991. С. 317–407.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
5. Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950–2020. М.: НЛО, 2021. 656 с.
6. Мельникова Л. А. К вопросу о потенциальной изменяемости несклоняемых существительных // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 42–49.
7. Никитин О. В. Лингвистическое наследие Д. Н. Кудрявского (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2017. № 10. С. 62–69.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1956. 511 с.
9. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
10. Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 367 с.
11. Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии / Сост. В. А. Виноградов и В. П. Нерознак; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др. М.: Прогресс, 1987. С. 67–142.
12. Чуковский К. И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М.: Молодая гвардия, 1962. 176 с.
13. Nekipelova I. M. Destruction of the language standard in the sphere of norms to use in Russian indeclinable nouns which came from other languages. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 25–34. DOI: 10.24411/2470-1262-2019-10030

Поступила в редакцию 03.10.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Vladimir P. Kazakov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3176-2978; v.kazakov@spbu.ru

**GRAMMATICAL OBSERVATIONS OF D. N. KUDRYAVSKY
AND MODERN RUSSIAN LANGUAGE:
DECLENSION OF UNCHANGEABLE NOUNS**

Abstract. The purpose of the article is to study the observations of D. N. Kudryavsky on the declension of loanwords with vowels in the word-final from his book *Introduction to Linguistics* (1912) taking into account the current state of the grammatical system of the Russian language. In modern Russian, indeclinable nouns in the aspect of inflection are presented as a special grammatical norm. The increase of analytism in the grammatical system of the Russian language strengthened the position of the zero declension of noun names. At the same time, in artistic speech we see the expressive usage of changeable forms of such nouns. In this regard, the study of D. N. Kudryavsky's observations, examples and comments seems relevant. The article also draws attention to the perception of changeable forms of indeclinable nouns in the second half of the XX century and the early XXI century. The assumption made in the early XX century that the changeable forms would become normative did not materialize. However, D. N. Kudryavsky with his observations outlined the stylistic potential of unchangeable borrowed nouns.

Key words: grammar, declension of nouns, indeclinable nouns, loanwords, analytism

For citation: Kazakov, V. P. Grammatical observations of D. N. Kudryavsky and modern Russian language: declension of unchangeable nouns. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):9–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.900

REFERENCES

1. Asten, T. B. Status of “zero” declension in modern Russian language. *The Humanities and Social Sciences*. 2014;5:102–111. (In Russ.)
2. Vinokur, G. O. Mayakovsky: an innovator of language. *Vinokur G. O. The language of fiction*. (T. G. Vinokur, Comp.). Moscow, 1991. P. 317–407. (In Russ.)
3. Grammar of the modern Russian literary language. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Moscow, 1970. 767 p. (In Russ.)
4. Zaliznyak, A. A. Russian nominal inflection. Moscow, 1967. 370 p. (In Russ.)
5. Zubova, L. V. Grammatical liberties of modern poetry, 1950–2020. Moscow, 2021. 656 p. (In Russ.)
6. Melnikova, L. A. To the questions of potential changeability of indeclinable nouns. *The World of Russian Word*. 2010;2:42–49. (In Russ.)
7. Nikitin, O. V. Linguistic heritage of D. N. Kudryavsky (celebrating his 150th birth anniversary). *Russian Language at School*. 2017;10:62–69. (In Russ.)
8. Peshkovsky, A. M. Russian syntax in scientific coverage. 7th ed. Moscow, 1956. 511 p. (In Russ.)
9. Russian grammar. In 2 vols. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 1. Moscow, 1980. 783 p. (In Russ.)
10. Russian language and Soviet society: Morphology and syntax of the modern Russian literary language. (M. V. Pannon, Ed.). Moscow, 1968. 367 p. (In Russ.)
11. Trubetskoy, N. S. Morphological system of the Russian language. *N. S. Trubetskoy. Selected works on philology*. (V. A. Vinogradov, V. P. Neroznak, Comps.; T. V. Gamkrelidze et al., Eds.). Moscow, 1987. P. 67–142. (In Russ.)
12. Chukovsky, K. I. Alive as life (Talking about Russian language). Moscow, 1962. 176 p. (In Russ.)
13. Nekipelova, I. M. Destruction of the language standard in the sphere of norms to use in Russian indeclinable nouns which came from other languages. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2019;4(1):25–34. DOI: 10.24411/2470-1262-2019-10030

Received: 3 October 2022; accepted: 31 March 2023

АЛИ РАДИ МАШДЖЕЛЬ АЛЬ ХАСНАВИ

доктор филологических наук, доцент кафедры теоретических наук факультета физических воспитаний и спортивных наук

Университет Ти-Кара (Ти-Кар, Ирак)

ORCID 0000-0002-1483-479X; ali88.2000@utq.edu.iq

ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТИВОВ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ «КТО / ЧТО УВЕЛИЧИВАЕТ КОГО / ЧТО» И «КТО / ЧТО УМЕНЬШАЕТ КОГО / ЧТО»

А н н о т а ц и я . Представлены описание и выявление временных значений предикативов двух противоположных по значению, но расположенных на одном ярусе в синтаксическом поле «изменение» структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что». Актуальность исследования вытекает из функциональной значимости временной семантики в формировании коммуникативной единицы. В качестве структурообразующего компонента, маркера предикатива, подвергающегося рассмотрению, выступают глаголы увеличения типа *расширять, увеличивать, удваивать, удесятерять, усугублять* и др., которые формируют первую схему, и глаголы уменьшения вроде *глушить, замедлять, подрывать, расшатывать, уменьшать* и др., формирующие вторую. Сбор языкового материала осуществлялся на основе метода сплошной выборки из текстов русской литературы XIX–XXI веков. Большое внимание уделено выявлению основных и частных значений глагольных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. Выявлена частотность функционирования форм прошедшего времени с превалирующей актуальной семантикой с ее аористическим и перфектным значением, зарегистрирована малопродуктивность форм настоящего времени с превалирующей неактуальной семантикой узуального, итеративного, обобщенного характера и ее транспозицией, а также частотность форм будущего времени ниже частотности других форм. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** темпоральная семантика, предикатив, перфект, аористическое значение, локализованность, нелокализованность, узуальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Аль Хаснави А. Р. М. Особенности темпоральной семантики предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 14–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.901

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на длительный неугасающий интерес ученых к категории времени как категории философской или лингвистической, подвергавшейся тщательному анализу в работах многих исследователей, вопрос, связанный с его осмыслением, стоит не одну сотню лет. Первое (философское) понимание времени до некоторой степени антропоцентрично: время и человек, время и человеческое мышление, время и бытие осознавались в связи друг с другом. Второе (лингвистическое) понимание времени всегда было несколько иным: время признавалось как грамматическое явление [15: 22], выражаемое определенным набором морфологических характеристик.

Категория времени, обозначающая отношение времени действия к моменту речи, включается в число обязательных признаков предложения. Согласно теории В. В. Виноградова, синтакси-

ческое время (темпоральность) является, наряду с модальностью и синтаксическим лицом, одним из компонентов предикативности [6: 226–229, 264–271], [7: 78]. Темпоральная семантика – одна из самых привлекательных областей современной лингвистики. Она и другие темпоральные выражения, включая модификацию, контекстную зависимость, лексическое разнообразие и взаимодействие элементов в нескольких грамматических категориях, возможно, столь же богаты и проблематичны, как и другие виды семантики, присутствующие в естественных языках.

Актуальность исследования определяется, во-первых, функциональной значимостью временной семантики в формировании коммуникативной единицы. Во-вторых, темпоральная семантика предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» еще не была предметом специального анализа исследователей-лингвистов, хотя

в русской лингвистике темпоральной семантике посвящено немало работ [1], [2], [3], [4], [6], [8], [9], [11], [14], [17], [18], [19], [20], [21] и др.

Цель исследования – выявление особенностей временных значений предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что».

Фактический языковой материал (с 12730 условно-печатных листов получено 700 примеров), лежащий в основе исследования, представлен сплошной выборкой из романов, повестей, рассказов и пьес русских писателей XIX–XXI веков: В. Аксенова, А. С. Грина, Ф. М. Достоевского, Ю. Дружникова, А. Б. Мариенгофа, А. Н. Толстого и др.¹ Количество авторов – 19. Ограничение хронологическими рамками (1866–2011) обусловлено развитием художественного языка и литературных форм в рассматриваемый период. Наблюдаются заметные изменения как на текстовом уровне, так и на собственно языковом, не говоря об изменении норм русского литературного языка, продолжающемся и в настоящее время.

Одним из важнейших компонентов содержательной структуры высказывания, который устанавливает его соотношенность с внеязыковой действительностью в реально существующем физическом времени, воспринимаемом человеком в его отдельных моментах, отрезках, промежутках, является темпоральная семантика [11: 5]. Данная семантическая категория объективирована в высказывании различными средствами: грамматическими, лексическими и комбинированными (грамматико-контекстуальными, лексико-грамматическими), образующими временной дейктический центр, который, находя выражение в системе глагольных форм времени, рассматривается как системно-языковая точка отсчета [3: 5–8], [4: 478].

Под временным дейктическим центром понимается отражение, обобщение и закрепление в данной языковой системе и существующих в ней подсистемах внеязыкового момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессах коммуникации [3: 8–9]. Поскольку временные глагольные формы являются ядром временного дейктического центра, они обнаруживают ориентацию на определенную точку отсчета – дейктический центр, заключенный в построении данной системы, ее фокусировке [3: 8]. Понятие временного дейксиса обозначает языковую интерпретацию соотношенности времени ситуации с моментом речи или какой-либо иной точкой отсчета [13: 17], то есть темпоральная ориентация обозначаемой ситуации с точки зрения говорящего или другого

лица, определяющего временные отношения [4: 478].

В определении темпоральной семантики предикатива учтено сочетание актуальности / неактуальности или один из компонентов категориальных признаков локализованности / не локализованности действия (ситуации) во времени: конкретности, неконкретности (узальности или временной обобщенности).

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА

«КТО / ЧТО УВЕЛИЧИВАЕТ КОГО / ЧТО»

Данная схема трехкомпонентна (по частотности функционирования она занимает первое место, что составляет 50,1 % примеров). Она представляет пропозицию, включающую следующие смыслы: субъект – предикат – объект. В позиции субъектива отмечаются как одушевленные, так и неодушевленные существительные в форме именительного падежа, которые относятся к разным лексико-семантическим группам имен: *дети́на, мадемуазель, охотник, человек; лошадь, медведь; вещество, занавеска, облако, сообщение, чувство* и др. Нередко в этой позиции выступают и личные (*я, он, они*), указательные (*это*), определительные (*весь, все*), относительные (*который, кто*) местоимения или субстантивированные прилагательные (*подручный*). Позиция предикатива занята глаголами увеличения типа *растягивать, увеличивать, удваивать, удесятерять, усугублять* и др. Позиция объектива, подвергавшегося изменению, представлена личными, конкретными или отвлеченными именами в форме винительного падежа: *деньги, подтяжка, тираж; наказание, план, ругательство, событие* и др. Реже в этой позиции выступают определительные (*весь, все, другой*) и неопределенные (*что-то*) местоимения.

В текстах возможны пропуски словоформ со значением субъекта ввиду их информативной избыточности или контекстуальной представленности:

«Во всех здешних *будем* в дальнейшем *расширять* посадку картофеля и овощей, а в Заречье – зерновые» (Астафьев: 561).

Необходимо отметить, что «субъект и предикат – термины понятийные, субъектив и предикатив – термины функциональные». Субъективом называется словоформа со значением субъекта, предикативом – словоформа, репрезентирующая предикат [12: 14].

Инвариант схемы (индикатив) с предикативом в форме настоящего времени малопродуктивен в функционировании (13,6 % примеров). Темпоральную семантику пропозиции назы-

вают актуальной или конкретной тогда, когда ситуация прикреплена к кому-то моменту или периоду речи. Если ситуация не прикреплена к определенному периоду речи, речь может идти о неактуальной или абстрактной семантике [1: 64–68].

Актуальное настоящее время предикатива с семантикой увеличения, соотносимое с моментом речи, в материале исследования встречается редко (2,1 %):

«Председатель суда предупредил, что это замечание **усугубляет** вину и **усиливает** наказание» (Паустовский: 448); «Зоя Петровна **пытается растянуть** губы в угодливую улыбку» (Мариенгоф: 39).

Во втором примере сочетание модально-го глагола и инфинитива традиционно рассматривается как составное глагольное сказуемое. Модальный глагол в данном случае служит модификатором, усложнителем предикатива.

В подавляющем большинстве случаев форма настоящего времени обозначает неактуальное значение (11,9 % примеров). Среди различных вариантов ситуации неактуального настоящего можно выделить:

1. Ситуацию настоящего узуального, неоднократного, итеративного, основанного на обобщении опыта говорящего [2: 217], полученного наблюдением и анализом [9: 181]. Узуальность может быть результатом логических рассуждений, мыслительной деятельности [10: 29]:

«Мои подручные специально для этого дела зиму бороды **отращивают**, одеваются в грязное да рваное» (Топилин: 120); «Жалованье я **увеличиваю** вдвое, так же удваиваются обычные премии» (Толстой: 697)

или следствием переносного употребления времени [1: 170]:

«Строительство железных дорог **ускоряет** разрушение лесов...» (Леонов: 303); «Так вот, тем самым, товарищ Щельга, что вы пробудете здесь с неделку в соседстве с пауками, вы страшно, неизмеримо **увеличиваете** возможность моей победы» (Толстой: 257).

В последних примерах форма настоящего времени, думаем, функционирует в плане будущего.

2. Ситуацию настоящего обобщенного, гномического, вневременного, отличающегося максимальной степенью генерализации субъекта, объекта и ситуации в целом [4: 459]:

«Порядок **расширяет** мысль, – был его любимый афоризм» (Дружников: 62); «Вещи **усиливают** ощущение времени» (Паустовский: 408).

3. Ситуацию настоящего постоянного:

«Он все время **раздувает** ноздри, как легавая собака, почуявшая куропатку...» (Толстой: 761).

Значение ситуации увеличения, предшествующей моменту речи говорящего, передают продуктивные в функционировании глаголы прошедшего времени (84 % примеров). Они, наряду с локализованной во времени ситуацией (59,4 % примеров), маркируют и нелокализованную (24,6 %).

На конкретность, локализованность во времени ситуации, отнесенной к прошлому (предшествующей по отношению к точке отсчета), указывают:

1) глаголы совершенного вида, обозначающие ситуацию, предшествующую моменту речи говорящего (то есть подчеркивающие основное значение формы совершенного вида):

«Корейский рис **удвоил** рисовый кризис метрополиси» (Пильняк: 488);

2) глаголы несовершенного вида в имперфективной функции со значением подчеркнуто непрерывного, длящегося в определенный период времени увеличения:

«Но монах и Денисов, не слушая, **раздували** ноздри» (Толстой: 449); «Лошади на минуту **ускоряли** шаг, а потом снова едва плелись, фыркали, тянулись к темной траве по обочинам дороги» (Паустовский: 14–15).

Последний пример отражает значение расширенного прошедшего, включенного в состав актуального;

3) сочетаемость цепи глаголов совершенного вида с семантикой увеличения в аористическом значении, выражающих ряд сменяющих друг друга фактов прошлого:

«Лушка тоже признала бабу Ветлужанку, обрадовалась, как новым валенкам, **ускорила** шаг, прямым ходом к ней» (Топилин: 93); «Хотел затормозить, но пока думал, **останавливаться** или нет, **отъехал** уже далеко и **тогда** еще прибавил газ» (Дружников: 289).

В последнем примере наречие *тогда* заставляет воспринимать глагольное действие как факт, замкнутый в рамках прошлого и лишенный актуальности для более позднего временного плана;

4) форма прошедшего времени глаголов совершенного вида в перфектном значении:

«Иван передал указанную сумму, сверху **накинул** еще десятку» (Топилин: 273); «Болезненный юноша, вложив указательные пальцы в углы рта, **растянул** его, как чулок» (Мариенгоф: 276).

Неконкретную, абстрактную, нелокализованную во времени ситуацию реализует форма прошедшего времени. К таковым относятся:

1) узуальность, повторяемость действия:

«Так, – сказал Гарин. (**Опять прибавил** три непонятных слова по-русски.) – **Еще что?**» (Толстой: 787); «Еще примечательнее была его речь: **шипящие звуки**

он произносил как свистящие, свистящие как шипящие, горловые как носовые, носовые как горловые; краткие **удлинял**, долгие укорачивал, а что касается до ударений, то здесь – не было никаких границ его изобретательности и фантазии» (Мариенгоф: 522);

2) итеративная семантика, языковым показателем которой являются темпоральные конструкции: *временами, каждый день, иногда*:

«Не описываю первого времени долгого пути – дни были однообразны, и каждый **увеличивал** радость, и сердце мое сильнее щемилась грусть» (Толстой: 286); «Они (импрессионисты) писали под открытым небом и **иногда**, может быть, нарочно **усиливали** краски» (Паустовский: 572);

3) обобщенность:

«А так как при всяком превращении вещества есть неустрашимые потери, то пожранный маленький азн не **увеличивал** тела большого азна» (Платонов: 66).

Непродуктивная в функционировании синтаксическая форма будущего времени (2,4 % примеров), выражающая следования по отношению к исходной точке отсчета, реализует как актуальную (1,4 %):

«Иоаким. Один приговор, вынесенный судьями, второе **увеличит** оборот нашего торгового дома» (Мариенгоф: 17),

так и абстрактную (1 %) семантику (названная форма употребляется в плане настоящего абстрактного с оттенком уверенности):

«Уж я вам поручусь, дело пробованное <...> ну, а вам чарку водки поднесет и хоть на этот раз водой ее не **разбавит**» (Короленко: 306).

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА «КТО / ЧТО УМЕНЬШАЕТ КОГО / ЧТО»

Схема также трехкомпонентна (частотность функционирования ее представлена примерно в 49,9 % примеров). Предикатив (первый конститутивный компонент) маркирован глаголами уменьшения: *глушить, замедлять, ослаблять, подрывать, понижать, расшатывать, смягчать* и др. Субъектив (второй конститутивный компонент) представлен наименованиями: *капитан, ключ, офицер, прикосновение, сознание, собака, старуха, теща* и др. Субъектив может быть маркирован личным местоимением (*я, мы, он, она, они*), другими разрядами местоимений: отрицательными (*никто*), вопросительными (*кто*), указательными (*тот, это*), определительными (*каждый, сам*). Объектив (третий конститутивный компонент) репрезентирован номинантами: *дорога, лист, лицо, смысл, значение, тело, уверенность, чувство, штаны* и др. Позицию объектива могут занимать родовые имена (*противник, мамаша*), непарнокопытные домашние животные (*конь, лошадь*).

Высказывания, формируемые глаголами со значением уменьшения, допускают эллипсис как субъектной словоформы, так и словоформы со значением объекта:

«Наслаждаясь протухшим мясом, **притупил** бдительность, подпустил охотников на верный выстрел» (Топилин: 336); «Текст укрепляет советскую власть, а подтекст **расшатывает**» (Дружников: 360).

Настоящим временем предикатив представлен в 16,2 % примеров, репрезентирующих схему «кто / что уменьшает кого / что».

Актуальность (6,3 % примеров) ориентации времени ситуации на момент речи отражается в высказываниях типа:

«В специальной почтовой конторе у так называемой границы станции горит стосвечевая лампочка, она **рассеивает** полумрак и создает уют» (Соколов: 49); «Отойдя метров на сто от школы, **сбавляем** ход» (Прилепин: 113).

К этому временному плану относятся настоящее расширенное, охватывающее, помимо момента речи, план прошлого или будущего [5: 92], [15]:

«Не выдумываю теории, которые **всегда ограничивают** свободный рост мысли и воображения» (Горький: 881); «Рассказ еще больше **понижает** настроение» (Булгаков: 345).

Неконкретное настоящее времени момента речи (9,6 % примеров) представлено:

1) узуальностью, повторяемостью:

«Эти еретики упорствуют и всюду, где только можно, **подрывают** самый принцип королевской власти» (Толстой: 479);

2) итеративностью:

«Он хочет добра людям, **снижает каждый год** цены, склоняется к карте лесозащитных полос – и природу **набэдым!**» (Аксенов: 346); «Сдержанность происходила из уверенности, что **каждый день ослабляет** противника и **облегчает** его будущий разгром» (Леонов: 121);

3) обобщенностью:

«Кто не пьет, тот **подрывает** нашу экономику» (Дружников: 370); «А силы так и **не убывают**» (Топилин: 259).

Маркируя локализованную и нелокализованную во времени ситуацию уменьшения, формы прошедшего времени продуктивны в функционировании (80,8 % примеров).

По семантическому признаку локализованности (59,5 % примеров) собранный и исследованный материал позволил нам выделить ситуации трех типов.

1. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы совершенного вида, отражающие основное значение названной формы:

«Язубов **сдержал** поспешность и отвечал спокойно, с достоинством, но от прямой оценки ушел, чтобы не навязывать товарищам свою точку зрения» (Дружников: 496–497);

2. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы несовершенного вида:

«За те десять минут, пока автомобиль **сокращал** го-род, десять полицейских отметили его номер в записной книжке, потому что были нарушены все правила уличного движения, с неизбежным бегством враспынную встречных и поперечных» (Грин: 317–318).

К актуальной семантике относим прошедшее расширенное:

«Она уже минут пятнадцать **суживала** глаза – это всегда было признаком того, что она думает и слегка злится» (Прилепин: 888).

3. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы совершенного вида в аористическом и перфектном значении.

Аористическое значение формы прошедшего времени совершенного вида связывается с представлением действия как звена в цепи последовательных действий, сменяющих друг друга:

«Под знакомым деревом путница **замедлила** шаг, приостановилась, с грустью в глазах посмотрела на место свидания с Иваном» (Мариенгоф: 91); «Наши герои притихли, **умерили** пыл, предались расспросам: – Мы вас раньше в наших краях не видели» (Топилин: 317).

Перфектное значение, думаем, отражено в высказываниях типа:

«Какой же чудовищной силы и мощи фугас я запустил, что **пошатнул** здоровую мораль передового советского сообщества?!» (Астафьев: 14).

Временная нелокализованность ситуации (20,4 % примеров) отмечена:

1) итеративным вариантом:

«Это была весна <...> И собака – еще недели за две до родов – всячески мешала хозяевам. То она подкапывалась под деревянный сарай, то **подрывала** корни смородины, то рылась под домом, угтавливая нору, где она могла бы разродиться» (Пильняк: 10);

2) обобщенным вариантом:

«Петруха не **рассеивал** в людях этого заблуждения и даже другу не рассказывал о чем, как “жмет масло” из начальства» (Астафьев: 214);

3) метафорическим (переносным) вариантом, относящимся к будущему времени. Темпоральная отнесенность к будущему времени находит выражение, как отмечает Т. Е. Шаповалова, «при функционировании форм сослагательного наклонения с модальным значением предположительного условия или возможности» [21: 125]:

«Был бы я московским комендантом, – помолчав, сказал он, – **сократил** бы патрули и выделил наряды бойцов на кладбищах могилы копать» (Симонов: 166).

Кроме того, неактуальная семантика есть результат представления в сознании говорящего ситуации уменьшения:

«Каждое прикосновение ее пальцев **будто сбавляло жар**» (Паустовский: 131).

Синтаксическая форма будущего времени предикатива нечастотна (3 % примеров) и материализует актуальную семантику (2,3 %):

«Ведь я Богу служу и отечеству; я ведь тяжкий грех возьму на себя, **если ослаблю закон**, подумай об этом! – Ваше благородие!» (Достоевский: 70).

Значительно реже (1,7 %) встречаются высказывания, предикатив которых представлен неактуальной будущей семантикой, функционирующей в плане настоящего абстрактного:

«Из этого простого желания вы сочинили и распустили слух, что я у вас хочу лучших работников хитростью отбить, а потом **опять сбавлю** цену ниже нынешней» (Лесков: 419).

Известно, что способность какой-либо семантики быть элементом актуального или неактуального смысла обусловлена намерениями говорящего или автора произведения использовать конкретное или неконкретное время, а также взаимодействием контекста, занимающего немаловажную роль в выражении признака локализованности / нелокализованности во времени действия, способа действия, лексического значения и вида глаголов [4: 464–465], [18: 125]. По словам Ю. С. Маслова, эти смыслы передают контекст и ситуация, а иногда выбор глагольной лексемы [16: 513].

Необходимо отметить, что контекст, участвующий в реализации того или иного частного значения у грамлеммы несовершенного вида, может быть лексическим, синтаксическим или ситуативным [18: 11].

Материал нашего исследования показал непродуктивность формы настоящего актуального обеих схем. Это объясняется, думаем, тем, что большинство названных схем глаголов принадлежат к итеративным способам действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Темпоральная семантика предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» репрезентирована в нашей выборке почти всеми синтаксическими временными формами в их актуальном и неактуальном значении.

Все три синтаксические формы предикатива – настоящее, прошедшее и будущее – объективированы как актуальной, так и неактуальной семантикой, но степень их продуктивности различна. Наиболее частотными являются формы прошедшего времени с превалирующей актуальной семантикой с аористичным и перфектным значением. К неактуальной, абстрактной темпоральной семантике отнесены узуальность, повторяемость, итеративность и обобщенность формы прошедшего времени структурной схемы «кто / что увеличивает кого / что», тогда

как неактуальность, абстрактность формы прошедшего времени структурной схемы «кто / что уменьшает кого / что» представляет итеративность, обобщенность и метафоричность. Малопродуктивны формы настоящего времени с превалирующей неактуальной семантикой узуального итеративного, обобщенного характера и ее транспозицией. Частотность форм будущего времени ниже частотности других форм. Выявлено, что большинство формирующих названных схем глаголов принадлежат к итеративным способам действия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Указания на использованные источники даются в круглых скобках после примера, вначале – фамилия автора, после двоеточия – номер страницы.

Аксенов В. Ожог (Роман). М.: Современная литература, 1994. 495 с.

Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 1. Рассказы. Тают снега: Роман. Красноярск: Офсет, 1997. 608 с.

Булгаков М. А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.

Горький М. Жизнь Клим Самгина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/maksim-gorkiy/zhizn-klima-samgina> (дата обращения 13.07.2020).

Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1980. 496 с.; Т. 5. М.: Правда, 1980. 496 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч. Записки из мертвого дома. М.: Мир книги: Литература, 2007. 384 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч. Преступление и наказание. М.: Мир книги: Литература, 2008. 464 с.

Дружников Ю. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Ангелы на кончике иглы. Балтимор: Via press, 1998. 567 с.

Короленко В. Г. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1971. 335 с.

Леонов Л. Собр. соч.: В 5 т. + Т. 6. (дополн.). Т. 4. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. 552 с.; Т. 6. Русский лес. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 760 с.

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. 508 с.

Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2, кн. 1. Проза; Мемуары. М.: Терра: Книжный Клуб Книговец, 2013. 672 с.; Т. 3. Пьесы; Послесловие. М.: Терра: Книжный Клуб Книговец, 2013. 576 с.

Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1982. 687 с.; Т. 6. Рассказы. М.: Худож. лит., 1983. 623 с.

Пильняк Б. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. Рассказы; О'кэй: Американский роман; Камни и корни: Роман. М.: ТЕРРА-Книж. клуб, 2003. 544 с.

Платонов А. П. Сочинения. Т. 2. 1926–1927: Повести, Рассказы, Сценарии, Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 870 с.

Прилепин З. Дорога в декабре: Патологии. Грех. Ботинки, полные горячей водкой. Санька. Черная обезьяна. Лес: Романы, повесть, рассказы. М.: Астрель, 2012. 1052 с.

Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Повести и рассказы 1908–1911., Чудаки: Роман. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 628 с.; Т. 4. Повести и рассказы 1925–1928, Гиперболоид инженера Гарина (роман). М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 832 с.; Т. 7. Петр Первый: Роман. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 662 с.

Симонов К. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1982. 558 с.

Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком: Романы. СПб.: Симпозиум, 1999. 352 с.

Топилин И. С. Серебряный пояс. М.: Вече, 2016. 464 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210–230.
3. Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5–48.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с. (Studia Philologica).
5. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
6. Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
7. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Часть первая. М.: АН СССР, 1954. 703 с.
8. Демидкина Д. А. Темпоральные и референциальные значения временных форм с системной семантикой перфекта в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 250–254.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 524 с.

11. К а з а р и н а В. И. К вопросу о темпоральной семантике модификатора *должен* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 5–20. DOI: 10.17223/19986645/46/1
12. К а з а р и н а В. И. Современный русский синтаксис: структурная организация простого предложения: Учеб. пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. 329 с.
13. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 6–22.
14. К о с т р о в а О. А. Когнитивное моделирование темпоральной семантики в немецком нарративном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2 (55). С. 21–30.
15. Л у н н о в а М. Г. Категория вневременности: из истории вопроса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 22–24.
16. М а с л о в Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
17. П а д у ч е в а Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
18. П е т р у х и н а Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
19. П о м е т е л и н а С. М. Синтаксически связанные конструкции временной семантики как фрагмент русской темпоральной картины мира // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (8). С. 42–48.
20. Ш а п о в а л о в а Т. Е. Категория синтаксического времени и уступительность // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой, К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 166–176.
21. Ш а п о в а л о в а Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: Электронное издание. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 167 с.

Поступила в редакцию 28.02.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Ali R. M. Al-Hasnawi, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor,
University of Thi-Qar (Thi-Qar, Iraq)
ORCID 0000-0002-1483-479X; ali88.2000@utq.edu.iq

SPECIFICITY OF TEMPORAL SEMANTICS OF PREDICATIVES OF STRUCTURAL PATTERNS “WHO / WHAT INCREASES WHO / WHAT” AND “WHO / WHAT DECREASES WHO / WHAT”

Abstract. The article presents a description and revelation of the temporal meanings of predicatives with two opposite meanings located on the same tier in the syntactical field “change”: the structural patterns “who / what increases who / what” and “who / what decreases who / what”. The importance of the study follows from the functional significance of temporal semantics in the formation of the communicative unit. As the structure-forming component, a marker of a predicative under consideration, there are verbs of increasing, such as *to enlarge*, *to increase*, *to double*, *to decuple*, *to aggravate*, etc., which form the first scheme, and verbs of decreasing, such as *to muffle*, *to make slower*, *to undermine one’s health*, *to undermine smb’s authority*, *to decrease*, etc., which form the second one. The collection of linguistic material was carried out on the basis of the continuous sampling method from the texts of Russian literature of the XIX–XXI centuries. Much attention is paid to identifying the main and specific meanings of verb forms of the present, past and future tenses. The study revealed the productivity of the forms of the past tense with the prevailing actual semantics with its aoristic and perfect meaning and the low productivity of present tense forms with prevailing non-actual semantics of the usual, iterative, generalized character and its transposition, as well as the frequency of future tense forms lower than that of other forms.

Key words: temporal semantics, predicative, perfect, aoristic meaning, localization, non-localization, usage

For citation: Al-Hasnawi, A. R. M. Specificity of temporal semantics of predicatives of structural patterns “who / what increases who / what” and “who / what decreases who / what”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):14–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.901

REFERENCES

1. B o n d a r k o, A. V. Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage). Moscow, 1971. 239 p. (In Russ.)
2. B o n d a r k o, A. V. Localization of time. *Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Localization of time. Taxis*. Leningrad, 1987. P. 210–230. (In Russ.)

3. Bondarko, A. V. Temporality. *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 5–48. (In Russ.)
4. Bondarko, A. V. Theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language. Moscow, 2002. 736 p. (In Russ.)
5. Bondarko, A. V., Bulanin, L. L. Russian verb. Leningrad, 1967. 190 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. Selected works: Studies in Russian grammar. Moscow, 1975. 560 p. (In Russ.)
7. Grammar of the Russian language. Vol. 2. Syntax. Part one. Moscow, 1954. 703 p. (In Russ.)
8. Demidkina, D. A. Temporal and referential meanings of temporal forms with systemic semantics of the perfect in English and Russian. *Philology. Theory and Practice*. 2020;13(12):250–254. (In Russ.)
9. Zolotova, G. A. An essay on the functional syntax of Russian. Moscow, 1973. 351 p. (In Russ.)
10. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 1998. 524 p. (In Russ.)
11. Kazarina, V. I. On the temporal semantics of the modifier *dolzhen [must]*. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017;46:5–20. DOI: 10.17223/19986645/46/1 (In Russ.)
12. Kazarina, V. I. Modern Russian syntax: structural organization of the simple sentence: Textbook. Yelets, 2007. 329 p. (In Russ.)
13. The category of temporal order and the function of verbal forms of aspect and tense in the utterance (on the material of the Russian language). *Inter-categorical connections in grammar*. (A. V. Bondarko, Ed.). St. Petersburg, 1996. P. 6–22. (In Russ.)
14. Kostrova, O. A. Cognitive modeling of temporal semantics in German narrative discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018;2(55):21–30. (In Russ.)
15. Lunnova, M. G. The category of timelessness: from the history of the issue. *Proceedings of the Penza State Pedagogical University Named after V. G. Belinsky*. 2010;15(19):22–24. (In Russ.)
16. Maslov, Yu. S. Selected works: Aspectology. General linguistics. Moscow, 2004. 840 p. (In Russ.)
17. Paducheva, E. V. Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian language. The semantics of narrative. Moscow, 2010. 480 p. (In Russ.)
18. Petrukhina, E. V. Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic research). Moscow, 2009. 208 p. (In Russ.)
19. Pometelina, S. M. Syntactically related constructions of temporal semantics as a fragment of the Russian temporal picture of the world. *The Siberian Transport University Bulletin. Humanitarian Research*. 2020;2(8):42–48. (In Russ.)
20. Shapovalova, T. E. The category of syntactic tense and concession. *Russian grammar: structural organization of language and processes of language functioning*. (O. I. Glazunova, Ed.). Moscow, 2019. P. 166–176. (In Russ.)
21. Shapovalova, T. E. Temporal semantics of poetic utterance: Electronic edition. Moscow, 2020. 167 p. (In Russ.)

Received: 28 February 2022; accepted: 31 March 2023

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ БОДРИКОВ

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры лингвистики

ЧОУ ВО Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7905-384X; bodrik1987@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА *ПОБЕДА* В XVIII–XIX ВЕКАХ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – описать понятийные признаки концепта *победа* периода XVIII–XIX веков. Задачи: проанализировать словарные статьи «победа» и других репрезентантов концепта в толковых словарях русского и церковнославянского языков; на основе полученных данных определить развитие понятийных признаков концепта *победа*. Актуальность исследования состоит в осмыслении эволюции первичных признаков изучаемого концепта до класса понятийных. В научной литературе отсутствуют работы, в которых анализируются понятийные признаки концепта *победа* периода XVIII–XIX веков. Этим объясняется научная новизна проведенного исследования. В ходе анализа пяти словарей данного периода было выявлено 42 понятийных признака концепта *победа*. Десять признаков, не обнаруженные в словарях периода XVIII–XIX веков, оказались актуальными для изучаемого периода. Это подтвердили данные из Национального корпуса русского языка. Общее количество понятийных признаков в изучаемый период составило 52 единицы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : концепт, понятийные признаки, эволюция концепта, лингвокультурология, концептология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бодриков А. Б. Эволюция понятийных признаков концепта *победа* в XVIII–XIX веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.902

ВВЕДЕНИЕ

Милитарные концепты все чаще становятся объектом исследования в современной лингвистике. В русской лингвокультуре есть концепты, актуализирующие значимые смыслы для всего народа. Один из таких концептов – *победа*. Рабочим термином в статье является *понятийный признак*. «Под понятийными понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем и семем) слова – репрезентанта концепта» [14: 314]. Милитарные концепты – обширная область предстоящего исследования. Обращение к этой сфере жизни актуально, так как затрагивает лингвокультурологическую специфику языка.

Работа выполнена в рамках концептуальных исследований Санкт-Петербургско-Кемеровской школы. Используются следующие методы исследования: метод компонентного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта, описательный, концептуальный и интерпретативный. Семантическая структура слова двусоставна, в ней выделяются: 1) лексема (материальный компонент) и 2) семема (идеальный компонент) [22: 6]. Семема, в свою очередь,

состоит из сем – элементарных единиц смысла, являющихся концептуальными признаками. А. П. Бабушкин отмечает, что «через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, “улавливаем” концепты» [1: 53]. Источниками языкового материала стали два толковых словаря русского языка XVIII–XIX веков, два словаря церковнославянского и один словарь старославянского языка, а также Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Тема концептуальных исследований чрезвычайно актуальна в последнюю четверть века [7]. Когнитологи касаются вопросов концептуальной картины мира [15], структуры концептов и эволюции признаков концептов [10], индивидуальной картины мира [12], [13].

Отметим ряд статей, в которых описываются отдельные аспекты концепта *победа*. Т. Г. Смотрова представила сопоставительный анализ концептов *победа* и *поражение* [20]. В русской и английской лингвокультурах концепт *победа* был рассмотрен Д. Ю. Зориным и В. Б. Крячко [4]. В. Б. Крячко описал данный концепт в рамках

фрейма *война* [9]. А. В. Лучанинова представила способы реализации концепта *победа* в институциональном спортивном медиадискурсе сферы скачек британской и русской лингвокультур [11]. Н. Б. Дубенец исследовала языковые средства объективации концепта *победа* в американском внешнеполитическом дискурсе [3].

По смежным темам существует ряд концептуальных исследований. Среди них можно назвать статьи В. В. Волкова [2], М. А. Потапчук [18], А. Ю. Каспаровой [6], В. Б. Крячко [8], И. Б. Фоменко [21], посвященные анализу концепта *война*. Н. С. Скворцова обратилась к концепту *успех*, объективированному фразеологическими единицами современного английского языка [19]. О концептах воинской славы и концепте *воин* писали М. В. Пименова и А. Б. Бодриков [16], [17]. Концепт *победа* актуален для спортивного дискурса. А. Ю. Каспарова изучила метафорический концепт *спорт* как источник фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе [5]. Исследуемый концепт встречается и в игровом дискурсе: эту тему раскрыла Т. А. Литвинова [10].

В лингвистической литературе отсутствуют работы, в которых выявляются понятийные признаки концепта *победа* периода XVIII–XIX веков. Этим объясняется научная новизна проведенного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На предыдущем этапе исследования у концепта *победа* было обнаружено 22 мотивирующих признака: ‘беда’, ‘в бою’, ‘бить’, ‘быть’, ‘война’, ‘враг’, ‘искушение’, ‘награды’, ‘несчастье’, ‘одержанье верх’, ‘одоление’, ‘побывать’, ‘поражение’, ‘почести’, ‘принуждать’, ‘разорение’, ‘соблазн’, ‘торжество’, ‘триумф’, ‘трофей’, ‘убеждать’, ‘успех’. Для определения дальнейшего развития структуры концепта *победа* были проанализированы толковые словари периода XVIII–XIX веков. Не все толковые словари изучаемого периода содержат статью «победа». Ее не оказалось в словарях В. И. Даля, «Словаре Академии Российской» конца XVIII века. Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» так трактует слово *победа*:

«одоление неприятеля в сражении; в некоторых местах сваяч. писания, по употреблению соответствующего еврейского слова *pezach*, значит конец, или полноту», «(троблаиов) трофей, победный памятник»¹.

Автор словаря, ссылаясь на Дювернуа, считает корнем слова *победа* – *бѣ(хъ)*².

В. И. Даль в статье «побеждать» дает такое толкование глагола:

«осиливать, одолевать, превозмогать, побороть, смирать, покорять, подчинять себе, одержать верх, совладать; быть первым при состязании»³.

В самом подробном «Словаре русского языка XVIII века» приводятся разные репрезентанты исследуемого концепта. В этом словаре находим такое истолкование слова *победа*:

«1. Успех в бою (одержанье, возыметь, получить, улучшить, выиграть, вырвать; одоление). | Об аллегорическом, символическом изображении (лавр, чаша, гром; крест победы “знак отличия за боевые заслуги”). 2. Успешное одоление, завершение; торжество над кем-л., чем-л. | Успех в любви, в любовных притязаниях. | В функции межд. | Успех в споре, состязании»⁴.

К слову *победитель* даются следующие дефиниции:

«1. Тот, кто одержал военную победу. | Завоеватель. | Как эпитет английского короля Вильгельма I (ср. англ. The Conqueror). Победитель мира, вселенной, света. О великих полководцах-завоевателях. | Тот, кто добился успеха в играх, состязаниях и т. п. С видом победителя. С самодовольным, гордым видом (ср. фр. avec l'airs de triumpheur)»⁵.

Репрезентантами изучаемого концепта в XVIII веке были слова *побѣдник*, *побѣдоносец*⁶.

В этом же словаре есть статья «победить»:

«1. кого-что, без доп. Одержанье победу над противником, нанести ему поражение. Пришел, увидел, победил (ср. лат. *veni, vidi, vici* – слова Юлия Цезаря о победе над понтийским царем Фарнаком). Как характеристика быстрого и решительного действия. | что. Завоевать, покорить. | кого и без доп. Одержанье верх в состязании, соревновании, игре. 2. кого-что. Одержанье верх над кем-л., одоление кого-, что-л. Победить себя. Сдержанье свои чувства; заставить себя измениться. | кого. Перен. и образно. Добиться взаимного или ответного чувства. | С абстрактным субъектом действия. Победить сердце, сердца | что. Преодоление (препятствия, затруднения). | Побороть в себе (какое-л. чувство, состояние и т. п.), пересилить. 3. Убедить»⁷.

В статье «побѣдиться» приводится две дефиниции глагола: «1. Подчиниться, покориться. 2. Страд. к *победить* – *побеждать*»⁸.

«Словарь церковнославянского и русского языка» в статье «побѣда» предлагает такое толкование: «1. Одоление, разбитие неприятеля в сражении. 2. Осиление соперника, торжество над врагом»⁹.

В этом же словаре в статье «побѣдительная» дается такое определение: «церк. Знамение победы, трофей», в статье «побѣдительный» – «одержавший многие победы, победоносный»¹⁰.

Словарь приводит статьи «побѣдище»: «место сражения, где одержана победа»¹¹; «побѣждать»: «1. Одерживать победу или смирать, покорять оружием. 2. Одолевать, превозмогать»¹².

Полученные итоги сведем в таблицу. Помета «мотивир.» означает мотивирующие признаки.

Понятийные признаки концепта *победа* по данным словарей церковнославянского и русского языков XVIII–XIX веков
 Conceptual signs of the *victory* concept according to the data of the Church Slavonic and Russian languages dictionaries of the XVIII–XIX centuries

№	Понятийные признаки концепта <i>победа</i>	Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка	Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь	Словарь русского языка XVIII века	Словарь церковнославянского и русского языка
1	‘аллегория / символ / изображение (лавр, чаша, гром; крест)’	-	-	+	-
2	‘в бою’ (мотивир.)	-	-	+	-
3	‘быть первым’ – ‘быть’ (мотивир.)	+	-	-	-
4	‘военный’ – ‘война’ (мотивир.)	-	-	+	-
5	‘вполне’	-	+	-	-
6	‘враг’ (мотивир.)	-	-	-	+
7	‘добиться’	-	-	+	-
8	‘завершение’	-	-	+	-
9	‘завоевать / завоеватель’	-	-	+	-
10	‘заставить’	-	-	+	-
11	‘знамение’	-	-	-	+
12	‘игра’	-	-	+	-
13	‘искушение’ (мотивир.)	-	-	-	-
14	‘конец’	-	+	-	-
15	‘навсегда’	-	+	-	-
16	‘одержать’ – ‘одержать верх’ (мотивир.)	+	-	+	+
17	‘одолевать / одолеть’ – ‘одоление’ (мотивир.)	+	-	+	+
18	‘осилить / осиление’	+	-	-	+
19	‘памятник’	-	+	-	-
20	‘пересилить / пересилить’	-	-	+	-
21	‘поборать / побороть’	+	-	+	-
22	‘подчинять себе / подчинить’	+	-	+	-
23	‘побыть’ (мотивир.)	-	-	-	-
24	‘покорять / покорить’	+	-	+	+
25	‘полнота’	-	+	-	-
26	‘поразить / поражать / нанести поражение’ – ‘поражение’ (мотивир.)	-	-	+	-
27	‘превозмогать’	+	-	-	+
28	‘преодолеть’	-	-	+	-
29	‘принуждать’ (мотивир.)	-	-	-	-
30	‘противник / неприятель’	-	-	+	+
31	‘разбитие’	-	-	-	+
32	‘сдержать’	-	-	+	-
33	‘смирять’	+	-	-	+
34	‘совершенно’	-	+	-	-
35	‘совладать’	+	-	-	-
36	‘соревнование’	-	-	+	-
37	‘соперник’	-	-	-	+
38	‘состязание’	+	-	+	-
39	‘сражение’	-	-	-	+
40	‘торжество’ (мотивир.)	-	-	+	+
41	‘трофей’ – ‘трофеи’ (мотивир.)	-	+	-	+
42	‘успех’ (мотивир.)	-	-	+	-

Эволюция мотивирующих признаков до состояния понятийных показывает следующую картину. В период XVIII–XIX веков в структуре концепта *победа* в неизменном виде фиксируются такие признаки, как ‘в бою’, ‘враг’, ‘побыть’, ‘торжество’, ‘успех’, которые являются мотивирующими, выявленными на предшествующем этапе, а в указанный период они переходят в разряд понятийных. Часть мотивирующих признаков претерпевает трансформацию. Мотивирующий признак ‘быть’ становится понятийным ‘быть первым’. Мотивирующий признак ‘война’ превращается в понятийный признак ‘военный’. Мотивирующий признак ‘принуждать’ в толковых словарях приводится как ‘принудить’. Мотивирующий признак ‘трофеи’ в толковых словарях дается в форме единственного числа ‘трофей’. В отдельных случаях есть более сложный вариант трансформации, когда в одних толковых словарях изучаемого периода указывается идентичный мотивирующему признак, в других – трансформировавшийся на его основе. Например, мотивирующий признак ‘одержать верх’ приводится в этом же виде в некоторых толковых словарях, в других словарях он меняет свою форму: ‘одержать’ (в сочетании *одержать победу*). Мотивирующий признак ‘одоление’ встречается в одних толковых словарях, в других он дается как ‘одолевать / одолеть’. Это же происходит с мотивирующим признаком ‘поражение’, который может быть указан в этой форме и как признак ‘поразить / поражать / нанести поражение’.

В структуре концепта *победа* появляются новые понятийные признаки:

‘аллегория / символ / изображение (лавр, чаша, гром; крест)’, ‘вполне’, ‘добиться’, ‘завершение’, ‘завоевать / завоеватель’, ‘заставить’, ‘знамение’, ‘игра’, ‘конец’, ‘навсегда’, ‘осилить / осиление’, ‘памятник’, ‘пересилить / пересиливать’, ‘поборать / побороть’, ‘подчинять себе / подчинить’, ‘покорять / покорить’, ‘полнота’, ‘превозмогать’, ‘преодолеть’, ‘противник / неприятель’, ‘разбитие’, ‘сдержать’, ‘смирять’, ‘совершенно’, ‘совладать’, ‘соревнование’, ‘соперник’, ‘состояние’, ‘сражение’.

Такие мотивирующие признаки, как ‘беда’, ‘бить’, ‘искушение’, ‘награды’, ‘несчастье’, ‘побыть’, ‘почести’, ‘принуждать’, ‘разорение’, ‘соблазн’, ‘триумф’, ‘убеждать’, в словарях периода XVIII–XIX веков не обнаружены.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка для выяснения вопроса об актуальности для периода XVIII–XIX веков не найденных в проанализированных словарях признаков: ‘беда’, ‘бить’, ‘искушение’, ‘награды’, ‘несчастье’, ‘побыть’, ‘почести’, ‘принуждать’, ‘разорение’, ‘соблазн’, ‘триумф’, ‘убеждать’.

Признак ‘беда’ актуализируется в контекстах второй половины XIX века:

«Цззи одержали важную **победу**: взяли город, и это **беда** для наших китайцев» (К. А. Скачков. Мой дневник, 1862–1875); «Скоро осмотрелись русские, опомнились от упоения **победы**; настали для них опять скорби, заботы и **беды**» (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, 1874).

Второй признак ‘бить’ объективируется в контекстах 1794–1795 годов:

«Как скоро он запел, то Иван-королевич одержал **победу** над стариком, который вдруг ему заговорил с почтением: “Не **бей** меня, добрый кавалер!”» (Сказка о Иване-королевиче, 1880); «Ну, как это поверить, что ты **победы** великие одерживал, Фридриха **бил** на всех германских полях?!» (Е. А. Салиас. На Москве, 1885).

Третий признак ‘искушение’ обнаруживается в контекстах 1770 года:

«И герой Христианский, чтоб силу страстей ослабить и получить **победу над искушениями**, имеет нужду величайший сносить подвиг» (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества, 1878); «Но если в Христе как единичном лице нравственный подвиг **победы над искушениями** злого начала и добровольного подчинения началу божественному совершился как дело по преимуществу внутреннее...» (В. С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве, 1881).

Четвертый мотивирующий признак ‘награды’ объективируется в контекстах второй половины XIX века:

«Мы были в Германии, и он едва одержал **победу**, уже стали мы просить у него **денежной награды**» (Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию, 1855); «Указ по докладу из Аньхой о **победах**, инсургенты оставили два города, а за это маньчжурам **награды**» (К. А. Скачков. Мой политический журнал, 1862–1875).

Пятый признак ‘несчастье’ актуализируется в контекстах 70-х годов XIX века:

«Известно всем, что получили мы **победу** под Полтавою, на котором сражении убит **несчастный** муж мой» (М. Д. Чулков. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины, 1878); «И она, вспомнив те слова, которые дали ей **победу**, именно: “Я близка к ужасному **несчастью** и боюсь себя”» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877).

Актуализация шестого признака ‘побыть’ наблюдается в контекстах 1709–1812 годов:

«О поле достойное победительными знаменьями и торжественным неким зданием украшено **быти** на вечную память толь преславной **победы!**» (архиепископ Феофан. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу. 1709, 1812); «Еще не удалось мне **быть** в огне, но я **был** только зри-

телем третьевнешней **победы**, ибо до гвардии не доходило дело» (В. С. Норов. Письма С. А. и Т. М. Норовым, 1812).

Седьмой признак 'почести' объективируется в контекстах 70–80-х годов XIX века:

«Возвращающуюся тако во здравии и целости с своими Аврааму от брани тоя с **победою**, сrete его Мельхиседек с благословением и **почестию**: жалует царь Салимский Авраама за труды, дарует ему от плена того вся неприятельския имения, себе токмо людей своих возвратити хотящи» (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1880); «И глаза матушки горбли; она какъ-то неразрывно соединяла армию и сына, **побьды** наши и **почести**, заслуженныя сыномъ» (Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур). Семейство Шалонских, 1879).

Восьмой признак 'принуждать' представлен как в контексте 1682–1768 годов:

«И тако за помощию Божию неприятель тогда, намерения своего не исполня, **принужден** со стыдом отступить, оставя нам сугубую, при помощи Божией, **победу** и радость...» (И. А. Желябужский. Дневные записки. 1682–1709, 1730); «Славу христианскую больше умножили, и напоследок сами **принуждены** были уступить **победу** и торжество истине» (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, 1768),

так и в контексте 1827 года:

«Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они **принуждены** славиться подобными **победами** над предрассудками вкуса!» (А. С. Пушкин. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», 1827).

Девятый признак 'разорение' обнаружен в контекстах 1770–1851 годов:

«Всѣ **побьды** его состояли въ томъ, что **разориль** онъ нѣсколько волостей и плѣнилъ множество уѣздныхъ жителей» (Н. П. Рычков. Продолженіе Журнала или Дневныхъ записокъ путешествія Капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1770 году, 1860); «Теперь вы сами видите над собою **победу** и одоление и конечное **разорение** от худыхъ людей, от подданныхъ своихъ запорожскихъ черкас...» (С. М. Соловьев. История России с древнейшихъ времен, 1851).

Актуализация десятого признака 'соблазн' возможна как в контексте 1878 года:

«Меня ли **соблазнить** **победами**, воинскими триумфами, когда вижу, насколько напрасны и гибельны они?» (Г. П. Данилевский. Потемкин на Дунае, 1878),

так и в контексте 1898 года:

«...Когда дама села за соседний стол в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких **победах**, о поездках в горы, и **соблазнительная** мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною жен-

щиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им» (А. П. Чехов. Дама с собачкой, 1898).

Однако в контекстах XVIII века этот признак не встретился.

Одиннадцатый признак 'триумф' обнаружен в контекстах 1779–1811 годов:

«Триумфальные Ворота построены были в Санктпетербурге на Троицкой Площади, против Австери, подле Петровскаго Мосту, в 1714-м году июля 27, которые сделаны были для вѣкториальнаго **триумфа**, на вход Государя Императора Петра Великаго с богодарованною **победою** над шведскою эскадрою при Ангуте, где взят был Шаутбенахт Швецкой со однимъ фрегатом, и при немъ несколько галер» (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга, 1779); «Обширный четырехугольный свод поддерживался толстыми четырьмя столбами; пол и стены покрыты были разноцветнымъ мрамором Лаконским и Фригийским; свод и стены представляли в мозаическихъ изображенияхъ **триумфы одержанныхъ побед** в Африке и в Италии» (Из Гиббоновой истории об упадке и разрушении Римской Империи // Вестник Европы, 1811).

Актуализация двенадцатого признака 'убеждать' характерна для контекстов 1816–1820 годов:

«Иоанн впустил и бояр, которые с такимъ же умилением, с такою же силою **убеждали** царя сжалиться над Россіею, возвеличенною его **победами** и мудрыми уставами, славною мужествомъ ее народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнейшею благовериемъ» (Н. М. Карамзин. История государства Россійскаго, 1832); «Для чего голосу моему дает Он силу **убеждения**, уму моему силу **победы** над всеми препонами?» (Н. А. Полевой. Клятва при гробѣ Господнемъ, 1863–1864); «**Убеждение** в достоверности подобнаго закона есть одна изъ важныхъ **побед**, сделанныхъ человеческимъ разумомъ в области неизвѣстнаго...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь, 1864).

Контекстов XVIII века с актуализацией признака 'убеждать' не обнаружено.

Как показало изучение языкового материала из Национального корпуса русского языка, все мотивирующие признаки концепта *победа*, обнаруженные на предшествующемъ этапе исследования в этимологическихъ словаряхъ русского языка, но не найденные в словаряхъ XVIII–XIX вековъ, актуальны для исследуемаго периода. Два признака ('соблазн' и 'убеждать') не подтверждены примерами XVIII века, что можно объяснить ограниченнымъ количествомъ текстовъ даннаго периода, доступныхъ в корпусе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования пяти словарей русского и церковнославянскаго языковъ и языковой материалъ показываютъ наличие в структурѣ концепта *победа* 42 понятийныхъ признаковъ в изучаемый период.

Выявленные в толковых словарях XVIII–XIX веков понятийные признаки концепта *победа* можно представить в виде десяти блоков:

1. Война ('беда', 'бить', 'в бою', 'военный', 'враг', 'одержать (верх)', 'одоление / одолевать / одолеть', 'противник / неприятель', 'сражение').
2. Результат битвы ('завоевать / завоеватель', 'награды', 'побыть', 'поражение / поразить / поражать / нанести поражение', 'почести', 'разбитие', 'разорение', 'трофей').
3. Эмоциональное состояние ('несчастье', 'торжество', 'триумф', 'успех').
4. Достижение цели ('добиться').
5. Знаки победы ('аллегория / символ / изображение (лавр, чаша, гром; крест)', 'знамение', 'памятник').
6. Соревнование и его итоги ('быть первым', 'игра', 'соревнование', 'соперник', 'соствозание').
7. Завершение процесса ('вполне', 'завершение', 'конец', 'навсегда', 'полнота', 'совершенно').

8. Принуждение ('заставить', 'подчинять себе / подчинить', 'покорять / покорить', 'принудить').

9. Проявление силы, мощи ('осилить / осилить', 'пересилить / пересилить', 'поборать / побороть', 'превозмогать', 'преодолеть', 'сдержать', 'смирять', 'совладать').

10. Моральное давление ('искушение', 'соблазн', 'убеждать').

В структуре концепта *победа* появляются целые блоки новых признаков: «достижение цели», «знаки победы», «завершение процесса», «принуждение», «проявление силы, мощи», «моральное давление». Национальный корпус русского языка позволил подтвердить актуальность 10 мотивирующих признаков. Таким образом, общее количество понятийных признаков концепта *победа* периода XVIII–XIX века – 52 единицы, что в два раза превышает количество мотивирующих признаков в структуре этого концепта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Типография Вильде, 1899. С. 435–436.
- ² Там же. С. 436.
- ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Типография А. Семена, 1863. Т. III [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/307786> (дата обращения 06.01.2020).
- ⁴ Словарь русского языка XVIII века. М.: Наука, 2013. Т. 20. С. 67–68.
- ⁵ Там же. С. 68.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 69–70.
- ⁸ Там же. С. 70.
- ⁹ Словарь церковнославянского и русского языков / Сост. Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. Т. III. Стлб. 496.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Стлб. 497.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 52–57.
2. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103–113.
3. Дубенец Н. Б. Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2021. № 2 (86). С. 81–88. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_02_07
4. Зорин Д. Ю., Крячко В. Б. Концепт «Победа» в русской и английской лингвокультурах // Альманах современной науки и образования. 2016. № 3 (105). С. 44–46.
5. Каспарова А. Ю. Метафорический концепт «Спорт» как источник фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 108–113.
6. Каспарова А. Ю. Фразеологическая активность метафорического концепта «Война» в англоязычном политическом дискурсе // Политическая лингвистика: Тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 6 октября 2011 г.). Екатеринбург: УрГПУ, 2011. С. 115–118.
7. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 245 с.
8. Крячко В. Б. Концепт «война»: анализ сочетаемости слов // Аксиологическая лингвистика, проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики. Волгоград: Колледж, 2006. С. 67–73.
9. Крячко В. Б. Фрейм войны в английской и русской лингвокультурах // Антропологическая лингвистика. Волгоград: Колледж, 2006. Вып. 5. С. 151–156.

10. Литвинова Т. А. Метафоры со сферами-источниками «Спорт» и «Игра» в немецком политическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 101–105 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforu-so-sferami-istochnikami-sport-i-igra-v-nemetskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения 08.04.2021).
11. Лучанинова А. В. Реализация концепта «победа» в институциональном спортивном медиа-дискурсе сферы скачек британской и русской лингвокультур // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 111–115 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptu-pobeda-v-institutsionalnom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoj-i-russkoj-lingvokultur> (дата обращения 08.04.2021).
12. Маслова В. А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением. Мн.: Экономпресс, 2000. 224 с.
13. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2017. 254 с.
14. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: Монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9)
15. Пименова М. В. Концептуальная картина мира // Языковая картина мира: Учеб. пособие. 3-е изд., доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 82–98.
16. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 16–21.
17. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 4. С. 1131–1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138
18. Потапчук М. А. Концепт *война* в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 48–52.
19. Скворцова Н. С. Репрезентация концепта «Успех» фразеологическими единицами современного английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 20 (706). С. 214–226 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontseptu-uspeh-frazeologicheskimi-edinitsami-sovremennogo-anglijskogo-yazyka> (дата обращения 08.04.2021).
20. Смотрова Т. Г. *Победа и поражение* // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4. С. 98–113.
21. Фоменко И. Б. Концепт *война* в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. № 3. С. 910–917.
22. Leher A. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam; London; New York: North-Holland Publishing Company, 1974. 46 p.

Поступила в редакцию 17.09.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Alexey B. Bodrikov, Cand. Sc. (Philology), Lecturer, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7905-384X; bodrik1987@yandex.ru

EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE *VICTORY* CONCEPT IN THE XVIII AND THE XIX CENTURIES

Abstract. The purpose of the article is to describe the conceptual characteristics of the *victory* concept in the XVIII and the XIX centuries. The research objectives are to analyze the dictionary entries for the world “victory” or other representatives of the concept in the explanatory dictionaries of the Russian and Church Slavonic languages and to trace the development of the conceptual characteristics of the *victory* concept based on the data obtained. The relevance of the research lies in understanding the evolution of the primary signs of the studied concept and to the class of conceptual characteristics. There are no studies that analyze the conceptual characteristics of the *victory* concept in the XVIII and the XIX centuries, which determines the research novelty. Forty-two conceptual characteristics of the *victory* concept were identified during the analysis of five dictionaries of the said period. Ten characteristics not found in the dictionaries proved to be relevant for the period under study. This was confirmed by data from the Russian National Corpus. Overall, there were revealed 52 conceptual characteristics over the studied period.

Key words: concept, conceptual characteristics, concept evolution, linguoculturology, conceptology

For citation: Bodrikov, A. B. Evolution of the conceptual characteristics of the *victory* concept in the XVIII and the XIX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.902

REFERENCES

1. Babushkin, A. P. Concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods of their detection. *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, 2001. P. 52–57. (In Russ.)

2. Volkov, V. V. The concept of “war” in linguistic culturology: the semantic kernel, the aspects of hermeneutic research. *Vestnik TvGU. Series: Philology*. 2017;1:103–113. (In Russ.)
3. Dubenets, N. B. Linguistic means of representation of the concept of “victory” in the US foreign policy discourse. *Political Linguistics*. 2021;2(86):81–88. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_02_07 (In Russ.)
4. Zorin, D. Yu., Kryachko, V. B. Concept “victory” in Russian and English linguo-cultures. *Almanac of Modern Science and Education*. 2016;3(105):44–46. (In Russ.)
5. Kasparova, A. Yu. Metaphorical concept “Sport” as a source of phraseological units in the English-language political discourse. *Political linguistics*. 2011;2(36):108–113. (In Russ.)
6. Kasparova, A. Yu. Phraseological activity of the metaphorical concept of “War” in the English-language political discourse. *Political linguistics: Proceedings of the International Research Conference*. Ekaterinburg, 2011. P. 115–118. (In Russ.)
7. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. Introduction to conceptology: Textbook. Moscow, 2017. 248 p. (In Russ.)
8. Kryachko, V. B. The concept of “war”: analysis of words compatibility. *Axiological linguistics, issues of linguoconceptology, semantics, and stylistics*. Volgograd, 2006. P. 67–73. (In Russ.)
9. Kryachko, V. B. The frame of war in English and Russian linguocultures. *Anthropological linguistics*. Volgograd, 2006. Issue 5. P. 151–156. (In Russ.)
10. Litvinova, T. A. Metaphors with the source spheres “Sport” and “Game” in German political discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2007;1:101–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafor-y-so-sferami-istochnikami-sport-i-igra-v-nemetskom-politicheskom-diskurse> (accessed 08.04.2021). (In Russ.)
11. Luchaninova, A. V. Realization of concept “victory” in the institutional sports media discourse of race sphere of British and Russian lingual ultures. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*. 2010;4:111–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsept-a-pobeda-v-institutsional-nom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoy-i-russkoy-lingvokultur> (accessed 08.04.2021). (In Russ.)
12. Maslova, V. A. Marina Tsvetaeva: Over time and gravity. Minsk, 2000. 224 p. (In Russ.)
13. Maslova, V. A. Poet and culture: the concept sphere of Marina Tsvetaeva: Textbook. Moscow, 2017. 254 p. (In Russ.)
14. Pimenova, M. V. The concept of *heart*: image, concept, symbol. Kemerovo, 2007. 500 p. (In Russ.)
15. Pimenova, M. V. Conceptual picture of the world. *Language picture of the world: Textbook*. Moscow, 2012. P. 82–98. (In Russ.)
16. Pimenova, M. V., Bodrikov, A. B. Russian language picture of the world in the aspect of military glory symbols. *Humanitarian Vector*. 2019;14(5):16–21. (In Russ.)
17. Pimenova, M. V., Bodrikov, A. B. Military concepts in the Russian linguistic world image (the case of “warrior” concept). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2019;21(4):1131–1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138 (In Russ.)
18. Potapchuk, M. A. The concept of “war” in the Russian language and culture. *Chelyabinsk Humanities Scholar*. 2011;4(17):48–52. (In Russ.)
19. Skvortsova, N. S. Representation of concept “Success” in English phraseological units. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2014;20(706):214–226. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontsept-a-uspeh-frazeologicheskimi-edinitami-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (accessed 08.04.2021). (In Russ.)
20. Smotrova, T. G. *Victory and defeat. Anthology of concepts*. (V. I. Karasik, I. A. Sternin, Eds.). Volgograd, 2006. Vol. 4. P. 98–113. (In Russ.)
21. Fomenko, I. B. Concept WAR in the Russian and Chinese linguistic worldviews. *Philology. Theory and Practice*. 2021;14(3):910–917. (In Russ.)
22. Lehrer, A. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam, London, New York, 1974. 46 p.

Received: 17 September 2022; accepted: 31 March 2023

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАРЕВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова»
Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6861-6512, natasha.titova@gmail.com

НЕМЕЦКИЕ ИСТОЧНИКИ «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ» М. В. ЛОМОНОСОВА: СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН

А н н о т а ц и я . Целью статьи является выявление источников классификации видовременных форм глагола в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1757). Актуальность работы определяется значимостью «Российской грамматике» для последующего развития отечественной грамматикографии. Новизна заключается в привлечении источников, ранее малоизвестных широкому кругу исследователей. Ломоносов в «Российской грамматике» выделил несколько прошедших времен, в их числе три давнопрошедших. Классификация частично восходила к «Немецкой грамматике» М. Шванвица (1730), который, в свою очередь, ориентировался на «Die deutsche Grammatica... von Charmyntes» (1713). Именно в «Die deutsche Grammatica» была разработана модель описания глагольных времен, предполагающая три плюсквамперфекта, второй и третий из которых выражались формами так называемых двойного перфекта (*doppeltes Perfekt*) и двойного плюсквамперфекта (*doppeltes Plusquamperfekt*). В статье утверждается, что включение двойных перфектных образований в глагольную парадигму является новацией «Die deutsche Grammatica». Выдвигается предположение о том, что на автора книги повлияли идеи К. фон Штилера и Ю. Г. Шоттеля. Указывается, что двойные перфектные формы фиксируются в немецком языке начиная со второй половины XIV века. Грамматисты XVI–XVII веков советовали своим читателям избегать их, а в грамматиках XVIII века использование двойных перфектных форм уже решительно осуждалось. Прослеживаемая цепочка заимствований демонстрирует влияние немецкой грамматикографии на русскую в первой половине XVIII века. Формулируется вывод о значимой роли «Die deutsche Grammatica» в передаче лингвистического знания в этот период и опосредованном влиянии данного источника на «Российскую грамматике» М. В. Ломоносова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ломоносов, Шванвиц, Карминт, плюсквамперфект, двойной перфект

Д л я ц и т и р о в а н и я : Карева Н. В. Немецкие источники «Российской грамматике» М. В. Ломоносова: система глагольных времен // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 30–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.903

ВВЕДЕНИЕ

М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1757) разработал сложную классификацию видовременных форм глагола. Видовые образования он рассматривал как временные формы одного глагола и соответственно выделял настоящее время, три разновидности будущего и шесть подвидов прошедшего [6: 142–143], [13: 158–179]. В числе последних были названы первое, второе и третье давнопрошедшие, выражающие «учащение или продолжение» и имеющие «знаменованье одно старее другого». Давнопрошедшее первое иллюстрировалось формами с суффиксом *-ива (-ыва)* (например, *тряхивал*); давнопрошедшее второе – конструкциями «*бывало + глагол в прошедшем времени*» (*бывало тряс*); давнопрошедшее третье –

образованиями «*бывало + глагол в прошедшем времени с суффиксом -ива (-ыва)*» (*бывало трясывал*)¹.

В 1764 году был опубликован перевод «Российской грамматике» на немецкий язык. Трём давнопрошедшим временам в этом издании соответствовали *erste, zweyte* и *dritte vorlängst vergangene (plusquamperfectum primum, secundum и tertium)*². Русским примерам были даны немецкие соответствия. Форму *тряхивал* передавал перфект. Формам *бывало тряс* и *бывало трясывал* соответствовали образования, трактуемые в современной германистике как двойной перфект (*doppeltes Perfekt*) и двойной плюсквамперфект (*doppeltes Plusquamperfekt*) [7: 157–158], [8: 310–313], [12], [15]. Семантику глагольных форм уточняли наречия, указывающие на однократ-

ность или многократность совершения действия в прошлом: *ich habe (mehrmahlen) geschüttert, ich habe (vorzeiten einmahl) geschüttert gehabt* и *ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschüttert gehabt* [5: 442–443]³.

**ИСТОЧНИКИ ЛОМОНОСОВСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ: «НЕМЕЦКАЯ ГРАММАТИКА»
М. ШВАНВИЦА (1730) И «DIE DEUTSCHE
GRAMMATIC... VON CHARMYNTES» (1713)**

При всей своей оригинальности классификация времен в «Российской грамматике» базировалась на трудах предшественников Ломоносова. Зависимость от более ранних работ обнаруживается прежде всего в терминологии. Русское обозначение «давнопрошедшее время» восходит к «Сокращению грамматики латинской» В. И. Лебедева [1: 257–259]⁴, а немецкое наименование «vorlängst vergangene» встречается у И.-К. Готтшеда⁵. Сама же классификационная модель, предполагающая выделение трех предпрошедших времен, была заимствована Ломоносовым из двуязычной «Немецкой грамматики» М. Шванвица [2: 272–273]. В первом издании этого учебника в числе прошедших времен указывались три «плюсквамъ перфекта»; во втором издании они были переименованы в первое, второе и третье мимосшедшее. Плюсквамперфекты иллюстрировались формами *ich hatte gelobet, ich habe gelobet gehabt* и *ich hatte gelobet gehabt*⁶. В третьем издании «Немецкой грамматики» (1745) количество предпрошедших времен было сокращено до одного⁷.

Схема прошедших времен, представленная в первых изданиях учебника Шванвица, нехарактерна для грамматик немецкого языка Нового времени. Тем не менее три плюсквамперфекта не были новацией «Немецкой грамматики» – Шванвиц заимствовал их из «Die deutsche Grammatica von Charmyntes». Эта книга вышла в Берлине в 1713 году. В 1720-е годы ее экземпляры попали в Санкт-Петербург. «Die deutsche Grammatica» стала одним из источников «Немецкой грамматики» Шванвица [3: 24], [9: 326–328]. Именно в берлинском учебнике мы находим формулировку, к которой в конечном счете восходит ломоносовская классификация давнопрошедших времен. Автор книги указывает, что первый плюсквамперфект образуется при помощи имперфекта глагола *haben* и супина (то есть причастия прошедшего времени): например, *ich hatte geliebet*. Второй плюсквамперфект – при помощи перфекта глагола *haben* и супина: например, *ich habe geliebet gehabt*. Третий плюсквамперфект соединяет плюсквамперфект глагола *haben* с супином: например, *ich hatte geliebet gehabt*⁸.

**ДВОЙНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ
В НЕМЕЦКИХ ГРАММАТИКАХ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Двойные перфектные формы фиксируются в немецком языке начиная со второй половины XIV века [11: 92]. Однако они редко упоминаются в грамматиках или учебниках. Лишь немногие авторы фиксируют в своих работах подобного рода образования [10: 172–176], [16]. Так, языковед XVI века А. Олингер в составленной по-латыни грамматике немецкого языка отметил, что в некоторых частях Германии плюсквамперфект образуется с помощью перфекта вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени. Олингер считал, что такой плюсквамперфект возник в немецком языке под влиянием французского, и иллюстрировал этот тезис сопоставлением форм прошедшего времени в двух языках: *j'ay eu escrit* и *ich hab geschrieben gehabt*⁹. Современник Олингера Й. Л. Праш указал в своей грамматике, что двойной перфект используется тогда, когда простого плюсквамперфекта недостаточно: «*Ich habe gehöret... oder (wenn dieses nicht genug) Ich habe gehöret gehabt*»¹⁰.

Лингвист следующего столетия – Ю. Г. Шоттель отметил, что иногда вспомогательный глагол употребляется при главном дважды и что такая конструкция используется в том числе для маркирования предшествования (например, в конструкциях с союзом *nachdem*). Однако, по его мнению, в речи этого двойного употребления следует избегать: «...man pflegt gemeiniglich diesen Doppelsaß in der Rede zu übergehen»¹¹. Ю. Г. Шоттель входил в так называемое «Плодоносное общество» (Fruchtbringende Gesellschaft) – влиятельное филологическое объединение эпохи барокко. Другой член этого общества, К. фон Штилер, также советовал воздерживаться от двойного употребления вспомогательных глаголов в совершенно прошедшем времени, поскольку подобного рода конструкции искажают речь¹².

В лингвистических трудах XVIII века использование двойных перфектных форм уже решительно осуждалось. К. Ф. Айхингер писал, что на его земле – речь шла о верхненемецком регионе – употребителен суперплюсквамперфект (Superplusquamperfekt). Этим термином он называл двойной плюсквамперфект. Он указывал, что такие формы по своему значению идентичны простому плюсквамперфекту и используются среди простолюдинов («unter gemeinen Leuten in Brauch ist»). Кто хочет говорить и писать правильно, должен их избегать¹³.

Как ошибки эти формы рассматривал Готтшед. Он считал неправильным употреблени-

ем («ein Misbrauch im Reden»), когда полностью давнопрошедшее время образуется при помощи двойных сочетаний с глаголом *haben*: например, *ich habe es ihm gesaget gehabt* или *ich hätte es ihm gerathen gehabt*. Готтшед указывал, что *gehabt* – лишние и не сообщают ничего, как будто бы их там и не было: «Alle dieß *gehabt* ist überflüßig, und saget nichts mehr, als wenn es nicht da stünde». Он настаивал на том, что, хотя подобного рода ошибки на письме встречаются не часто, необходимо указывать на них говорящим и предостерегать от их повторения¹⁴.

ВЫВОДЫ

Итак, двойные перфектные формы в немецком языке чаще всего квалифицировались в грамматиках как ошибки. В свете этих данных включение двойных перфекта и плюсквампер-

фекта в глагольную парадигму следует рассматривать как безусловную новацию «Die deutsche Grammatica». Известно, что ее автор основывался на работах лингвистов, входивших в «Плодородное общество» [4]. Описывая глагол, создатель «Die deutsche Grammatica», по всей видимости, находился под воздействием работ Штилера и Шоттеля – эти грамматисты отмечали использование двойных перфектных образований в немецком языке, хотя и советовали своим читателям избегать их. В дальнейшем классификация, предполагающая выделение трех плюсквамперфектов, была заимствована из берлинской «Die deutsche Grammatica» в «Немецкую грамматику» Шванвица. Через посредство этого источника она оказала влияние на Ломоносова, выделившего в русском языке три давнопрошедших времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 480–481.
- ² Полный список терминологических соответствий в русской и немецкой версиях «Российской грамматики» дан в работе [14].
- ³ Lomonow M. Rußische Grammatick verfaßet von Herrn M. Lomonow. Aus dem Rußischen übersetzt von J. L. Stavenhagen. St. Petersburg: Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1764. S. 169–170.
- ⁴ Лебедев В. И. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащагося латинскому языку российского юношества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1746. С. 103.
- ⁵ Gottsched J. Chr. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Leipzig: Verlegts B. C. Breitkopf, 1748. S. 241.
- ⁶ Шванвиц М. Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten herausgegeben. Немецкая грамматика из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана. СПб.: Тип. Акад. наук, 1730. С. 218–219; Шванвиц М. Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii zum andern mal herausgegeben. Немецкая грамматика собранная из разных авторов и в пользу Санктпетербургской гимназии вторым тиснением изданная. СПб.: При Акад. наук, 1734. С. 172–173.
- ⁷ Шванвиц М. Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus ehemals zusammen getragen, nunmehr aber von neuem übersehen und viel verbessert. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне... вновь пересмотренная и во многих местах исправленная. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1745. S. 202–203.
- ⁸ Charmyntes Die deutsche Grammatica, aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht und der in Deutschland studierenden Rußischen Nation zum Besten in einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. Berlin: S. n., 1713. S. 47. Здесь и далее перевод автора.
- ⁹ Oelinger A. Vnderricht der Hoch Teutschen Spraach: Grammatica, seu Institutio verae Germanicae linguae. Strassburg: N. Wyrriot, 1574. S. 154.
- ¹⁰ Prasch J. L. Neue, kurtz- und deutliche Sprachkunst. Regensburg: Bey J. G. Hofmann, 1687. S. 73.
- ¹¹ Schottel J. G. Ausführliche Arbeit von den Teutschen HauptSprache. Braunschweig: Durch C. F. Zilliger, 1663. S. 423.
- ¹² Stieler K. von Der Deutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs, oder Teutscher Sprachschatz. Nürnberg: In Verlegung J. Hofmanns, 1691. S. 392.
- ¹³ Aichinger C. F. Versuch einer teutschen Sprachlehre. Frankfurt und Leipzig: Bey J. P. Kraus, 1754. S. 294.
- ¹⁴ Gottsched J. Chr. Vollständige und neuerläuterte Deutsche Sprachkunst. Leipzig: Verlegts Bernh. Christ. Breitkopf und Sohns, 1762. S. 496.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков С. С., Карева Н. В. Термины грамматики в русском языке XVIII в. (наименования форм прошедшего времени в грамматиках 1730–1750-х годов) // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. № 9. С. 255–260.
2. Дюбо Б. А. О грамматических теориях XVIII века: изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: Коллективная монография / Отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 265–284.

3. Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. Первая в России грамматика немецкого языка: история создания и источники // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 18–28.
4. Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. Первая грамматика немецкого языка для русских студентов (1713): особенности подачи грамматического материала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 2. С. 320–333.
5. Карева Н. В., Филиппов К. А. К вопросу о классификации временных форм глагола в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и ее переводе на немецкий язык // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. Т. 14. Вып. 1. С. 436–444.
6. Фонарькова О. И. К вопросу об изучении русских приставочных глаголов в XIX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2016. Т. 13. Вып. 2. С. 141–148.
7. Dal I., Ermons H.-W. Kurze deutsche Syntax auf historischer Grundlage. 4. Auflage. Berlin: De Gruyter, 2014. 316 S.
8. Fischer H. Präteritumschwund im Deutschen. Dokumentation und Erklärung eines Verdrängungsprozesses (Studia Linguistica Germanica 132). Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 427 S.
9. Koch K. Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts. Berlin; New York: De Gruyter, 2002. 456 S.
10. Langer N. Linguistic purism in action: How auxiliary *tun* was stigmatized in early New High German. Berlin; New York: De Gruyter, 2001. 312 p.
11. Litvinov V. P., Radčenko V. I. Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen: Staffenburg-Verlag, 1998. 238 S.
12. Rödel M. New perspectives on double perfect constructions in German // Tense across Languages / Ed. by R. Musan, M. Rathert. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011. P. 127–146.
13. Ронка Р. У истоков русской и славянской аспектологической мысли. (Acta Universitatis Tamperensis. Vol. 1074). Tampere: Tamperensis Universitas, 2005. 586 с.
14. Schürumpf M. Verzeichnis der grammatischen Termini der Rossijskaja Grammatika Lomonosovs und der deutschen Übersetzung Stavenhagens (Deutsch – Russisch / Russisch – Deutsch) // Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Festgabe zum 65. Geburtstag Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert / Hrsg. von G. Freidhof, P. Kosta und M. Schürumpf. München: Verlag Otto Sagner, 1983. S. 171–200.
15. Stoltmann K. Habt ihr schon mal davon gehört gehabt? Empirische Evidenzen zur Akzeptanz des doppelten Perfekts und Plusquamperfekts in der deutschen Sprache // ZAS Papers in Linguistics. Bd. 59: Im Mittelpunkt Deutsch. 2018. S. 97–126.
16. Topalovič E. Perfekt II und Plusquamperfekt II. Zur historischen Kontinuität doppelter Perfektbildungen im Deutschen // Sprache in der Stadt. Akten der 25. Tagung des Internationalen Arbeitskreises Historische Stadtsprachenforschung. Luxemburg, 11–13. Oktober 2007. Heidelberg, 2010. S. 165–199.

Поступила в редакцию 19.04.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Natalia V. Kareva, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6861-6512, natasha.titova@gmail.com

GERMAN SOURCES OF MIKHAIL LOMONOSOV'S *RUSSIAN GRAMMAR*: VERB TENSES SYSTEM

Abstract. The aim of the article is to identify the sources of tense classification in the *Russian Grammar* by M. V. Lomonosov (1757). The relevance of the work is determined by the importance of the *Russian Grammar* for the further development of Russian grammar description. The novelty is the involvement of hitherto scarcely known sources. In his *Russian Grammar*, Lomonosov identified several past tenses including three plusquamperfecta. His classification partly went back to the *German Grammar* by M. Schwanwitz (1730) who was guided by *Die deutsche Grammatica... von Charmyntes* (1713). Charmyntes developed a model for describing verb tenses suggesting three plusquamperfecta, the second and third ones expressed by the forms of the so-called “double perfect” (doppeltes Perfekt) and “double plusquamperfect” (doppeltes Plusquamperfekt). The article argues that the inclusion of double perfects in the paradigm was an innovation of *Die deutsche Grammatica*. It is suggested that its author was influenced by the ideas of K. von Stieler and J. G. Schottel. It is pointed out that double perfect forms have been recorded in German since the second half of the XIV century, but grammarians of the XVI and the XVII centuries recommended to avoid them. The eighteenth-century grammarians strongly condemned the use of double perfects. The traced chain of borrowings demonstrates the influence of German grammar on Russian one in the first half of the XVIII century. The conclusion is that *Die deutsche Grammatica* played a significant role in transferring linguistic knowledge at that period and had an indirect impact on Lomonosov's *Russian Grammar*.

Key words: Lomonosov, Schwanwitz, Charmyntes, plusquamperfectum, double perfect forms

For citation: Kareva, N. V. German sources of Mikhail Lomonosov's *Russian Grammar*: verb tenses system. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):30–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.903

REFERENCES

1. Volkov, S. S., Kareva, N. V. Grammar terms in Russian of the 18th century (naming past verbal forms in grammars in 1730–1750). *Structural and Applied Linguistics*. 2012;9:255–260. (In Russ.)
2. Dyubo, B. A. Grammar theories of the XVIII century: the changing role of the German tradition in grammatical description of the Russian language in the second half of the XVIII century (on the example of verb categories). *The philological heritage of Mikhail Lomonosov*. (P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev, Eds). St. Petersburg, 2013. P. 265–284. (In Russ.)
3. Kareva, N. V., Pivovarov, E. G. The first German grammar in Russia: creation and sources. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019;18(4):18–28. (In Russ.)
4. Kareva, N. V., Pivovarov, E. G. The first German grammar, intended for Russian students (1713): language material peculiarities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022;19(2):320–333. (In Russ.)
5. Kareva, N. V., Filippov, K. A. The classification of verb tense forms in Mikhail Lomonosov's *Russian grammar* and its German translation. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2010;14(1):436–444. (In Russ.)
6. Fonyakova, O. I. The study of Russian prefixed verbs in the XIX century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2016;13(2):141–148. (In Russ.)
7. Dal, I., Eroms, H. -W. *Kurze deutsche Syntax auf historischer Grundlage*. 4. Auflage. Berlin, 2014. 316 S.
8. Fischer, H. Präteritumschwund im Deutschen. Dokumentation und Erklärung eines Verdrängungsprozesses (*Studia Linguistica Germanica* 132). Berlin; Boston, 2018. 427 S.
9. Koch, K. *Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York, 2002. 456 S.
10. Langer, N. Linguistic purism in action: How auxiliary tun was stigmatized in early New High German. Berlin; New York, 2001. 312 p.
11. Litvinov, V. P., Radčenko, V. I. *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. Tübingen, 1998. 238 S.
12. Rödel, M. New perspectives on double perfect constructions in German. *Tense across languages*. (R. Musan, M. Rathert, Eds). Berlin; Boston, 2011. P. 127–146.
13. Rönka, R. At the root of Russian and Slavic aspectual theory (*Acta Universitatis Tamperensis*. Vol. 1074). Tampere, 2005. 586 p. (In Russ.)
14. Schüttrumpf, M. Verzeichnis der grammatischen Termini der Rossijskaja Grammatika Lomonosovs und der deutschen Übersetzung Stavenhagens (Deutsch – Russisch / Russisch – Deutsch). *Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*. Festgabe zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von G. Freidhof, P. Kosta und M. Schüttrumpf. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München, 1983. S. 171–200.
15. Stoltmann, K. Habt ihr schon mal davon gehört gehabt? Empirische Evidenzen zur Akzeptanz des doppelten Perfekts und Plusquamperfekts in der deutschen Sprache. *ZAS Papers in Linguistics*. 2018:59:97–126.
16. Topalovič, E. Perfekt II und Plusquamperfekt II. Zur historischen Kontinuität doppelter Perfektbildungen im Deutschen. *Sprache in der Stadt. Akten der 25. Tagung des Internationalen Arbeitskreises Historische Stadtsprachenforschung, Luxemburg, 11–13. Oktober 2007*. Heidelberg, 2010. S. 165–199.

Received: 19 April 2022; accepted: 31 March 2023

АЛИНА РИНАТОВНА ГАЛИМУЛЛИНА

старший преподаватель кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Института языка и литературы

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3671-2416; alina.galimullina.rus@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И. БРОДСКОГО С ИНФИНИТИВНОЙ ДОМИНАНТОЙ (на примере фрагментов поэмы «Шествие»)

А н н о т а ц и я . Исследуется организация субъектной сферы и способов выражения категории лица в поэтическом тексте с инфинитивной доминантой. Анализ проведен на материале двух фрагментов поэмы «Шествие» (1961) Иосифа Бродского, в которых представлены ряды независимых и зависимых инфинитивов, определяющие критерии взаимодействия двух видов субъекта – субъекта диктума и субъекта модуса. В результате исследования посредством функционально-грамматического, семантического и контекстуального анализа были найдены сферы разных типов субъектов, определены лексические и грамматические способы их выражения и выявлены такие специфические черты организации субъектной сферы в поэтическом тексте с конструкциями с инфинитивами, как метасубъектность, субъективная эгоцентричность и автокоммуникация. Изучение данного языкового материала требует учитывать не только семантико-грамматический аспект, но и ситуативный контекст. Этим обусловлена сложность определения категории персональности в инфинитивной поэзии XX века.
К л ю ч е в ы е с л о в а : категория персональности, субъект, субъектная сфера, инфинитив, инфинитивная поэзия
Д л я ц и т и р о в а н и я : Галимуллина А. Р. Организация субъектной сферы в поэтическом тексте И. Бродского с инфинитивной доминантой (на примере фрагментов поэмы «Шествие») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.904

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской поэзии форма лирического субъекта меняла свои очертания: автобиографичное Я трансформировалось в воображаемое Я, происходило исчезновение (мнимое) лица и / или замена конкретного субъекта плюрализмом голосов [25]. Несомненно, это привлекало внимание многих исследователей, в работах которых рассматривается проблема неоднозначности, неопределенности поэтического субъекта и типологии действующих лиц в лирике [5], [14], [20], [21], [22]. Сформировалось понятие *метасубъектности*, которое проявляется в разных трансформациях привычных нам типов субъектов в тексте: в его исчезновении, раздвоении субъекта, его мнимом отсутствии и др. Данное явление определяет специфику категории персональности в художественном тексте и приводит к «активации лишенных морфологических показателей предикативности инфинитивных и номинативных предложений» [24]. Образуется связь между сферой объективной реальности и сферой лица с его отношением к этой реальности, поэтому становится возможным и инте-

ресным определить присутствие мыслящего-чувствующего-действующего лица, даже если действие / состояние этого лица представлено в форме инфинитива. Инфинитив способен к независимому употреблению и замещению личных форм глагола [7], образованию характерной для предиката синтаксической связи¹ и приобретению определенной модальной характеристики действия любого лица во всех временных планах² [4], [6], [10] и др. При этом позиция субъекта инфинитива является открытой для главного деятеля и может определять отношение к лицу в лексико-грамматических связях исследуемой единицы в определенном контексте.

Цель данной работы – определить способы выражения разной степени присутствия действующего лица и показать специфику организации субъектной сферы в поэтическом тексте с инфинитивной доминантой³ (тексте, в котором инфинитив частотен и является центральным композиционно-смысловым элементом), заключающейся в трех элементах – элементах автокоммуникации, метасубъектности и субъективной эгоцентричности. Для реализации данной

цели была произведена выборка фрагментов поэмы «Шествие» И. Бродского, в которых представлены ряды зависимых и независимых инфинитивов, и их функционально-грамматический и семантический анализ.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ. СУБЪЕКТ

При определении категории личности необходимо раскрыть понятие «субъект» как формирующий ее элемент. С точки зрения грамматико-семантической нагрузки субъект – это «синтаксически независимый субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [10: 133]. В отличие от узкого формального понимания субъекта предложения как подлежащего [23], «в рамках семантико-синтаксических исследований субъект имеет две формы: субъект сообщаемого факта (субъект диктума) и субъект факта сообщения (субъект модуса)» [11: 75]. Субъект действия, обозначающего конкретный сообщаемый факт (диктум), может быть одним из активных участников описываемого в высказывании действия (действующее Я или не-Я) или единственным актантом, может обозначать носителя определенного состояния или неодушевленный предмет. Субъект модуса – это психологический субъект, Я-говорящее и / или Я слушающее, которые дают оценку всему происходящему. В рамках объективной действительности субъект модуса становится ядром второго плана – «структурно-семантического плана, указывающего на “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [12: 263].

Совокупность всех форм субъектов или субъектных сфер формирует одну из базовых категорий лирической поэзии – категорию лица [8: 194–196], [13]. На уровне морфологии она выражена в основном глагольными и местоименными формами 1, 2 и 3-го лица. Местоимения как указатели актантов и их языкового пространства формируют сферу говорящего «Я», слушающего «Ты» и сферу окружения – 3-го лица (синтаксического лица, выраженного именами существительными). Личные местоимения, являясь опорной точкой для выражения субъективности в тексте, в свою очередь, обуславливают употребление остальных разрядов местоимений, обладающих соответствующей функцией, а также прилагательных, наречий и др. [2: 274].

На периферии личности, по мнению А. В. Бондарко [3: 5], наиболее продуктивными следует считать лексические и синтаксические

средства. На лексическом уровне обнаружить искомым субъект действия / состояния помогает семантика предикатов, которые и указывают на действующее / чувствующее (реагирующее) лицо. Сюда можно отнести модальные предикаты (со значением возможности «мочь», «можно», «уметь» и др.), предикаты с эмоционально-оценочным значением («любить», «бояться», «тоска», «хорошо», «странно» и др.), предикаты восприятия («видеть», «слышать» и др.), предикаты речи («сказать», «обещать» и др.), ментальные предикаты («думать», «помнить» и др.). Синтаксический уровень расширяет круг возможностей выражения субъекта: включаются вторичные значения личных форм, появляются второстепенные члены предложения, указывающие на связь с лицом (в таком случае семантический и грамматический субъекты не совпадают), происходит обобщение или появляется инклюзив, иногда встречается опущение субъекта (ситуация «синтаксического нуля» [16]), что приводит к возникновению ситуации неопределенности лица. При этом, если действие в поэтическом тексте выражено посредством независимых инфинитивов, граница между первым лицом говорящего и первым лицом читающего истончается, и чем ближе читатель к «Я говорящему», тем больше «незамещенных позиций» или «значимого отсутствия» субъекта действия / состояния [1], [17], [18]. Это приводит к тому, что как незаполненная синтаксическая позиция субъекта, относящаяся к сфере модуса, так и позиция субъекта в форме 3-го лица тяготеет к сфере Я говорящего. Такое явление называется «эгоцентрическая грамматическая техника» [19], что доказывает наличие *субъективной эгоцентричности* в подобных текстах. Следовательно, при описании категории личности в поэтическом тексте мы можем говорить о наличии субъектов, представляющих собой говорящего Я (субъект модуса, сфера Я) и слушающего и / или присутствующего не-Я (субъект диктума, сфера не-Я). Взаимодействие этих субъектных сфер образует «субъективное пространство текста, а модель субъектной перспективы позволяет увидеть грамматику точки зрения» [18].

СУБЪЕКТНЫЕ СФЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Современную поэзию отличает разнообразие форм организации субъектных сфер, требующее привлечения функционального подхода, который «в некоторых случаях комбинирует лингвопрагматические теории или коммуникативные и рецептивные модели» [25: 21]. Он позволяет «извлечь субъективность как матрицу текста из его

формы (как центр восприятия / перспективации и продуктивную эстетическую форму)» [25: 21]. В поэтическом тексте происходит синтез различных типов лирического субъекта – формируется «лирическая метасубъектность» [25: 24].

Ю. И. Левин [15] выявляет следующие способы проявления субъекта в поэтическом тексте – наличие эксплицитного Я и эксплицитного ты (в образе неодушевленного предмета, человека или человечества в целом, абстракции), взаимодействие которых может усложняться, когда наличие «автокоммуникации», понимаемой Ю. И. Левиным как трансформация самим читателем «Я говорящего» в «Я читающего» и осуществление коммуникативного акта-размышления с самим собой не с позиции поэта, а с позиции читателя; *повышенная внутритекстовая коммуникативность* – включение в диалог 1-го лица или обобщенного «мы», или 2-го лица неодушевленных предметов.

В отличие от прозаического текста в поэтическом пространстве персональности парадоксально соединяются интимно-личная сфера Я и общая (объективная) не-Я: личное отношение к происходящему выражается как общее, но оно не просто описывает действительность, а наделяет момент субъективным смыслом, отражая отношение действующего лица к самой действительности, что говорит о связи категории персональности с категорией модальности. Кроме этого для построения субъектного пространства в поэтическом тексте важно понятие «точка отсчета» – это позиция лирического героя, центр притяжения всех предикативных категорий, формирующий «внешнюю» (по отношению к говорящему) сферу не-Я (сферу второго «слушающего» и третьего «присутствующего» лиц) через призму первого лица – сферу Я. «Все они (предикативные категории. – А. Р.) находятся в зависимости от Я, высказывающегося в данном акте» [2: 261].

В некоторых случаях граница между сферой Я и не-Я абсолютно стирается, лицо становится неопределенным, но, с другой стороны, происходит максимальная субъективизация категории персональности – устанавливается связь, которая способствует «возможности самоотожествления читателя с автором (или “лирическим героем”)» [2: 263]. Такая ситуация, характерная только для поэтических текстов, обязывает при определении категории лица учитывать не только семантико-грамматический аспект, но и ситуативный контекст.

Таким образом, определить границы субъектных сфер в художественном тексте становится сложнее, чем в нехудожественном, так как в поэтическом пространстве субъект многолик и не-

однозначен. Когда в тексте вербально выражены актанты посредством личных местоимений, образ говорящего и слушающего может выходить за рамки лексико-грамматического значения местоимений. Простое местоимение 1-го лица, обозначающее «Я», в поэтическом тексте не эквивалентно «Я» в обычном коммуникативном акте. Здесь происходит соприкосновение двух сфер: «Я» лирического героя и «Я» читателя, а значит, и всего происходящего вокруг этого 1-го лица и его отношения к действительности.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ПОЭМЕ «ШЕСТВИЕ» И. БРОДСКОГО

Поэма-мистерия И. Бродского «Шествие» – это один из примеров поэтического текста с инфинитивной доминантой, где в 156 случаях действие субъекта выражено посредством инфинитива (86 свободных и 70 зависимых). Они образуют цепочки – 39 инфинитивных рядов / серий, которые связаны общими действующими лицами.

В поэме, состоящей из 42 глав-сцен в форме романсов-монологов, представлены двадцать условных персонажей. При этом возникает ситуация, определяемая Ю. И. Левиным как *автокоммуникация*: сфера Я – это безымянный главный герой, представленный через личное местоимение 1-го лица, перед которым возникает образ фантастического шествия двадцати персонажей и их размышлений о смысле жизни. Все герои – это либо скитальцы, либо люди искусства, но они свободны от всех условностей мира [26].

Рассмотрим, как организована субъектная сфера в данной поэме. В комментарии 13 проанализируем следующий фрагмент⁴:

*«Горюй, горюй, попробуем сберечь
всех персонажей сбивчивую речь,
что легче, чем сулить и обещать,
чем автора с героями смешать,
чем вздрагивая, хмыкая, сопя
в других искать и находить себя.
Горюй, горюй. Сквозь наши времена
плывут и проползают имена
других людей, которых нам не знать,
которым суждено нас обогнать,
хотя бы потому, что и для нас
трудней любить все больше каждый раз».*

В данном фрагменте представлены две субъектные сферы – сфера Я и общая (объективная) сфера не-Я. Сфера Я – это Мы инклюзивное, которое включает в себя Я говорящее (*попробуем, себя, наши, нам, нас*) и Ты слушающее (Ты читателя). Интересно, что здесь представлена не чистая монологическая речь, присутствуют элементы диалогизации речи. Ты читателя не подразумевается, а прямо присутствует

в тексте поэмы. Мы видим, как автор вступает в диалог как с самим собой (элемент автокоммуникации), так и со своим «собеседником»: «Горюй, горюй [Ты / Я], [мы с тобой] *попробуем сберечь...*». Сфера говорящего субъекта формируется посредством употребления личных форм глагола, местоимений, компаративов *легче, трудней* и причастного предикатива *суждено*. Все они указывают на присутствие чувствующего лица (*что* [мне / нам / всем] *легче*) при независимых инфинитивах *сулить, обещать, смешать, искать, находить*. Интересно, что при употреблении формы повелительного наклонения глагола *горевать*, обращенного ко 2-му лицу, Мы инклюзивное как бы исключает слушающее Ты из своего круга и сужает его действие до беспомощного *горюй*. Сфера 3-го синтаксического лица представлена через характерную лексику: *речь всех персонажей, автор с героями, другие, имена других людей, которым*. При этом говорящее Я отделяет себя и от Я автора, и от Я персонажа, находясь как бы над повествованием (*что легче, чем сулить и обещать, чем автора с героями смешать*). В такой «прозрачности» предикативной категории проявляется явление метасубъектности.

Дативный субъект при автономных инфинитивах по причине их смысловой и синтаксической зависимости опущен, но легко определяется и является многозначным даже в случае употребления свободных инфинитивов: *что* [мне / нам / всем] *легче, чем* [мне / нам / всем] *автора с героями смешать; которых нам не знать, которым суждено нас обогнать*, так как рядом всегда есть указатель на лицо. В строке *в других искать и находить себя* представлен поразительный пример рефлексии в организации субъектной сферы поэтического текста, где в возвратном местоимении *себя* соединяются все типы субъектов, включая авторское Я.

В комментарии 26 поэмы есть следующий фрагмент⁵:

«Средь шумных расставаний городских,
гудков авто и гулов заводских,
и теплых магазинных площадей
опять **встречать** потерянных людей,
в какое-то мгновение **вспоминать**
и **всплескивать** руками, **догонять**,
едва ли не попав под колесо,
да, **догонять**, **заглядывать** в лицо,
и **узнавать**, и тут же **целовать**,
от радости на месте **танцевать**
и **говорить** о переменах дел,
“да-да, я замечаю, похудел”,
“да-да, пора **заглядывать** к врачу”,
и дружелюбно **хлопать** по плечу,
и, вдруг заметив время на часах
и телефон с ошибкой записав,

опять **переминаясь** и **спешить**,
приятеля в объятьях придушить
и **торопиться** за трамваем вслед,
теряя человека на пять лет.
Так обойдется время и со мной.
Мы встретимся однажды на Сенной
и, пары предложений не сказав,
раздвинув рты и зубы показав,
расстанемся опять – не навсегда ль?
– и по Садовой зашагает вдаль
мой грозный век, а я, как и всегда,
через канал, неведомо куда».

В первой части до слова *так* позиция субъекта ряда независимых инфинитивов *встречать, вспоминать, всплескивать, догонять, заглядывать* (восьмая строка фрагмента), *узнавать, целовать, танцевать, говорить, хлопать, переминаясь, спешить, придушить, торопиться* остается незаполненной – это явление определяется как синтаксический нуль. Субъект в данном случае может быть «додуман» либо как 1-е лицо Я или Мы, либо как обобщенное лицо (*опять* [мне / нам / всем нам] *встречать потерянных людей // в какое-то мгновение* [мне / нам / всем нам] *вспоминать // и* [мне / нам / всем нам] *всплескивать руками, [мне / нам / всем нам] догонять*). Сфера Я определяется через противопоставление сфере 3-го синтаксического лица (*потерянные люди, лицо, приятель, человек*), речь, указывающую на присутствие говорящего (личное местоимение Я) и слушающего (*да-да, я замечаю, похудел*); полный контекст – следующий фрагмент, где действующий субъект проявляет себя лексически (*Так обойдется время и со мной*). Сфера не-Я создается через ее чувственное восприятие сферой Я (прилагательные *шумный, теплый*, существительные *гудки и гулы*) и «телесный» образ, созданный посредством употребления существительных *руками, лицо, по плечу, в объятьях*. Сфера субъекта Я при цепочке независимых инфинитивов доминирует, становится определяющей других действующих лиц, что указывает на характерный для инфинитивной поэзии элемент субъективной эгоцентричности.

Для изучения полной картины субъектной сферы в данном фрагменте обратимся к его второй части (после слова *так*), несмотря на отсутствие в ней инфинитивов. Мы видим два субъекта – 1-е лицо (*я, со мной*) и 3-е синтаксическое лицо (*время, грозный век*). Причем это именно лица, так как время со ртом и зубами и грозный шагающий век не уступают в человекоподобии говорящему Я.

Таким образом, в данном фрагменте представлены три субъектные сферы: Я говорящее / чувствующее, Они в виде проходящих приятелей и Время, которое нельзя отнести ни к сфере Я,

ни к сфере не-Я. Отношение между Я и «потерянными людьми» дружелюбное, но мимолетное, недолговременное, а отношение Я и Времени – иное. Сфера субъекта Времени доминирует над сферами остальных субъектов (*Так обойдется время и со мной; по Садовой зашагает вдалеку // мой грозный век...*), находясь как бы вне происходящего и лишь на мгновение соприкасаясь со сферой Я при употреблении личного местоимения *мы* (*Мы встретимся однажды на Сенной // и, пары предложений не сказав, // раздвинув рты и зубы показав, // расстанемся опять...*).

Возникает вопрос о быстротечности и конечности жизни, жизни после смерти и ухода от существующего бытия, характерный для инфинитивной поэзии И. Бродского. Поэма «Шествие» строится исключительно на данном мотиве – «быть / не быть, с выводом в пользу небытия, и весь свой инфинитивный потенциал черпает именно отсюда» [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфера Я в поэме «Шествие» обретает многогранную форму: выступает и в образе создателя произведения, и проводника, через взгляд которого можно обозреть и чувствовать реальность и других субъектов (явление субъективной эгоцентричности), и независимого от внешних событий комментатора происходящего, а иногда в образе конкретного персонажа-скитальца. При этом сфера не-Я может проявлять себя не только через указатели в виде второстепенных членов предложения, но и через реакции Я-чувствующего на окружающую действительность. Все это создает полифункциональное

субъектное пространство, характерное для поэзии XX века. Таким образом, в пространстве поэтического текста определение категории лица не ограничивается набором грамматических форм, требуя широкого контекста, особенно если действие-состояние субъекта представлено в виде инфинитива. В таком случае «скользящий» и «распыляющийся», «фиктивный» и «самосоздающий», «виртуальный» и «плавающий» [24: 37] субъект современной поэзии становится почти неуловимым, что говорит о наличии в поэтическом инфинитивном тексте элемента метасубъектности. Создается образ «мерцающего» лица, находящегося между двумя полярными позициями – отрицанием субъекта и его утверждением. Более того, возникает ситуация (например, при «синтаксическом нуле»), когда сфера Я героя и Я читателя сближается и последний становится участником происходящего в поэтическом тексте (повышенная внутренняя коммуникативность – явление автокоммуникации). «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее я, каждый из говорящих поочередно становится субъектом», в результате чего совершается «коммуникация на межсубъектном уровне» [2: 288]. Такая организация субъектной сферы в поэтических текстах с инфинитивной доминантой, где проявляются элементы автокоммуникации, метасубъектности и субъективной эгоцентричности, позволяет очертить новые грани категории персональности, локализовать субъект в нескольких плоскостях с необходимой поэту степенью конкретности, неопределенности, обобщенности, инклюзивности или полного (мнимого) отсутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. С. 163–164.
- 2 Бойко А. А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 405 с.
- 3 Понятия «доминантные речевые средства текста», «текстовая доминанта» используют целый ряд исследователей: Р. О. Якобсон [27], В. А. Новиков [17], Г. А. Золотова [10]. Р. О. Якобсон определяет доминанту как фокусирующий компонент художественного произведения, который специфицирует его [27: 59]. В данной работе мы будем придерживаться терминологии Г. А. Золотовой «доминанта» (рематическая доминанта текста / композиционно-смысловая доминанта), так как нас интересует поэтическая грамматика («грамматика поэзии») инфинитива в исконном, лингвистическом смысле [10: 318].
- 4 Бродский И. А. Стихотворения и поэмы. М.: Слово / Slovo, 2001. 718 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knijky.ru/books/stihotvoreniya-i-poemy> (дата обращения 05.05.2021).
- 5 Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А да м е ц П. Семантическая интерпретация «значимых нулей» в русских предложениях // Язык и стих в России: Сб. в честь Дина С. Вортак к его 65-летию. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 9–18.
2. Б е н в е н и с т Э. Глава XX. Структура отношений лица в глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика: Монография. М.: Прогресс, 1974. С. 259–284.
3. Б о н д а р к о А. В. Семантика лица // Бондарко А. В., Булыгина Т. В., Вахтин Н. Б. и др. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость: Монография. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. С. 5–40.

4. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Наукова думка, 1990. 320 с.
5. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 306 с.
6. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 207 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
8. Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
9. Жолковский А. К. Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков: Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 560 с.
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
11. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка: Монография. М.: Наука, 2004. 544 с.
12. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
13. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.
14. Корман Б. О. Чужое сознание в лирике и проблема субъектной организации реалистического произведения // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1973. Т. XXXII, № 3. С. 209–222.
15. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1998. С. 464–482.
16. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1974. С. 343–360.
17. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
18. Онипенко Н. К. Категория субъекта и эгоцентрическая грамматическая техника в художественном тексте // Gramatyka a tekst: Сб. ст. Катовицы: WWKatowice, 2011. С. 64–79.
19. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92–121.
20. Патроева Н. В. Функции и семантика личных местоимений в лирике Е. А. Баратынского // Русская словесность. 1998. № 6. С. 6–10.
21. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.
22. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.
23. Романова И. В. «Я попытаюсь вас увлечь игрой»: взаимодействие коммуникативных моделей в поэме-мистерии И. Бродского «Шествие» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 14, № 2. С. 99–106.
24. Сидорова М. Ю., Липгарт А. А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1) // Филология и человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4663> (дата обращения 17.07.2021).
25. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика // Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien / Под ред. Хенрике Шталь; Сост. Е. А. Евграфкина. Берлин: Peter Lang, 2018. 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (дата обращения 20.09.2021).
26. Фетисова Е. Э. Неоакмеизм И. Бродского: композиция мистерии «Шествие» // Философская мысль. 2017. Т. 55, № 2. С. 109–117 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21763 (дата обращения 05.05.2021).
27. Якобсон Р. О. Доминанта // Хрестоматия по теоретическому литературоведению: В 5 т. / Под ред. З. Г. Минц; Сост. И. А. Чернов. Т. 1. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1976. С. 56–63.

Поступила в редакцию 20.12.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Alina R. Galimullina, Senior Lecturer, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3671-2416; alina.galimullina.rus@gmail.com

ORGANIZATION OF SUBJECT SPHERE IN THE POETIC TEXT OF JOSEPH BRODSKY WITH INFINITIVE DOMINANT (illustrated by the poem “Shestvie” (The Procession))

Abstract. This paper is focused on studying the organization of subject sphere and determining the features of expression of the category of person in the poetic text with infinitive dominant. The research is based on the material of two fragments of the poem “Shestvie” (The Procession, 1961) by Joseph Brodsky, which present a series of independent and dependent infinitives that determine the criteria for the interaction of two types of subject – the subject of dictum and the subject of modus. Functional grammatical, semantic and contextual analysis resulted in identifying the

spheres of the different types of subjects, lexical and grammatical methods of their expression, and specific features of the subject sphere organization in the poetic text with infinitive constructions, such as meta-subjectivity, subjective egocentricity and autocommunication. The research of this language material should, therefore, take into account not only semantic and grammatical aspect, but also situational (pragmatic) context. This explains, according to the author, the complexity of identifying the category of person in infinitive poetry of the XX century.

Key words: category of person, subject, subjective sphere, infinitive, infinitive poetry

For citation: Galimullina, A. R. Organization of subject sphere in the poetic text of Joseph Brodsky with infinitive dominant (illustrated by the poem “Shestvie” (The Procession)). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.904

REFERENCES

1. Adamets, P. Semantic interpretation of “significant zeros” in the Russian sentences. *Language and verse in Russia: Collection of articles*. Moscow, 1995. P. 9–18. (In Russ.)
2. Benveniste, E. The structure of relevance of the category of person to verb. *Benveniste E. General linguistics: A Monograph*. Moscow, 1974. P. 259–284. (In Russ.)
3. Bondarko, A. V. Semantics or person. *Bondarko, A. V. Theory of functional grammar. The category of person. The category of voice*. St. Petersburg, 1991. P. 5–40. (In Russ.)
4. Britsyn, V. M. Syntax and semantics of infinitive in modern Russian language. Kiev, 1990. 320 p. (In Russ.)
5. Broitman, S. N. Russian lyric poetry of the XIX – early XX centuries in the light of historical poetics. Subject-image structure. Moscow, 1997. 306 p. (In Russ.)
6. Bulanin, L. L. Difficult morphology issues. Moscow, 1976. 207 p. (In Russ.)
7. Vinogradov, V. V. Russian language (Grammatical doctrine about word). Moscow, 1947. 784 p. (In Russ.)
8. Gin, Ya. I. About the poetics of grammatical categories. Petrozavodsk, 2006. 285 p. (In Russ.)
9. Zholkovskiy, A. K. Russian infinitive poetry of the XVIII–XX centuries. Moscow, 2020. 560 p. (In Russ.)
10. Zolotova, G. A. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow, 1982. 368 p. (In Russ.)
11. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
12. Zolotova, G. A. Essay on the functional syntax of the Russian language. Moscow, 1973. 352 p. (In Russ.)
13. Kovtunova, I. I. Poetic syntax. Moscow, 1986. 208 p. (In Russ.)
14. Korman, B. O. The mind of another person in lyrics and the problem of subject organization of realistic work. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language*. 1973;32(3):209–222. (In Russ.)
15. Levin, Yu. I. Lyric poetry from the communicative perspective. *Levin, Yu. I. Selected works: Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. P. 464–482. (In Russ.)
16. Mel'chuk, I. A. About syntax zero. *Typology of the passive structures. Diatheses and voices: Collection of articles*. (A. A. Kholodovich, Ed.). Leningrad, 1974. P. 343–360. (In Russ.)
17. Novikov, L. A. Artistic text and its analysis. Moscow, 2003. 304 p. (In Russ.)
18. Onipenko, N. K. Category of subject and egocentric grammatical techniques in literary text. *Grammar and text: Collection of articles*. Katowice, 2011. P. 64–79. (In Russ.)
19. Onipenko, N. K. Subject perspective model and a problem of classification of the egocentric features. *Problems of functional grammar: Principle of natural classification*. Moscow, 2013. P. 92–121. (In Russ.)
20. Patroeva, N. V. Functions and semantics of personal pronouns in the lyric poetry by E. A. Baratynsky. *Russian Literature*. 1998;6:6–10. (In Russ.)
21. Perctsov, N. V. On ambiguity in poetic language. *Topics in the Study of Language*. 2000;3:55–82. (In Russ.)
22. Revzina, O. G. Riddles of poetic text. *Communication and semantic parameters of grammar and text: Collection of articles commemorating the anniversary of G. A. Zolotova*. Moscow, 2002. P. 418–433. (In Russ.)
23. Romanova, I. V. “I will try to entice you with one game”: the interaction of the communicative models in the poem-mystery by Josef Brodsky “Procession”. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2010;14(2):99–106. (In Russ.)
24. Sidorova, M. Yu., Lipgart, A. A. Grammar of modern Russian poetry: subject perspective, predicative categories, frames of modus (part 1). *Philology and Human*. Available at: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4663> (accessed 17.07.2021). (In Russ.)
25. Subject in modern Russian-language poetry – theory and practice. (H. Stahl, Ed.; E. A. Evgrashkina, Comp.). Berlin, 2018. 448 p. Available at: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)
26. Fetisova, E. E. Neoacmeism of Josef Brodsky: composition of the mystery “Procession”. *Philosophical Thought*. 2017;55(2):109–117. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21763 (accessed 05.05.2021). (In Russ.)
27. Jakobson, R. O. Dominant. *Anthology on theoretical literary studies: In 5 vols*. Vol. 1. (Z. G. Mints, Ed., I. A. Chernov, Comp.). Tartu, 1976. P. 56–63. (In Russ.)

Received: 20 December 2022; accepted: 31 March 2023

АННА АНДРЕЕВНА КУЛЕБАКИНА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7575-470X; annakovaleva2014@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ «УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ» 1782 ГОДА

А н н о т а ц и я . В задачи общегосударственных документов XVIII века входила не только регламентация деятельности служащих той или иной сферы общественной жизни, но также трансляция государственных ценностей, что обусловило необходимость тщательного отбора языковых средств. В екатерининское время язык документов претерпевает ряд изменений, связанных, с одной стороны, с уходом из употребления приказного языка, а с другой – с усилением влияния европейских языков. На материале «Устава Благочиния или Полицейского» 1782 года рассматриваются средства выражения императивности и анализируются случаи их употребления. Результаты проведенного исследования демонстрируют сближение языкового оформления текста устава с европейскими моделями. Зафиксировано активное употребление настоящего предписания, модальных операторов *должен* и *обязан* наряду с независимым инфинитивом, а также распространение двусоставной модели предложения. Некоторые конструкции, широко используемые в петровское время, становятся менее употребительными и заменяются. Отмечается смягченная тональность документа. Предполагается, что причины данных изменений могли быть обусловлены влиянием источников, лежавших в основе устава, а также философско-правовых идей просвещенного абсолютизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : императивность, устав, история русского делового языка, деловой язык XVIII века, Екатерининская эпоха

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кулебакина А. А. Средства выражения императивности в тексте «Устава Благочиния» 1782 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 42–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.905

ВВЕДЕНИЕ

XVIII столетие занимает особое место в истории деловой письменности. Изменения в государственном управлении и культуре, продиктованные стремлением монархов создать полицейское государство, обусловили появление документов регламентирующего типа – уставов и регламентов, которые регулировали деятельность служащих государственных ведомств, а также могли содержать нормы разных отраслей права. Одной из основных стилиобразующих черт делового языка является императивность, с помощью которой осуществляется регулирующая функция права и передается воля монарха. В регламентах петровского времени выявляется много новых средств выражения императивности, что объясняется поиском наиболее подходящих средств для нового жанра документов [10: 38].

Во времена царствования Екатерины II язык регламентов и уставов претерпевает суще-

ственные изменения, что обусловлено следующими причинами: во-первых, приказной язык XVII века, лежавший в основе петровских регламентов, выходит из активного употребления, и составители государственных документов ориентируются уже на тексты ближайших эпох [7: 94]. Во-вторых, в связи с распространением европейских политических и философско-правовых идей Просвещения меняется тональность общегосударственных документов. Желание Екатерины II утвердить господство закона во всех сферах жизни общества, а также повысить уровень правосознания народа приводит к тому, что вместо «воспитания шпицрутенами» императрица стремится просвещать подданных, «которые являются членами общества, осознанно исполняющими свой долг в соответствии с социальным положением» [15: 33].

В нашем исследовании средства выражения императивности будут рассмотрены на мате-

риале Устава Благочиния или Полицейского 1782 года¹, который является ярким образцом законотворческой деятельности Екатерины II и отражением ее представлений о роли полиции в государстве. Помимо описания функций, компетенций и порядка действий служащих полиции важное место в Уставе занимает разработанная система законов о гражданских и уголовных правонарушениях, что делает его важным средством модернизации общества и системы управления государством [5: 466–469].

С выражением типового коммуникативного волеизъявления создателей правовой нормы связан функционально-смысловой тип речи предписание, основной задачей которого является выражение директив и рекомендаций. «Предписание реализуется в трех основных подтипах: долженствовании, разрешении и запрещении» [12]. В зависимости от использования эксплицитных или имплицитных средств выражения императивности, а также от наличия интенсификаторов категоричность предписания в документе может быть как усилена, так и ослаблена [14: 125]. Помимо характеристики императивности как основной стилевой черты деловой речи немаловажно ее семантическое толкование. В общем виде императивность, или побуждение, понимают как «представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-либо говорящий»². Исходя из этого разными учеными предпринимались попытки определить основные компоненты императива и императивности. В силу формальных и содержательных особенностей императива многие исследователи не относят его к категории глагольного наклонения (данный вопрос, а также вопрос о парадигме императива подробно рассматриваются в работе [13]), но понимают под императивом выражение прямого волеизъявления говорящего «относительно невыполнения действия (или его выполнения)» [13: 69]. Таким образом, императив можно охарактеризовать как тип высказывания, выполняющий апеллятивную функцию. Императивность (повелительность), в свою очередь, представляет собой тип модального значения, которым должно обладать высказывание для того, чтобы его можно было отнести к императивным. В. Ю. Гусев в качестве компонентов императивности выделяет каузацию, лицо исполнителя, контролируемость и желательность действия [4: 21–30]. В. Ю. Стешевич вместо желательности предлагает рассматривать долженствование в качестве семантического компонента императивности³. На наш взгляд, наиболее полное семантическое толкование императивности представлено

в концепции императивной ситуации А. В. Бондарко. Основными элементами императивной ситуации являются:

«1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект – исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2 : каузируется действие, направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2 реальной)» [2: 80].

«УСТАВ БЛАГОЧИНИЯ ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ» 1782 ГОДА

Устав Благочиния или Полицейский состоит из 14 глав и предваряется указом Сенату, в котором разъясняются причины создания документа. Каждая глава Устава имеет буквенную индексацию и собственное название: «О должности Управы Благочиния», «Порядок определения в должности», «Запрещении» и др. Названия глав в большинстве случаев оформляются при помощи предложно-падежной формы с предлогом *о*. Статьи Устава имеют сплошную нумерацию. Текст документа разделен на две части – конспективную, которая идет слева, и содержательную, расположенную справа.

Устав Благочиния состоит из трех частей: главы А–Г и Е–Л представляют собой первую часть документа, собственно законотворчество Екатерины, и содержат статьи, регулирующие деятельность служащих управы благочиния, а также правила разделения городов. Вторая часть Устава – глава Д, Наказ Управе Благочиния, включает в себя морально-этический кодекс для граждан и служащих, а также описание сфер ответственности полиции. Третья часть представлена двумя последними главами о запретах и взысканиях, так называемым «карательным кодексом».

В зависимости от содержания статей адресатом Устава Благочиния могли выступать как служащие управы благочиния, так и население городов.

Источником большей части положений Устава являлась глава 21 Дополнения к Наказу Уложенной Комиссии, в тексте которой были определены основные функции полиции в государстве и городе. В основу пунктов, изложенных в Наказе, лег «Трактат о полиции» французского полицейского деятеля Н. де Ла Мара.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАНИЯ

Обязывание является одним из основных семантических подтипов императивности и выражает предписание субъекта волеизъявления

относительно совершения каких-либо действий, адресованное субъекту-исполнителю. Модальность долженствования, отражающая восприятие субъектом-исполнителем каузируемого действия как вынужденного, входит в зону обязывания в качестве имплицитной модальности, поскольку выражение предписания предполагает не только наложение на адресата обязательств по выполнению действия, но и появление у адресата «вынужденной необходимости», «долга» по исполнению предписания. Для выражения позитивного обязывания в Уставе Благочиния используются следующие средства: независимый инфинитив (233), повелительное наклонение (9), «да + настоящее-будущее время глагола» (28), настоящее предписания (114), «должен + инфинитив» (15), «обязан + инфинитив» (7), «надлежит» (8), «имеет + инфинитив» (21) и некоторые другие.

Количественное распределение средств показывает, что основными способами выражения обязывания в документе были независимый инфинитив и настоящее предписания в административной части, независимый инфинитив – в уголовной части. Следует отметить, что средства выражения обязывания в конспективной и основной частях Устава отличаются. Так, в большинстве случаев разнообразные средства выражения императивности, представленные в основной части, в конспективной заменяются на инфинитив, реже – на настоящее предписания:

«На частного Пристава **просить** Городничего» «Жалобы по должности на частного Пристава не принимаются; буде же кто доказать может, что не законно поступил, тот **должен просить** Городничего» (125).

В Уставе Благочиния обязывание выражается эксплицитно при помощи повелительного наклонения, что в целом не характерно для уставов и регламентов XVIII века. В нашем материале императивы употребляются в первом разделе Наказа Управе Благочиния – в Правилах Добронравия, отражающих христианские ценности и являющихся взаимными обязанностями граждан между собой:

«I. Не **чини** ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь. IV. Въ добромъ **помогите** другъ другу, **веди** слѣпаго, **дай** кровлю не имѣющему, **напой** жаждущего» (41).

По замечанию М. А. Соколовой, в деловых и бытовых текстах XVI–XVII веков «значимость сюжета в какой-то мере диктовала выбор того или иного способа словесного его оформления». Так, употребление повелительного наклонения в «Домострое» и «Стоглаве» встречается в текстах, содержащих религиозные предписания, а также в обращениях, исходящих от царя [11:

68]. В нашем материале Правила Добронравия имеют особое значение. Во-первых, обращает на себя внимание подражание некоторых формулировок библейским заповедям: *Не чини ближнему; Блаженъ кто и скоть милуетъ*. Высокая библейская риторика способствует возвышению образа монарха, который является адресантом Правил. Во-вторых, по замечанию Е. Н. Марасиновой, «имперская идеология фрагментарно была запечатлена в самых разнообразных по своим социальным функциям документах» [6: 81], к которым относятся и законодательные акты. Языковое оформление Правил Добронравия способствует трансляции ценностей просвещенной монархии и усиливает их воздействие на адресата.

В Уставе Благочиния одним из основных средств выражения императивности является независимый инфинитив. Для выражения повеления инфинитив широко использовался в памятниках деловой и бытовой письменности XVI–XVII веков, а в древнерусских юридических текстах «выражал предписание, имеющее характер закона, исполнение которого обязательно» [9: 15], см. также [11: 60–61]. В Уставе Благочиния инфинитивное предложение обычно представлено простым предложением или частью сложного, например придаточным определительным или главной частью сложноподчиненного предложения. Использование независимого инфинитива в тексте Устава предпочтительно для выражения правового установления (в этой функции он особо активно используется в главе Н. Взыскания):

«Буде кто домъ свой или нанятой откроетъ днемъ и ночью всякимъ людемъ ради непотребства: съ того **взыскать** пеню двѣнадцати-дневное содержание содержанного в смиренномъ домѣ, и **сажать** его въ тотъ же домъ, дондеже заплатитъ» (263),

а также в текстах инструкций в административной части Устава:

«...то пятое, **учинитъ** приговоръ обнародованія, потомъ шестое, **прочетъ** в Присутствіи; за тѣмъ седьмое, **прочетъ** при открытыхъ дверяхъ Частнымъ Приставамъ и Квартальнымъ Надзирателямъ...» (51).

Субъект-исполнитель может быть выражен дательным падежом при инфинитиве. Отсутствие в предложении указания на субъект придает предписанию обобщенный характер. Как отмечает ряд исследователей, семантика инфинитива не является однородной и выражает широкий спектр модальных, в том числе императивных модальных, значений. Однако, по замечанию Ю. А. Рязской, существует ограничение на выражение побуждения инфинитивом в составе при-

даточного, что обусловлено структурно-семантическими особенностями сложноподчиненного предложения⁴. Для инфинитива в составе придаточного определительного в большей степени характерна семантика долженствования.

Текст санкций за особо серьезные преступления часто сопровождается речевыми формулами (как законы повелевают, как въ законѣ написано, какъ закономъ предписано) вместо описания самого наказания, что значительно смягчает тональность документа. Кроме того, данные речевые формулы работают в тексте как отсылки к более ранним законодательным актам, что позволяет избежать громоздких конструкций.

Для регламентации действий служащих управы благочиния в конкретной ситуации, а также для выражения общего должностного предписания в Уставе Благочиния часто используются двусоставные предложения с модальным оператором «иметь» в сочетании с инфинитивом:

«Частный Приставъ въ случаѣ уголовного преступления личнаго имѣть изслѣдовать» (105); «Квартальный Надзиратель имѣть смотрѣть, чтобъ всѣ въ всякій въ его кварталѣ остался въ законо-предписанномъ порядкѣ» (153).

В древнерусском языке данная конструкция помимо значения будущего времени могла выражать ряд модальных значений, в том числе значение «вынужденного долженствования» [3: 354]. Несмотря на активное использование конструкции «иметь + инфинитив» в регламентах начала Петровской эпохи, со временем она становится менее употребительной из-за размытости модального значения [10: 42].

Для выражения процедурных и должностных предписаний в тексте Устава используются модальные операторы «должен» и «обязан» в сочетании с инфинитивом в составе двусоставных предложений с личным подлежащим:

«Квартальный Надзиратель долженъ вѣдать о всѣхъ въ кварталѣ его вѣдомства живущихъ людяхъ; чего ради хозяева домовъ, или ихъ повѣренные обязаны всегда давать знать Квартальному Надзирателю о всѣхъ къ нимъ на житье приѣзжающихъ...» (156).

Модальный оператор «обязан», малоупотребительный в петровское время, был точной калькой немецкого причастия *verbunden*, и его распространение в Екатерининскую эпоху, вероятно, связано с влиянием немецких источников.

В петровское время для выражения долженствования широко использовалось сочетание безличного глагола «надлежит» с инфинитивом. Данная конструкция встречалась преимущественно в главной части сложноподчиненных

предложений [10: 41]. В Уставе Благочиния «надлежит» употребляется исключительно в придаточных предложениях в составе модальных оборотов:

«...то Управа Благочинія должна (буде не отдасть добровольно) отослать его къ суду, куда по законамъ надлежитъ» (35).

К имплицитным способам выражения обязанности в Уставе Благочиния относятся настоящее предписание и конструкция «да + настоящее-будущее время». Употребление личных форм глагола предпочтительно в контекстах, связанных с описанием должностных обязанностей государственного учреждения или должностного лица:

«Управа Благочинія принимает указы и повелѣнія отъ Государева Намѣстника, или Главнокомандующаго, Губернатора, Правленія Губернскаго и Палат, и къ онымъ посылаетъ рапорты и доношенія» (73).

Распространение настоящего предписания, а также наличие субъекта в конструкциях с модальными операторами «должен», «обязан», «имеет» свидетельствуют о закреплении двусоставной модели предложения для выражения предписания в инструктивных текстах.

В некоторых статьях Устава настоящее предписание используется для уточнения или более подробного изложения должностных обязанностей, введенных в текст конструкцией «имеет + существительное», которая используется для описания сфер ответственности управы благочиния и ее служащих.

«Частный Приставъ имѣть попеченіе о пригрѣнія убогихъ его части, и оныхъ покровительствуетъ и защищаетъ отъ обидъ, притесненія и насилія, и доставляетъ немущимъ честное пропитаніе...» (119).

Распространение конструкции «иметь + существительное» в Уставе Благочиния, на наш взгляд, может быть объяснено влиянием общеевропейских моделей (фр. *avoir* и нем. *haben* в сочетании с существительным).

Церковнославянская конструкция «да + форма настоящего-будущего времени глагола» носит книжно-литературный характер и имеет семантику, близкую к семантике повелительного наклонения: в церковнославянских текстах она использовалась для передачи греческого императива 3-го лица [9: 16–17]. В тексте Устава сочетание частицы «да» с формами настоящего и будущего времени используется для выражения правовых норм в сложноподчиненном предложении с придаточным условием:

«Буде кто въ части домъ построитъ или ломать хочетъ... да объявить о томъ частному маклеру» (179)

или для выражения обобщенного предписания:

«...*да войдутъ во храмъ Божій со благоговѣніемъ, и да пребываютъ во ономъ во время службы Божіей со страхомъ въ молчаніи...*» (59).

ВЫРАЖЕНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ

В Уставе Благочиния разрешение выражается при помощи двусоставных и односоставных предложений. В односоставных предложениях используется сочетание инфинитива с (квази) безличными формами *дозволяется, не запрещается* или глагольно-именным оборотом «дается право»:

«*то дозволяется гражданамъ избрать изъ постороннихъ чиновныхъ людей и съ аттестатами представить Городничему*» (27).

Частотный в Петровскую эпоху глагол *позволять* становится редким и заменяется на *дозволяться*.

В двусоставных предложениях для выражения разрешения используются глагол «дозволять» в форме настоящего времени, а также описательный глагольно-именный оборот «имеет право». Субъект в таких конструкциях часто выражен наименованием должности или органа власти: *Городничий дозволяет, Управа Благочиния право имеет*.

Описательный глагольно-именный оборот «имеет право» выражает разрешение, основанное на нормах и правилах, которые закреплены в документах и регулируют поведение людей [8: 47]. Данная конструкция, получившая распространение в екатерининское время, была калькой французских (*avoir le droit*) и немецких конструкций (*Recht haben*) и, вероятно, отражала влияние разрешительного права, которое формируется в данную эпоху.

ВЫРАЖЕНИЕ ЗАПРЕТА

В Уставе Благочиния отмечается следующее распределение средств выражения запрета. В административной части запрет выражается независимым инфинитивом с отрицанием, формами настоящего времени глагола «дозволять» с отрицанием, оборотом «имеет чинить запрещение» и некоторыми другими:

«*Словеснаго Суда Правленію, Палатамъ, Губернскому Магистрату и Городовому магистрату не отя-*

гощать другими повѣлениями, какъ только такими, кои до должности его касаются; и другихъ указовъ въ оной не насылатъ...» (174).

В «карательном кодексе» запрет выражается формой настоящего времени глагола «запрещается», а также конструкциями «подтверждается (и возобновляется) запрещение», которые были немецкими кальками *Verbot bestätig(et) / eingeschräft (und erneuert)*:

«*Запрещается въ городѣ безъ дозволенія Управы Благочинія разыгрывать вещь, или книги, или товаръ, или лошадь, или иное что...*» (218); «*Подтверждается и возобновляется запрещение учинить уголовныя преступленія противу обитаній, какъ то: 1) пожсегъ обитаній, 2) воровство со взломомъ. См: взысканій статью 268*» (226).

В Уставе Благочиния инкриминирующие составки и санкции разнесены по разным главам, что отражает влияние уголовно-правовой мысли английского Просвещения [1: 11–14]. Каждая запретительная статья сопровождается ссылкой на статью взыскания, что делает текст более компактным и лаконичным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В системе средств выражения императивности, а также в языковом оформлении Устава отмечаются следующие особенности: активизация славянизмов, широкое использование германизмов и галлицизмов, распространение настоящего предписания и закрепление двусоставной модели предложения. Отмеченные тенденции могут быть обусловлены влиянием оригинальных текстов европейского Просвещения, которые лежали в основе большинства положений Устава Благочиния.

Императивную тональность Устава можно охарактеризовать как смягченную. В тексте отсутствуют угрозы жестокого наказания, транслируются христианские ценности, а регулятивные положения дополняются нравоучениями, что соответствовало идеологии просвещенного абсолютизма и способствовало реализации воспитательной функции устава.

Выявленные языковые черты позволяют говорить о том, что Устав Благочиния представляет собой документ, приближенный к европейским образцам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уставъ Благочинія или Полицейской. Часть первая. Напечатанъ въ Санктпетербургѣ апрѣля 8 дня 1782 года. 79 с. Здесь и далее при цитировании в круглых скобках указывается номер страницы.

² Повелительное наклонение // Русская грамматика. Т. I / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 620–625.

³ Стешевич В. Ю. Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 8.

⁴ Рязская Ю. А. Инфинитивные предикативные единицы в составе сложноподчиненного предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкова Г. О. Уголовно-процессуальное законодательство Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII века (к истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава Благодичиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 (51). С. 9–20.
2. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 80–89.
3. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
4. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
5. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
6. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. М.: Наука, 2008. 460 с.
7. Никитин О. В. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. 2003. № 6. С. 93–99.
8. Олзова Я. В. Описательные глагольно-именные обороты как средство выражения внутрисинтаксической модальности возможности в русском языке // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2 (43). С. 44–48.
9. Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
10. Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 36–49.
11. Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских деловых и бытовых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1952. Вып. 18, № 161. С. 52–79.
12. Трошева Т. Б. Предписание // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 301–303.
13. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив / Отв. ред. В. Б. Касевич. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
14. Ширинкина М. А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 120–130.
15. Яшин А. Н. Идеи просвещенного абсолютизма в философии русского правосудия второй половины XVIII века // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 11. С. 31–35.

Поступила в редакцию 06.04.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Anna A. Kulebakina, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7575-470X; annakovaleva2014@mail.ru

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1782 DEANERY CHARTER

Abstract. The tasks of the official documents of the XVIII century included the regulation of the employees' activities in a particular sphere of public life and the transmission of state values. This was the reason for the careful selection of linguistic means. In the era of Catherine the Great, the language of documents was changed. These changes were associated with moving away from mandative language of the XVII century, on the one hand, and with a stronger influence of European languages, on the other hand. The article examines linguistic means for expressing imperativeness and analyzes its usage cases in the text of the 1782 Deanery Charter. The performed analysis demonstrates a linguistic convergence of the text of the Charter with European language models. Along with the independent infinitive, imperativeness is expressed through verbs in the present tense, modifiers *dolzhen* (must) and *objazan* (be obliged), and a two-part sentence model often found in the text of the Charter. Some syntactic constructions that were widely used in the era of Peter the Great were becoming less common and were being replaced, and the tone of the document became softer. It is assumed that the reasons for these changes could be due to the influence of the sources underlying the Charter, as well as the influence of the philosophical and legal ideas of enlightened absolutism.

Key words: imperativeness, charter, history of business Russian, eighteenth-century business language, Catherine the Great's era

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the projects No 20-012-00338 "The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century".

For citation: Kulebakina, A. A. Language means of expressing imperativeness in the text of the 1782 Deanery Charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):42–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.905

REFERENCES

1. Babkova, G. O. Criminal procedural legislative drafts of Catherine the II and the Russian legislation in the 2nd half of XVIII century (on the history of the Decree "On Three Types of Theft" of 1781, and the Deanery Charter of 1782). *Actual Problems of Russian Law*. 2015;2(51):9–20. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. The analysis of categorical situations in the field of modality: imperative situations. *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 80–89. (In Russ.)
3. Galinskaya, E. A. Historical grammar of the Russian language. Phonetics. Morphology. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)
4. Gusev, V. Yu. Typology of the imperative. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
5. Madariaga, I. de. Russia in the age of Catherine the Great. Moscow, 2002. 976 p. (In Russ.)
6. Marasinoва, E. N. Leadership and personality: Essays on Russian History of the XVIII century. Moscow, 2008. 460 p. (In Russ.)
7. Nikitin, O. V. The language of the decrees of Catherine II in 1762 and the formation of official style in Russia in the 18th century. *Philological Sciences*. 2003;6:93–99. (In Russ.)
8. Olzoyeva, Ya. V. Descriptive verbal-nominal structures as a means to express internal syntactic modality of possibility in modern Russian. *Proceedings of N. G. Chernyshevsky Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University*. 2012;2(43):44–48. (In Russ.)
9. Pichhadze, A. A. Means of expressing imperative and optative semantics in Old Russian and Old Russian prescriptive texts. *Topics in the Study of Language*. 2010;5:14–24. (In Russ.)
10. Rudnev, D. V., Pushkareva, N. V. Regulations of Peter the Great in the aspect of imperativeness. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(4):36–49. (In Russ.)
11. Sokolova, M. A. Expression of will in Russian everyday texts and documents of the XI century. *Proceedings of Leningrad State University. Philological Sciences*. 1952;18(161):52–79. (In Russ.)
12. Troshcheva, T. B. Directive. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. (M. N. Kozhina, Ed.). Moscow, 2011. P. 301–303. (In Russ.)
13. Khrakovsky, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of the imperative: Russian imperative. (V. B. Kasevich, Ed.). Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.)
14. Shirinkina, M. A. Regulatory documents of the executive power in the aspect of tonality (compared to directory ones). *Political Linguistics*. 2018;1(67):120–130. (In Russ.)
15. Yashin, A. N. Ideas of enlightened absolutism in the philosophy of Russian justice in the second half of the XVIII century. *Symbol of Science*. 2016;11:31–35. (In Russ.)

Received: 6 April 2022; accepted: 31 March 2023

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Дербент, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

ЛИЦО, НАКЛОНЕНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ВЗАИМНО СООТНЕСЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ

А н н о т а ц и я . Исследуется проблема межкатегориальных отношений в языках разных систем на материале трех фундаментальных грамматических категорий – лица, наклонения и синтаксического типа предложения. Устанавливается, что эти категории генетически и функционально тесно связаны между собой и связь эта является односторонне направленной по схеме *лицо – наклонение – тип предложения*. Аргументированно показывается роль категории лица в становлении и употреблении наклонений, а категорий лица и наклонения – в становлении и употреблении типологии предложений в разных языках в соответствии с их исторически сложившимися системными различиями. Выявляются текстообразующие возможности личных форм первого и третьего лица, которые конституируют повествовательный дискурс в отличие от формы второго лица, обозначающего адресата речи и исполнителя чужой воли. На основе сопоставительного функционального анализа форм трех проанализированных категорий демонстрируются существенные различия между флективными индоевропейскими языками (по показаниям русского) и агглютинативными северокавказскими языками (по показаниям дагестанских) в подсистемах личных форм третьего лица и ирреальных наклонений, в том числе и на примере волитива, неизвестного индоевропейским языкам. Полученные результаты могут быть использованы в индоевропеистике, русистике, кавказоведении и контрастивной типологии языков. В контексте направлений развития исторического синтаксиса ставится малоисследованная проблема степени лексической и лексико-грамматической детерминированности типов предложения в языках аналитического и синтетического строя. Формулируется мотивированный тезис о связи между типами наклонений и соотнесенных с ними видов предложений с этнопсихологией и этноменталитетом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лицо, наклонение, предложение, зависимость, история, типология, этнопсихология, становление, исследование

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Лицо, наклонение и предложение как взаимно соотнесенные языковые категории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 49–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья первоначально планировалась для публикации в научном журнале на Кавказе. Поэтому выдвинутыми на передний план оказались дагестанские языки, хотя логичнее было бы идти от известного всем русского языка к малоизвестным дагестанским языкам. Когда статья была завершена, автор решил опубликовать ее в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета», которые считает одним из лучших университетских журналов в современной России с широким кругом читателей. Композиция сохранена первоначальная: для типологии это не имеет принципиального значения.

Системное изучение языка предполагает, в частности, последовательное исследование его

категорий и форм в их генетических и функциональных взаимосвязях и взаимодействиях. Вместе с тем опыт языкознания на материале разных языков показывает, что интересующие нас системные отношения достаточно подробно и разносторонне изучены во внутрикатегориальном аспекте (отношения падежные, видовые, залоговые, модальные, предикативные и т. д.). В нашем случае речь идет о таких фундаментальных категориях, как категория лица, категория наклонения и категория синтаксического типа предложения. Количество структурных составляющих в каждой из названных категорий разное в разных языках независимо от их происхождения и степени генетического родства между ними. Одна из важнейших проблем при этом состоит

в том, чтобы выяснить, как эти категории соотносятся между собой, каковы зависимости между ними, если они есть; если нет, то каким образом конституируется та высшая единица грамматической категории, которая именуется предложением.

В этом плане одна из задач статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, как предполагаемые межкатегориальные взаимосвязи и взаимодействия складываются в соответствующих языках и насколько они существенны для становления их строя, для обеспечения полноты их функционирования, а также в качестве принципиальных проблем языкознания как науки в целом. При обсуждении и решении проблем, затрагиваемых в статье, используются типологически соотносительные показания индоевропейских, прежде всего русского, и северокавказских (дагестанских) языков.

* * *

Опыт языкознания как науки и практика использования языка подтверждают, что лицо, наклонение и предложение представляют собою исторически и функционально тесно связанные универсальные категории языков флективного и агглютинативного типов. Что касается первой из этих категорий, то невозможно представить себе язык, в котором бы отсутствовали средства, обозначающие лицо, ибо речь в качестве способа реализации языка непременно предполагает как говорящее лицо, которому она принадлежит, так и лицо слушающее, которому она непосредственно или опосредованно адресована. Нет речи без языка, но и язык, чтобы быть самим собой, не может не располагать возможностью его реализации между субъектом и адресатом речи, которые в процессе речи являются поочередно меняющимися местами. Язык и речь неотделимы друг от друга как в историко-генетическом плане, так и в плане социальном, функциональном.

Поскольку наиболее общими специальными средствами выражения лица являются личные местоимения, то «среди знаков любого языка любого типа, какой бы эпохе или области земного шара он ни принадлежал, всегда обнаруживаются “личные местоимения”», — справедливо писал Эмиль Бенвенист [1: 295]. Тот факт, что личные местоимения в разных языках представлены по-разному и в разных проявлениях, включая и так называемые инклюзивы и эксклюзивы, не имеет при этом существенного значения. С точки зрения естественного языка важно то, что они в нем непременно присутствуют, конституируя, с одной стороны, человека в качестве субъекта как такового; субъекта, реально соотношенного с понятием *быть*, а с другой стороны — субъективность, то есть «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта»

[1: 295]. Человеческий язык в прямом смысле слова пронизан иерархически выстраиваемой субъективностью, антропоцентричностью, охватывающей все его уровни [10], но центральное место в этой иерархии все же безусловно занимают именно личные местоимения.

Личными изначально являются взаимно соотношенные между собой местоимения первого и второго лица типа русских *я* и *ты*. Форма личного местоимения третьего лица исторически утверждается позже, возводясь к объектному дейксису с указательно-отсылочной функцией по его исходной сути. Поэтому таких местоимений в тех языках, в которых они формируются как личные, количественно больше одного, что в принципе исключено для собственно личных местоимений.

Обнаруживаемая в разных языках вариативность местоимений так называемого третьего лица обуславливается, в частности, и тем, что они указывают на объект не отстраненно, не нейтрально, а относительно первого или второго лица, то есть участников речи, а также с учетом такого параметра, как его местоположение в пространстве. Если в этом плане иметь в виду кавказские (северокавказские) языки, то речь идет, например, о местоимениях типа агульских *ме* (объект около первого лица), *ле* (объект около второго лица), *те* (объект вне сфер первого и второго лица, но по прямой, линейной плоскости), *зе* (объект вне сфер первого и второго лица, но в пространстве ниже по уровню), см. подробно [11] и др. Таковы же, кстати, и собственно лезгинские указательно-личные формы *им* (около первого лица), *ам* (около второго лица), *агъам* (в пространстве ниже по уровню), *амIам* (в пространстве по горизонтальной прямой от первого и второго лица) и проч. Аналогичное положение, но по другим основаниям, например по степени удаленности, прослеживается и в индоевропейских языках, ср. русские *этот*, *тот*, *оный* и проч. (см. «Распад старой системы указательных местоимений и формирование личного местоимения 3-го лица» в [8: 64–66]).

Как бы то ни было, в состав личных местоимений входит и так называемое местоимение третьего лица, конституируя, таким образом, вместо исторически первичной двухчленной системы исторически вторичную трехчленную систему личных местоимений. О том, что в языках нового времени местоимение третьего лица действительно является личным местоимением, свидетельствует тот факт, что эксклюзив (ср., например, агульское *чин*) строится с включением первого и третьего лица, но без второго, а инклюзив (ср., например, агульское *хьин*) — с включением первого и второго лица, но без третьего. Если бы исходно указательное местоимение не перешло в разряд личных, тем самым приоб-

ретае новый для него грамматический и функциональный статус, то его взаимодействие с личными местоимениями первого и второго лица для передачи инклюзивного и эксклюзивного значений было бы невозможно.

Для каждого из личных местоимений организован свой тип дискурса, хотя такого рода функциональная привязка не служит жестким ограничителем для дискурсивного их употребления в целом. Первое и третье лицо конституируют повествовательный дискурс, нарратив, в котором объективируется предмет, объект речи. Со вторым лицом связано исполнение императива, инициируемого говорящим, первым, лицом. Второе лицо – это адресат и исполнитель чужой воли. Поэтому это лицо не может быть инструментом порождения повествования о чем-либо: оно переводит адресованное ему предписание в соответствующее действие.

Говоря другими словами, языковые формы первого и третьего лица, представляющие соответствующие события реально, во времени, соотносительны в первую очередь с изъявительным наклонением, индикативом. Те же формы употребляются и во всех ирреальных наклонениях, число которых не исчерпывается, однако, тремя традиционно выделяемыми [6: 618–625], но варьируется в достаточно широком диапазоне в разных языках [12], однако это совсем другая проблема, производная по своей сути, недостаточно изученная в принципе, особенно по кавказским языкам, и не влияющая на общие принципы порождения текста. Важно иметь в виду в любом случае, что лицо и наклонение как категории, служащие для реализации субъективности и субъективного начала в языке в его соотнесенности с реальным временем в абсолютном и относительном выражении, тесно связаны между собой, свидетельствуя тем самым об основаниях системности в строе языка в целом.

Особенность первого лица, кроме того что оно является средством порождения повествовательного текста наряду с третьим лицом и вместе с тем служит исходной точкой императива, адресованного второму лицу, состоит и в том, что структурно только на нем строится совершенно особенное наклонение, обнаруживаемое в ряде языков, которое условно можно назвать волитивом.

Волитив применительно к первому лицу – это своеобразный антиимператив, ответная реакция на императив. Так как императив адресуется второму лицу, то волитив – это ответная реакция, выражение воли лица, не подчиняющегося императиву, это тем самым воля лица, по норме диалога ставшего субъектом речи, отказывающимся от выполнения императива.

Антиимперативный характер волитива проявляется и в том, что оно противоположно по своему содержанию тому, что предписывается императивом. Поэтому если императив оформлен в положительной форме, то волитивная форма – только отрицательная, и наоборот, ср.: агульские *ликI!* «пиши!» – *даликIe!* «не напишу!», где *да-* – отрицательная частица, *-e* – аффикс волитива; *маликIe!* «не пиши!» – *ликIe!* «напишу!». Ср. аналогичные примеры из лезгинского языка: *ая!* «делай!» – *тийин!* «не сделаю!»; *ийимир!* «не делай!» – *ийин!* «сделаю!»; это такое значение, которое существенно отличается по своей модальности от отрицательной реплики *ийидач* «не сделаю» в лезгинском языке. Отдельного сопоставительного рассмотрения требует и то, как в агульском языке, подобно аналогичным случаям в других языках, взаимодействуют с волитивом два разных отрицания соответственно с суффиксами *да-* и *ма-*.

В собственно лезгинском языке в отличие от агульского волитивными формами системность утрачена. Поэтому от многих глаголов такие формы уже не образуются. При этом характерно, что глагол, в принципе лишенный изменяемости по лицам, соединяясь с соответствующей формой лица местоимения, конституирует синтаксическое наклонение с полной парадигмой.

Волитивные формы строятся, таким образом, и на базе второго и третьего лица, выражая при этом невозможность, но это переносное значение волитива, реализуемое, как говорилось, в сочетании с отрицанием: *ДаликIe вун!* (второе лицо) «невозможно, чтобы ты написал! Не написать тебе!», *даликIe ту!* (третье лицо) «невозможно, чтобы он написал! Не написать ему!». Переходность / непереходность глаголов не сказывается на образовании волитива.

Приведенные примеры неопровержимо доказывают системный характер связей между категориями лица и наклонения, которые в разных языках проявляются по-разному и в разной степени дробно. Это чрезвычайно важно, в частности, для кавказских языков с их разветвленными подсистемами личных местоимений и наклонений. К сожалению, и та, и другая подсистемы почти не исследованы в большинстве этих языков даже в первом приближении. Такое положение в значительной степени объясняется господствовавшими и все еще продолжающими господствовать в кавказоведении методологическими пороками исследовательской практики, замкнутыми преимущественно на разрозненных атомарных подходах к фактическому языковому материалу. Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться, например, на то, как рассматривается материал по глагольным наклонениям в разных языках в монографии «Глагол» [5: 84–94] одного из признанных

кавказоведов – академика И. И. Мещанинова, в которой те или иные произвольно характеризующие особенности функционирования наклонений в качестве средств выражения модальности иллюстрируются примерами из селькупского, алеутского, ненецкого, кабардинского, адыгейского и других языков с совершенно разными грамматическими системами. Подобного рода иллюстрации с незначительными комментариями лишены, однако, общего основания и поэтому едва ли ведут к осмыслению не только строя соответствующих отдельных языков, но и наклонения как грамматической категории в целом.

Связь между личными местоимениями и наклонением сказывается и в том, что глагольное личное спряжение восходит, как известно и как это доказано на материале индоевропейских языков, к изоморфно употреблявшимся личным местоимениям, слившимся с глагольными основами в качестве окончаний. Поэтому категория лица глагола исторически вторична по отношению к категории лица местоимений, от которой она является производной. Агглютинация глаголов и личных местоимений еще в древнейшую пору привела к тому, что в индоевропейских языках сложились противостоящие друг другу классы *личных* и *неличных* глаголов. Позже, на следующей стадии, на базе *личных* глаголов складываются глаголы *безличные* со своими специфическими функционально-выразительными возможностями. Как исторически мотивированное образование личных глаголов, так и исторически же мотивированная трансформация некоторых подгрупп личных глаголов в безличные – это закономерный процесс в развитии глагольной категории лица и глагольной подсистемы во флективных языках в целом. Этот процесс, нередко тенденциозно и антиисторично трактуемый отдельными представителями европейской науки [2: 33–76], четко прослеживается на материале, в частности, русского языка [9: 80–108].

Важную роль в грамматической системе русского глагола сыграло еще одно местоимение, близкое к личным, – это возвратное энклитическое местоимение *ся*, к XV столетию трансформировавшееся в русском языке в аффикс страдательного залога *-ся(-сь)*, тем самым конституируя залог и формально в качестве отдельной морфологической категории.

Значения лица и наклонения, как все значимости языковых фактов, реализуются в соответствующих *высказываниях, выстраиваемых по тому или другому синтаксическому типу предложения*. Обычно с древнейших времен принято выделять три типа предложения по цели, соотносенные с наклонениями и важнейшими двумя модальностями – *приказом* и *вопросом*:

повествовательный тип, повелительный (побудительный) тип и вопросительный тип [3: 325].

Указанные три типа предложений по наклонениям и модальностям, будучи слишком общими, а потому универсальными, не перекрывают, однако, обнаруживаемое в разных языках разнообразие их функционально-структурных видов, в том числе по наклонениям и модальности, к которым относятся, например, номинативный (именной) подтип предложения, в русской научной традиции называемый *назывным*; номинативный подтип предложения в противоположении эргативному; односоставные и двусоставные предложения в русской научной традиции; односоставные определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения в русском языке; инфинитивные предложения, безличные предложения, синтаксически не членные предложения, эмфатические предложения и др. Все эти и аналогичные разновидности простого предложения складываются исторически в разное время для разных языков и выделяются по принципу лексико-морфологического оформления их структурного ядра (главных членов), которое может быть одночленным, одноядерным (с одним главным членом, например русские инфинитивные, безличные, номинативные предложения), двухчленным, двухъядерным (двусоставные предложения) и нечленимым.

Предложения же, образуемые в дагестанских языках на базе волитива, отличаются от всех названных и других аналогичных по целому ряду существенных признаков: 1) субъектом действия в них может быть любое из трех лиц, хотя наиболее органичным и частым предстает первое лицо; 2) они эмоциональны в силу своей яркой модальности; 3) образуясь на базе первого лица, они являются исключительно волитивными; на базе же второго и третьего лица они реализуют модальное значение невозможности или долженствования в зависимости от того, положительной или отрицательной формой представлена соответствующая глагольная форма, выполняющая роль предиката, ср.: агульские *Даркья зун!* (первое лицо) «не сделаю!», *даркья вун!* (второе лицо) «не сделаешь, не сможешь сделать ни в коем случае! Не сделать тебе!», *даркья ти* (третье лицо) «не сделает, не сможет сделать ни в коем случае! Не сделать ему!». Адекватно передать значения приведенных конструкций на языках, в которых нет волитива, невозможно. Но уловить общий их смысл по предложенным примерам все же можно; 4) по своему строю они представляют собой эмфатические конструкции, потому по норме малообъемны. По семантике они предстают и как «аффективные», если пользоваться терминологией И. И. Мещанинова применительно к се-

верокавказским языкам. Однако в перечне типов предложений, выделяемых ученым, в числе которых без объяснений названы «аффективные», «посессивные», «локативные», «эргативные» и «безобъектные» [4: 214], такие конструкции отсутствуют, поскольку, согласно И. И. Мещанинову, тип предложения конституируется группой соответствующих глаголов, получающих свою тематическую семантику от предложения же [4: 214–215]. Следовательно, как считает исследователь, тематическая группа глаголов, выступающих предикатами, и тип предложения соотносительны. Подобная постановка проблемы вызывает, однако, много вопросов, но дело в том, что от такого рода конструкций, строящихся на ограниченных подгруппах лексики, волитивные предложения далеки по многим параметрам. Прежде всего по параметру лексической свободы их строя.

Тип предложения в синхронии и диахронии в той или иной степени всегда мотивирован лексико-грамматически. В предложении складывается и сохраняется лишь то, что является результатом направленного исторического движения в лексике и морфологии, начиная от значений слов и заканчивая грамматическими формами и категориями, включая также и слово-, формообразующие частицы. О роли отрицательных частиц в истории русского безличного предложения см., например, [7]. Об этом неопровержимо свидетельствуют многочисленные, хотя и разрозненные, исследования прежде всего по истории и современному состоянию индоевропейских языков, которые изучены несравненно полнее и последовательнее других семей и групп языков.

Степень лексико-грамматической мотивированности (обусловленности) типов предложений, которая представляет собой отдельную малоисследованную проблему науки о языке, в разных языках различна. В этом отношении общее правило может быть сформулировано таким образом: лексико-грамматически предложение более свободно и менее обусловлено в аналитических языках, чем в синтетических. Вследствие этого по структуре и возможностям развертывания предложение-высказывание, например, в английском языке свободнее предложения в русском или немецком языке. Еще более лексико-грамматически обусловленным предстает то же пред-

ложение в северокавказских дагестанских языках в силу, в частности, многочисленности в них падежей и наклонений, выполняющих роль своеобразных ограничителей свободы синтаксического развертывания фразы. В то же время предложение в дагестанских языках ближе к аналитическому английскому предложению по нормам препозитивного расположения именных и атрибутивных сочетаний по отношению к предикату.

Предложение-высказывание безусловно имеет прямое отношение к формулированию и выражению мысли. Как мысль, так и предложение-высказывание – это непрерывно меняющиеся и развивающиеся способы и средства обобщения многовекового этнического опыта, этнического мировидения и мировосприятия.

Мысль, ее модальность, открытость, относительная сводимость к иноэтническим культурным, поведенческим, социальным, этическим и прочим ценностям, представляемые синтаксическими конструкциями разных языков, настолько же подобны, насколько сами эти конструкции накладываются друг на друга. Но дело в том, что даже простейшие синтаксические конструкции типа *Идет дождь* в разных языках полностью не накладываются друг на друга. О разных типах предложений при этом и речи нет. Едва ли в каком-либо языке существует, например, аналог русского инфинитивного предложения типа *Быть дождю!* или русского же предложения типа *Тошнит*. Аналогично, кстати, и упомянутое выше лезгинское предложение *Тийин!*

Предложение-высказывание со свободным и фиксированным порядком слов отличаются друг от друга не только своими грамматическими формами, подчиняющимися несовпадающим правилам расположения в едином целом, но и содержательно: предложение-высказывание со свободным порядком слов располагает большими возможностями выражения мысли и ее нюансов. Жесткость (обязательность) или мягкость (вариативность) пространственного расположения предиката, способов его выражения в высказывании – это не только характеристика типа синтаксической конструкции как таковой, но и синтаксический ключ к разгадке особенностей этнического менталитета народа – носителя языка, который также является культурно-исторически мотивированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
4. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975. 351 с.
5. Мещанинов И. И. Глагол. М.: Наука, 1982. 272 с.
6. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
7. Савельева Л. В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 40 с.

8. Савельева Л. В. История русского языка. Основы палеорусистики: Учебник и практикум. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 170 с.
9. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 208 с.
10. Тарланов З. К. Антропоцентризм и асимметрия в развитии типологии русского предложения // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. Серыя 1. 3(5), Лістапад. Гродна, 2000. С. 41–42.*
11. Тарланов З. К. Система личных местоимений в восточнолезгинских языках // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 733–745.
12. Тарланов З. К. Тенденции в динамике глагольных наклонений в восточнолезгинских языках // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 762–777.

Поступила в редакцию 22.08.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Derbent, Russian Federation)
savtar@sampo.ru

PERSON, MOOD AND SENTENCE AS MUTUALLY CORRELATED LANGUAGE CATEGORIES

Abstract. The article covers the problem of intercategory relations in languages of different systems based on the material of three fundamental grammatical categories – person, mood and syntactic type of sentence. It is established that these categories are genetically and functionally closely related to each other and this connection is one-way directed according to the *person – mood – type of sentence* scheme. The author provides arguments to demonstrate the role of the category of person in the formation and use of moods and the role of the categories of person and mood in the formation and use of the typology of sentences in different languages in accordance with their historically established systemic differences. The text-forming possibilities of personal forms of the first and third persons are revealed, which constitute a narrative discourse in contrast to the second person denoting the addressee of speech and the executor of someone else's will. Based on a comparative functional analysis of the forms of the three analyzed categories, significant differences between inflectional Indo-European languages (exemplified by Russian) and agglutinative North Caucasian languages (exemplified by Dagestani) in subsystems of personal forms of the third person and unreal moods are demonstrated, including the example of a volitive unknown to Indo-European languages. The results obtained can be used in Indo-European studies, Russian studies, Caucasian studies and contrastive typology of languages. In the context of the directions of historical syntax development, the little-studied problem of the degree of lexical and lexico-grammatical determinacy of sentence types in analytical and synthetic languages is posed. A motivated thesis is formulated about the relationship between the types of moods and the corresponding types of sentences and ethnopsychology or ethnomenality.

Key words: person, mood, sentence, dependence, history, typology, ethnopsychology, formation, research

For citation: Tarlanov, Z. K. Person, mood and sentence as mutually correlated language categories. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):49–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908

REFERENCES

1. Benveniste, E. About subjectivity in language. *Benvenist E. General linguistics*. (Yu. S. Stepanov, Ed.). Moscow, 1974. 447 p. (In Russ.)
2. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
3. Lyons, J. Introduction to theoretical linguistics. Moscow, 1978. 543 p. (In Russ.)
4. Meshchaninov, I. I. Problems of language development. Leningrad, 1975. 351 p. (In Russ.)
5. Meshchaninov, I. I. Verb. Moscow, 1982. 272 p. (In Russ.)
6. Russian grammar. Vol. 1. Moscow, 1980. 784 p. (In Russ.)
7. Savelyeva, L. V. Negative impersonal sentences in the history of the Russian language. Leningrad, 1988. 40 p. (In Russ.)
8. Savelyeva, L. V. History of the Russian language. Fundamentals of paleo Russian studies: Textbook. Moscow, 2019. 170 p. (In Russ.)
9. Tarlanov, Z. K. The formation of the typology of the Russian sentence in its relation to ethnophilosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
10. Tarlanov, Z. K. Anthropocentrism and asymmetry in the development of the typology of the Russian sentence. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. Серыя 1. 3 (5), Лістапад. Гродна, 2000. С. 41–42.* (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. The system of personal pronouns in the Eastern Lezgian languages. *Tarlanov Z. K. Selected works in linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 733–745. (In Russ.)
12. Tarlanov, Z. K. Trends in the dynamics of verbal moods in the Eastern Lezgian languages. *Tarlanov Z. K. Selected works in linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 762–777. (In Russ.)

Received: 22 August 2022; accepted: 31 March 2023

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИППОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета
Московский государственный областной университет (Мытищи, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6799-2065; little_lion06@mail.ru

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА ВАСИЛЕНКО

доцент кафедры иностранных языков 16
Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)
vasilenko-lyu@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ПОЛНОТЫ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

А н н о т а ц и я . Представлен опыт разработки методологии, позволяющей максимально объективно оценить полноту интерсемиотического перевода произведения художественной литературы в художественный фильм. Критерий полноты перевода, значимый в переводоведении в связи с переходом в иную семиотическую систему (кино), приобретает новые аспекты, не подлежащие простой аппликации из сферы достижений межъязыкового перевода. Полиmodalность кинотекста требует разработки собственных методик оценки качества интерсемиотического перевода и экспликации точек опоры (оцениваемых характеристик сопоставляемых текстов). В исследовании использованы общенаучные приемы количественного анализа, графической интерпретации данных, обобщения и абстрагирования, дескриптивный, компонентный и сопоставительный анализ. Представлена оценка полноты интерсемиотического перевода с опорой на объективные (исчисляемые в абсолютных и относительных единицах) результаты количественного анализа содержания литературного текста и кинотекста (в словарных единицах и процентах) и хронометраж озвученного оригинала и экранного кинотекста. Преобразование мономодального вербального текста в полиmodalный аудиовидеовербальный текст экранизации не допускает полного тождества с оригиналом из-за эксклюзии значительного объема (75 %) при незначительном замещении вербального содержания средствами киноязыка (25 % всего переданного содержания исходного текста). Проведенное исследование представляет убедительную аргументацию для внедрения понятий *эксклюзия* и *инклюзия* в теорию интерсемиотического перевода. Асимметрия средств передачи содержания (в оригинале – только вербально, в экранизации – полиmodalно) сопровождается трансформацией персонажного состава, изменением идиостилистики автора литературного текста и обусловлена экспансией новых участников в процесс коммуникации и усложнением коммуникативного кода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интерсемиотический перевод, трансформация, асимметрия языковых средств, экранизация, полиmodalность, кинотекст, трансмутация, эксклюзия, инклюзия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филиппова И. Н., Василенко Л. Ю. Методология оценки полноты интерсемиотического перевода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.909

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие различных видов искусства на современном этапе развития общества, культуры и технологий позволяет создавать полиmodalные произведения, для анализа которых трудно разработать адекватные методики анализа и оценки. Сам статус создаваемых текстов трансмутации [10: 12], [15] носит дискуссионный характер и вызывает полиномию в предметной терминологии: продук-

ты интерсемиотического перевода (тексты перевода – далее ПТ) обозначаются как креолизованные, полиmodalные, аудиовизуальные произведения [9]. Взаимосвязи экранизаций с оригиналами (источниками трансмутации, исходными текстами – далее ИТ) характеризуются как трансформации, преобразования, адаптации, сопряженные с диверсификацией содержания, ревербализацией смыслов ИТ средствами киноязыка [6: 18–21], [7], [8],

[13]. Неслучайно многие исследователи, описывая экранизацию, используют яркие метафоры:

«Film adaptations are caught up in the ongoing whirl of intertextual reference and transformation, of texts generating other texts in an endless process of recycling, transformation, and transmutation, with no clear point of origin» [19: 168].

«Экранизации попадают в растущий водоворот интертекстуальных ссылок и преобразований, создания новых текстов, вовлекаясь в бесконечный процесс переработки, трансформации и трансмутации, без четкой связи с оригиналом» (перевод наш, выделено нами. – И. Ф., Л. В.).

Идеи знаковости языка находят в оценках экранизации активное применение [5], [6], [16], [17].

«The appropriate parameter to assess an intersemiotic translation would be the carrying through of meaning from the source system to the new representation» [16: 7].

«Подходящим параметром для оценки интерсемиотического перевода мог бы служить перенос смысла из исходной системы в новое представление» (перевод наш. – И. Ф., Л. В.).

В отношении межъязыкового перевода требование / понятие / категория полноты имеет долгосрочную актуализацию в различных концепциях и моделях перевода¹ [10: 335–347], [11: 10], [12: 15]. Однако однозначности в отношении этого термина в рамках перевода – в его лингвистической парадигме – не удалось достичь² [3: 94–95]. Тезис, выдвинутый А. В. Федоровым, особенно значим в приложении к интерсемиотическому переводу (а не межъязыковому):

«Перевести – это значит выразить точно и *полно* (выделено нами. – И. Ф., Л. В.) средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» [12: 15].

Оценка полноты интерсемиотического перевода до настоящего момента не составляла самостоятельного предмета исследования, что весьма удивительно ввиду актуальности темы и востребованности анализа феномена полимодальности.

Цель настоящей статьи – аргументация разработанной авторской технологии, предназначенной для объективной оценки полноты интерсемиотического перевода. В научных статьях и монографиях высказываются тезисы о компрессии вербальной составляющей в полимодальных текстах за счет аудиовизуальных средств (видеоряда, музыки, фоновых шумов и т. п.) [1], [4], [5], [17: 400], однако они не получают полноценного подтверждения; объективные эмпирические данные расчета полноты передачи в интерсемиотическом переводе отсутствуют и, очевидно, тормозят дальнейшее развитие теории трансмутации.

Объектом служит полимодальный текст как феномен семиотического сплава вербальной и не-

вербальной информации, не имеющий четких критериев оценки и демонстрирующий «амбивалентность» реализации [18: 67].

Предмет исследования составляет полнота перевода – в аппликации к интерсемиотической передаче вербального текста и его трансформации в полимодальный. Взаимодействие новых средств репрезентации (акустических вербальных, музыкальных, иконических, пиктуальных и динамических изображений, видео) должно быть также исследовано в количественном отношении для верификации смены модусов ПТ при сохранении содержания ИТ.

Материал составляют два семиотических текста: вербальный – текст поэмы-сказки А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817–1820)³ и полимодальный – его экранное воплощение – одноименный фильм (1938)⁴. Текст поэмы-сказки – авторское литературное произведение в поэтической форме, активно использующее фольклорные мотивы и образы. Отстраняясь от литературоведческой оценки (которая не входит в задачи исследования), подчеркнем, что на момент создания оригинала ввиду ограниченных технических возможностей текст был мономодальным по самой своей идее, то есть был задуман и реализован как строго вербальное произведение.

Позднее аутентичное произведение А. С. Пушкина претерпело несколько опытов трансформации в полимодальные (посредством интерсемиотического переноса). Уже через год после выхода в свет поэмы-сказки – в 1821 году – в театре на Моховой был представлен первый опыт трансмутации: балет А. Глушковского «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» на музыку Ф. Е. Штольца, где имя автора поэмы не было указано. В 1825 году на сцене Большого театра состоялась премьера волшебной комедии в стихах «Финн» в трех частях с прологом А. А. Шаховского. В 1842 году – опера М. И. Глинки с либретто В. Ширкова, К. Бахтурина и М. Глинки с сохранением значительной части вербального содержания. Первый перенос на экран Пушкинского произведения состоялся в 1914 году, но продукт этого интерсемиотического перевода – немой черно-белый фильм П. Чардынина и В. Старевича – не сохранился.

Экранизация в 1938 году на «Мосфильме» была выполнена И. Никитченко, В. Неvejeиным по их сценарию в соавторстве с С. Болотиним. Интерсемиотический перенос осуществлен с помощью средств визуализации (видеоряд, титры) и аудиализации (музыка, фоновые шумы, звучащая речь). В новой форме кино поэма-сказка А. С. Пушкина (претерпев ряд трансформаций) стала полимодальным произведением.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Оценить полноту передачи оригинала средствами кино можно с опорой на различные показатели: сопоставляя объем моно- и полимодального текстов, длительность звучания, объем «перекодированной» информации.

Объем текста литературного оригинала представляем не в печатных листах; более адекватной – в целях настоящего исследования – считаем ориентацию на его статистический анализ в знаках (символах), который репрезентирован 11857 словами (по статистике документа word). Из этого текстового массива в кинотексте задействованы только 2364 слова. В редуцированный объем включены реплики персонажей, авторские ремарки (закадрово озвученные диктором), титры и сегменты содержания, репрезентированные невербально – с помощью изобразительных средств кино или средств языка перевода (полимодального языка кино – далее ПЯ, содержащего вербальные, визуальные и аудиальные компоненты). Собственно, вербальная составляющая представлена как совокупность экранной речи в письменной форме (титры) и в устной форме (закадровое озвучивание) и (относительно первоисточника сказки) количественно ограничена еще жестче, так как реализована только 860 словами. В соответствии с традицией лингвистического переводоведения используем принятую терминологию. Исходным текстом служит оригинал А. С. Пушкина, кинотекст – продукт перевода, языком перевода признаем «язык кино» – вербальные и невербальные средства репрезентации содержания ИТ (в аудио- и видеоформате). Сегменты ИТ, в полном объеме транслируемые в экранизации, считаем результатом эквивалентной передачи.

Таблица 1. Количественный анализ полноты передачи (абсолютные единицы)

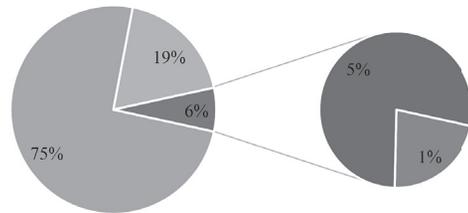
Table 1. Quantitative analysis of transmission completeness (absolute units)

Нулевая передача ИТ	Эквивалентная передача ИТ средствами ПЯ		
	вербальные средства ПТ		невербальные средства ПТ
	титры	звучащая речь	видео
9493	189	671	2364

Сопоставление ИТ и ПТ на основе количественного анализа представлено иллюстративно в виде диаграммы (рис. 1) в относительных единицах, где за 100 % принят полный объем ИТ (11857 слов).

Ввиду масштабности переданного в ПТ содержания ИТ (75 %) необходимо провести оценку тех сегментов, которые подвергаются редукции. Терминологический вопрос о номинации содер-

жания ИТ, утраченного при переходе семиотической границы, несомненно важен и требует своего решения. Использование термина *компрессия* считаем неприемлемым, так как в ПТ отсутствуют не только второстепенные, факультативные, периферийные сегменты содержания (восстановимые из вербального или ситуативного контекста), но и целые сюжетные линии поэмы-сказки. Ввиду многочисленности и взаимной нетождественности терминов, обозначающих разного рода изъятия и упрощения, и их тесной связи с лингвистическим переводоведением⁵ [2], [14: 51–56] и классической теорией языка предлагаем внедрить в терминопараметр понятие *экслюзия*, которое рекомендуем для использования в отношении изъятий в интерсемиотическом переводе (что позволяет избежать терминологической путаницы).

■ нулевая передача ИТ ■ невербальная передача ИТ ■ титры ■ звучащая речь

Рис. 1. Количественный анализ полноты передачи (относительные единицы)

Figure 1. Quantitative analysis of transmission completeness (relative units)

В исследуемом фактическом материале экслюзия захватывает разные аспекты ИТ. Утраченными в ПТ оказываются один из соперников Руслана, татарский князь Ратмир, значительный объем персонажной речи (отдельные реплики Людмилы, Руслана, князя Владимира, вычеркнутого из ПТ Ратмира, Фарлафа, старика-колдуна, диалог Наины и Фарлафа, диалог Наины и Черномора, рассказ головы), не передаются рассказ финна-колдуна (о его любви к Наине). Экслюзии подчинены авторские ремарки, формы диалога автора с читателем, которые составляют одну из ярких черт поэтического идиостиля А. С. Пушкина. Количественный анализ потерь в экранизации поэмы-сказки представлен в табл. 2 (в абсолютных значениях) и на рис. 2 (в относительных величинах, где за 100 % принят полный объем подвергнутого экслюзии содержания ИТ – 9493 единицы).

Таблица 2. Количественный анализ экслюзии (абсолютные единицы)

Table 2. Quantitative analysis of exclusion (absolute units)

Персонажная речь	Авторские ремарки	Диалог с читателем
2078	6126	1289

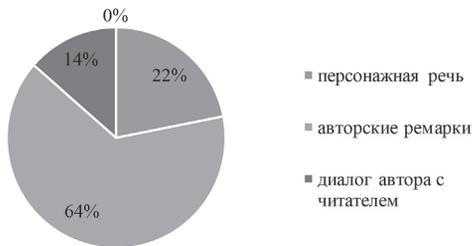

Рис. 2. Количественный анализ эксклюзии (относительные единицы)

Figure 2. Quantitative analysis of exclusion (relative units)

Длительность озвучивания текста носит более субъективный характер. В отношении ИТ этот параметр несколько вариативен: в озвучивании разных чтцов длительность может демонстрировать некоторые (незначительные) колебания. Дикторское чтение оригинального текста в полном объеме сказки, запись которого размещена в Библиотеке художественной литературы для детей и взрослых на сайте портала «Азбука веры»⁶, занимает 76 мин. Аудиокнига, воспроизводящая озвучивание сказки А. Клюквиним⁷, длится 2 ч 18 мин (или 138 мин), в исполнении П. Беседина⁸ – 2 ч 19 мин (или 139 мин), в исполнении А. Теренкова – 2 ч 34 мин (или 154 мин)⁹. Декламация полного ИТ О. Табаковым¹⁰ по временному параметру превосходит предшествующие варианты озвучивания – 2 ч 49 мин (или 169 мин). Максимальная продолжительность озвучивания (неуказанным диктором-женщиной с намеренным замедлением речи, иллюстрирующим речевую манеру сказителя)¹¹ составляет 3 ч 2 мин (или 182 мин). Отметим, что во всех случаях сказки не содержат отдельных периодов невербального аудиоматериала. Считаем уместным в связи с вариативностью длительности сказки в озвучивании дикторами исчислить показатель темпоральной характеристики ИТ как среднеарифметическое значение всех выявленных периодов чтения. При таком подходе хронометраж ИТ составляет 143 мин.

Продолжительность экранного времени фильма составляет 50 мин. Следует также учесть, что в фильме представлены немые сцены, лишённые вербальной составляющей, но иными средствами (видеорядом, аудиосопровождением) транслирующие содержание ИТ, в связи с этим принимаем за основу сопоставительного анализа полный хронометраж фильма.

Из сопоставления темпоральных характеристик ИТ (в дикторском озвучивании) и ПТ (в киноверсии) становится очевидной редукция части содержания. При соотношении 143 мин ИТ и 50 мин ПТ редукция охватывает примерно 2/3 (или 75 %) содержания ИТ. Однако следует принять во внимание и аспект полимодальности ПТ, в результате чего часть вербального содержа-

ния ИТ может передаваться более емкими средствами визуального и акустического отражения. Для выяснения этого аспекта проблематики полноты при трансмутационном переносе обратимся к анализу эмпирического материала в ином ключе. Представляется значимым оценить степень полимодальности передаваемого в ПТ содержания. Для этого произведены подсчеты объема информации ИТ (в словах), которая в ПТ транслируется мономодально и полимодально.

Режим монопередачи охватывает 1766 единиц (табл. 3). В их составе только вербальный модус, реализованный титрами (182 единицы) и дикторским закадровым чтением (671 единица), и только визуальный модус (906 единиц – в вербальном соответствии). Полимодальный режим воплощен мультиплицированной передачей: кратной репрезентацией информации в одном титре с видеорядом (7 вербальных единиц), а также дикторским озвучиванием и визуальными средствами (591 вербальная единица ИТ).

Таблица 3. Количественный анализ модусов передачи (абсолютные единицы)

Table 3. Quantitative analysis of transmission modes (absolute units)

Мономодальная передача			Полимодальная передача	
только вербальная передача		только визуальная передача	видео + титр	видео + речь диктора
титры	речь диктора			
189	671	906	7	591

Сопоставление продуктивности модусов, задействованных в передаче содержания ИТ, на основе количественного анализа представлено иллюстративно в виде диаграммы (рис. 3) – в относительных единицах, где за 100 % принят объем переданного содержания (2364 слова).

Рис. 3. Количественный анализ модусов передачи (относительные единицы)

Figure 3. Quantitative analysis of transmission modes (relative units)

Необходимо отметить, что в ПТ представлены некоторые частные отступления от ИТ в отношении передаваемого содержания. Так, в экранном воплощении сказки в саду Черномора появляются лебеди и качели как атрибуты роскоши, демон-

стрируются иные наряды Людмилы, внедряются иные символы (вороны, слетающие со спящей головы при приближении Руслана) и пр. Наиболее яркой инклюзией служит бой Руслана с драконом, который в ИТ отсутствует, то есть представляет собой творческую экспансию создателей фильма в авторское произведение.

В связи с выявленными фактами внедрения в ПТ новых содержательных сегментов, символов, сцен (отсутствующих в ИТ) необходимо пополнение терминологии переводоведения (в интерсемиотическом аспекте) новой единицей *инклюзия*, по своему семантическому наполнению дихотомически конфронтируемой с ранее представленным термином *эксклюзия*. Необходимость предлагаемых терминов обусловлена асимметрией объема ИТ и ПТ (как факторами интерсемиотического перевода), необходимостью развития собственной терминологической базы интерсемиотики перевода (в контрасте с лингвистическим переводоведением межъязыковой передачи), взаимной дифференциацией внедряемых терминологических единиц, попыткой снятия синкретизма в области терминологии переводоведения.

ВЫВОДЫ

В результате интерсемиотического перевода мономодальный вербальный ИТ преобразуется в полимодальный аудиовидеовербальный ПТ, не имеющий полного тождества с оригиналом. Представленное исследование может быть концентрированно изложено в обобщении результатов количественного анализа и позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В анализируемой эмпирической базе выявлены эксклюзия значительного объема ИТ (75 %), эквивалентная передача вербальными средствами (6 %) и замещение части содержания ИТ средствами ПЯ (19 %).

2. Переданное содержание ИТ транслируется в ПТ различными средствами: полимодально (аудиовидеовербально) представлено только 25 %, на долю мономодальной передачи (соответственно вербальной и аудиовизуальной) приходится 37 % и 38 %.

Переработка полученных данных и теоретическое осмысление (синтез и абстрагирование) служат убедительным основанием для несколько неожиданных заключений:

1. Оценка полноты передачи вербального текста полимодальными средствами в ходе ин-

терсемиотического перевода может быть проведена с использованием объективных данных количественного анализа, которые служат базой получения относительных показателей. Хронометраж может быть использован как вспомогательный прием, так как он сопряжен с индивидуальной дикторской манерой озвучания ИТ, то есть имеет ограничения субъективного порядка. Интеграция объективного практического метода и логических приемов обобщения и абстрагирования позволяет добиться надежных и достоверных результатов исследования, верифицируемых вспомогательной хронометрической оценкой звучащих ИТ и ПТ.

2. Традиционное понимание изъятия части содержания ИТ в связи с переходом в иную семиотическую систему опровергается низкими показателями полимодальных средств ПЯ при высоких показателях эксклюзии, затрагивающих разные аспекты содержания ИТ.

3. Асимметрия средств передачи смысла (в ИТ – только вербально, в ПТ – полимодально) сопрягается с трансформацией персонажного состава и изменением (упрощением) идиостилистики автора ИТ.

4. Корреляция эксклюзии с интерсемиотическим переносом не отвергает частных трансформаций и инклюзии в связи с экспансией новых участников в процесс коммуникации (как субъективного фактора), удлинением коммуникативной цепочки и усложнением коммуникативного кода (как объективных факторов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование является попыткой решения частной задачи в широкой проблематике интерсемиотического перевода. Его новизна и результативность определены разработкой и апробацией авторской методики, позволяющей реализовать оценку полноты передачи произведения художественной литературы средствами языка кино в результате экранизации, а также пополнением терминологического аппарата переводоведения (в его интерсемиотической модели). Дальнейшая перспектива изысканий в области полноты интерсемиотического перевода видится в расширении эмпирической базы (включении иных опытов трансмутации – трансформаций художественной литературы в оперу, спектакль, анимационное кино) и сопоставлении межъязыкового перевода с интерсемиотическим (по используемым стратегиям, трансформациям, степени адекватности).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. С. 187–209.

² Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 15.

³ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Сочинения: В 3 т. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худ. лит., 1985. Т. 1. 735 с.

⁴ Руслан и Людмила (1938) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/rueXZ8MXYvA> (дата обращения 10.03.2022).

⁵ Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 85–86, 119, 234.

- ⁶ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Азбука веры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/ruslan-i-ljudmila-pushkin/> (дата обращения 10.03.2022).
- ⁷ Пушкин А. С. Руслан и Людмила: Аудиокнига. Читает Александр Клюквин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/2o2tFvCBt0M> (дата обращения 10.03.2022).
- ⁸ Руслан и Людмила: Сказка. Александр Пушкин. Русская поэзия. Читает Павел Беседин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/1GDkRuahkas> (дата обращения 10.03.2022).
- ⁹ Пушкин А. С. Руслан и Людмила: Аудиокнига [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=b7aFPnFcQzE> (дата обращения 10.03.2022).
- ¹⁰ Пушкин А. С. Руслан и Людмила (аудиокнига). Читает Олег Табаков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ok.ru/video/1705877506724> (дата обращения 10.03.2022).
- ¹¹ Руслан и Людмила: Аудиокнига [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/yB19PyRUGD4> (дата обращения 10.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беседин А. С. Технология интерсемиотического и интраязыкового перевода: от романа к кинотексту // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 4. С. 215–221.
- Вековищева С. Н. «Нулевой» перевод реалий (по романам С. Шелдона) // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2018. С. 11–18.
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского университета. Книга I. 2005–2010 г. М.: МГУ, 2010. С. 83–98.
- Карапетян М. В. Методологические основы интерсемиотического перевода // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 263–267.
- Леонтович О. А. Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики) // Наука телевидения. 2010. Т. 7. С. 144–157.
- Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти раамат, 1973. 92 с.
- Лысенкова Е. Л., Чайковский Р. Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 147–156.
- Максименко О. И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 111–116.
- Максименко О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 204 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
- Филиппова И. Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 204–211.
- Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Je ha J. Intersemiotic translation: The Peircean basis [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110820065-135/html> (дата обращения 01.02.2022).
- Leontovich O. A. "A sensible image of the infinite": Intersemiotic translation of Russian classics for foreign audiences // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23, № 2. P. 399–414.
- Naremore J. Film adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. 258 p.
- Wu E. Ch. Intersemiotic translation and film adaptation // Providence Forum, Language and Humanities. 2014. Vol. VIII, № 1. P. 149–182.

Поступила в редакцию 16.03.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Irina N. Filippova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Moscow State Regional University (Mytishchi, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-6799-2065; little_lion06@mail.ru

Lyubov Yu. Vasilenko, Associate Professor, Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

vasilenko-lyu@mail.ru

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE COMPLETENESS OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION

Abstract. The article presents the experience of developing a methodology that allows us to assess the completeness of the intersemiotic translation of a work of fiction into a feature film as objectively as possible. The criterion of

completeness of translation, which is important in translation studies in connection with the transition to a different semiotic system (cinema), acquires new aspects that are not subject to simple application from the sphere of interlanguage translation achievements. The polymodality of the film text requires the development of special methods for assessing the quality of intersemiotic translation and explication of support points (estimated characteristics of the compared texts). The authors use general scientific methods of quantitative analysis, graphical interpretation of data, generalization and abstraction, and linguistic descriptive, component and comparative analysis. The article presents an assessment of the completeness of intersemiotic translation based on objective (calculated in absolute and relative units) results of quantitative analysis of the content of source text and target text (in dictionary units and percentages) and timing of voiced source text and screen target text. The transformation of a monomodal verbal text into a polymodal audiovisual-verbal film text does not allow to achieve complete identity with the original due to the exclusion of a significant amount of source text (75 %) with a minor substitution of verbal content by means of the cinematic language (25 % of the total transmitted source text content). The conducted research provides a convincing argument for the introduction of the concepts of exclusion and inclusion into the theory of intersemiotic translation. The asymmetry of the means of transmitting content (in source text – only verbally, in target cinematic text – polymodally) is accompanied by a transformation of the character composition, a change in the idiostyle of the source text author and is due to the expansion of new participants into the communication process and the sophistication of the communicative code.

Keywords: intersemiotic translation, transformation, asymmetry of language means, film adaptation, polymodality, cinematic text, transmutation, exclusion, inclusion

For citation: Filippova, I. N., Vasilenko, L. Yu. Methodology for assessing the completeness of intersemiotic translation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.909

REFERENCES

1. Besedin, A. S. Intrasemiotic and intralingual translation technologies: from novel to film text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2017;16(4):215–221. (In Russ.)
2. Vekovishcheva, S. N. Omission of culture-specific words in translation (on the example of S. Sheldon's novels). *Translation and cognitology in the XXI Century*. Moscow, 2018. P. 11–18. (In Russ.)
3. Garbovsky, N. K. Translation theory. XXI century: from empiricism to rationalism *Proceedings of the Higher School (Faculty) of Translation of Moscow University*. Book I. 2005–2010. Moscow, 2010. P. 83–98. (In Russ.)
4. Karapetyan, M. V. Fundamentals of intersemiotic translation. *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*. 2015;32:263–267. (In Russ.)
5. Leontovich, O. A. Problems of intersemiotic translation (based on foreign adaptations of Russian classics). *The Art and Science of Television*. 2010;7:144–157. (In Russ.)
6. Lotman, Yu. M. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. Tallin, 1973. 92 p. (In Russ.)
7. Lysenkova, E. L., Chaikovsky, R. R. Literary translation in the context of time & space. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2012;2(18):147–156. (In Russ.)
8. Maksimenko, O. I. Bells letters adaptation: from novel to comics. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2016;2:111–116. (In Russ.)
9. Maksimenko, O. I. Polycode vs. creolized text: terminology problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2012;2:93–102. (In Russ.)
10. Nelyubin, L. L., Khukhuni, G. T. The science of translation (history and theory from ancient times to the present day). Moscow, 2006. 416 p. (In Russ.)
11. Retsker, Ya. I. Translation theory and translation practice. Moscow, 2007. 204 p. (In Russ.)
12. Fedorov, A. V. Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems). Moscow, 2002. 416 p. (In Russ.)
13. Filippova, I. N. Intersemiotic translation: film adaptation as a transformation of the author's text in the multicultural aspect. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2019;1(32):204–211. (In Russ.)
14. Chaikovsky, R. R. Realities of poetic translation. Magadan, 1997. 197 p. (In Russ.)
15. Jakobson, R. Linguistic aspects of translation. *Translation issues in foreign linguistics*. Moscow, 1978. P. 16–24. (In Russ.)
16. Jaha, J. Intersemiotic translation: The Peircean basis. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110820065-135/html> (accessed 01.02.2022).
17. Leontovich, O. A. "A sensible image of the infinite": Intersemiotic translation of Russian classics for foreign audiences. *Russian Journal of Linguistics*. 2019;23(2):399–414.
18. Naremore, J. Film adaptation. New Brunswick, 2000. 258 p.
19. Wu, E. Ch. Intersemiotic translation and film adaptation. *Providence Forum, Language and Humanities*. 2014;VIII(1):149–182.

Received: 16 March 2022; accepted: 31 March 2023

КАМИЛЛА ГИЛЬФАНОВНА АГЛИУЛЛИНА

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)
1042200116@pfur.ru

ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА МАКАШОВА

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4265-0613; Viktoria_m27@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

А н н о т а ц и я . Представлены основные подходы к определению концепта как центрального термина понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Авторы придерживаются понимания концепта как носителя культурного смысла, единицы сознания писателя, вербализованной в тексте произведения. Материалом исследования послужил роман-эпопея английского писателя Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Новизна исследования состоит в том, что анализ концепта «любовь» в индивидуальной картине мира Дж. Р. Р. Толкина проведен впервые. Исследование показало, что рассматриваемый концепт оказывается культурно маркированным вследствие принадлежности автора к английской лингвокультуре. Установлено, что в текстовом пространстве романа-эпопеи любовь выступает в различных проявлениях: в форме романтической, патриотической, товарищеской, внутрисемейной христианской любви. Понятийный компонент концепта «любовь» рассматривается в этимологическом аспекте: от исходной номинации к современной на основе данных авторитетных англоязычных словарей. Образный компонент концепта «любовь» эксплицируется при описании любовных чувств, испытываемых персонажами, а также их субъективных представлений о предмете своей любви. Ценностный компонент концепта «любовь» обнаружен при изучении оппозиций «любовь – ненависть», «любовь – деньги», «любовь – отчаяние» и др., представленных в романе. Выявлено, что концепт «любовь» также тесно связан с понятиями надежды, чести и красоты. Приведен богатый иллюстративный материал, репрезентирующий национально-культурную специфику рассматриваемого концепта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : концепт, любовь, Дж. Р. Р. Толкин, «Властелин колец», лингвокультурологический подход, национально-культурная маркированность, картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Аглиуллина К. Г., Макашова В. В. Концепт «любовь» в романе-эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.910

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика – это отрасль когнитивной науки, исследующая проблему соотношения языка (языковой структуры) и мышления (внеязыковых реалий). Исходным постулатом когнитивной лингвистики выступает положение о непосредственном соответствии операций мышления в сфере механизма языковых операций. Следовательно, когнитивная лингвистика отводит особое значение естественным языкам как репрезентантам мыслительных процессов –

процессов концептуализации и категоризации действительности. В настоящее время когнитивная лингвистика получает активное развитие, что обусловлено ее относительно недавним временем возникновения (вторая половина XX века), а также взаимосвязью с динамично изменяющимися областями современной науки (нейролингвистикой, компьютерной лингвистикой и др.). В наши дни ключевой проблемной зоной когнитивной лингвистики является исследование концепта как материальной – вер-

бальной или невербальной – сущности, которая принимает участие в семиозисе культуры. Понимание концепта как культурно-маркированного мысленного образования получает отклик в работах Ю. С. Степанова¹, В. Н. Телии [17], В. И. Карасика [5], Г. Г. Слышкина [15], С. Г. Воркачева [3], [4], Н. Ф. Алефиренко [1], Т. Б. Радбиля [13], В. В. Красных [8], М. В. Пименовой [11], М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова² и др.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В НАУЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Концепт «любовь» является универсальным структурным элементом концептосферы существующих национальных языков. С. Г. Воркачев называет данный концепт *телеономным*, «образующим и воплощающим для человека нравственный идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть» [3].

Проанализировав исследования по заявленной проблематике, мы пришли к выводу, что концепт «любовь» изучают исключительно в рамках лингвокультурологии. В зависимости от объектно-предметной области и цели исследования можно выделить несколько современных направлений лингвокультурологических изысканий, концентрирующихся вокруг концепта «любовь»: определение ценностно-смыслового содержания концепта «любовь» в отдельном национальном языке; изучение концепта «любовь» в сопоставительном аспекте.

Выявлению национально-культурной специфики концепта «любовь» в русском языке посвящены работы Т. Н. Даньковой³, М. Ю. Покручиной [12], И. А. Ковыневой и Н. Э. Петровой [7], М. Ч. Кремшокаловой, Т. А. Чепраковой и И. Р. Шибзуховой [9], Н. А. Мулатовой [10]. В диссертационном исследовании Т. Н. Даньковой обосновано сложное устройство концепта «любовь» в поэзии А. А. Ахматовой. Автор отмечает, что в поэтической картине мира Ахматовой концепт «любовь» основан на общекультурных представлениях: в его состав входят не только авторские образы, но и фольклорные, мифологические, религиозные. Н. А. Мулатова констатирует переход русского лингвосообщества от сотериологического типа культуры к эвдемоническому. Автор подчеркивает, что первоначально русское осмысление любви определялось сотериологической системой координат. Впоследствии мировоззренческая структура русского сознания «вобрала в себя огромное количество эвдемонических элементов», которые сегодня укрепляются в русском мировосприятии [10: 248]. М. Ю. Покручина ставит целью своего исследования вскрыть

лингвокультурологическую специфику концепта «любовь» на материале прозаических текстов Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, И. А. Бунина. Автор заключает, что проза Тургенева содержит главным образом универсальные смыслы концепта «любовь», тогда как в прозаических текстах Лескова и Бунина широко представлены индивидуально-авторские интерпретации данного концепта [12: 105]. В работе И. А. Ковыневой, Н. Э. Петровой предпринимается попытка описать концепты «любовь» и «ненависть» на материале поэтических текстов М. Цветаевой. С точки зрения лингвистов, ключевыми смыслами концепта «любовь» выступают любовь-страсть и любовь-трагедия [7: 263]. В рамках аксиологической лингвистики М. Ч. Кремшокалова, Т. А. Чепракова, И. Р. Шибзухова [9] определяют центральные кодовые репрезентанты концепта «любовь» в русской паремиологической картине мира. Авторы классифицируют русские пословицы и поговорки в соответствии с типом репрезентируемого культурного кода (меронимического, эмотивного, флористического, хронометрического и др.). Следует отметить, что проведены отдельные исследования концепта «любовь» с целью выявления его специфики в национально-культурном пространстве иностранных языков. В частности, А. В. Керова [6] рассматривает трансформацию концепта «любовь» в английской поэзии XVII–XVIII веков. Т. Я. Яковец [18] указывает на когнитивные свойства концепта «любовь» в единицах французского паремиального фонда (легкомысленность чувства любви; любовь приносит радости и огорчения; любовь – вечное чувство и др.). Сопоставительное изучение концепта «любовь» представлено в работах М. Ю. Романюк [14], А. В. Яськовой [19], В. Г. Субича и М. А. Смирновой [16], Ш. Ашурова и М. Мирзакуловой [2]. В монографии М. Ю. Романюк [14] проведен анализ паремий английского, немецкого и русского языков. Лингвист формулирует национальные особенности содержания концепта «любовь» в английской, немецкой и русской лингвокультуре. Так, значительное число английских пословиц и поговорок эксплицируют материально-деятельностную сторону любви. В немецких паремиях подчеркивается субъектный характер любви. Для представителей русской лингвокультуры характерно осмысление любви в категориях наслаждения и страдания: русский человек способен сносить физическое и эмоциональное насилие от близкого человека. На материале английских и немецких фразеологических конструкций В. Г. Субич, М. А. Смирнова [16] подвергают

научному рассмотрению стереотипные представления о любви представителей англоязычной и немецкоязычной культур. Исследователи приходят к выводу о том, что любовь «по-английски» есть чувство, не имеющее логического обоснования, в то время как любовь «по-немецки» всегда рациональна. Внимание А. В. Яськовой сосредоточено на исследовании русских и китайских пословиц, выражающих концепт «любовь». Обнаружено, что в русской системе морально-культурных ценностей прежде всего зафиксирована любовь к членам семьи. В китайском же ценностном фонде первостепенное значение имеет любовь, которая возникает между мужчиной и женщиной [19: 243]. Предметом изучения Ш. Ашурова, М. Мирзакуловой выступает концепт «любовь» в английской и узбекской пословичной картинах мира. Исследователи указывают на различия в восприятии чувства любви представителями английской и узбекской лингвокультуры. В частности, английские пословицы отражают идею о безрассудной любви, которая приносит человеку страдание. Узбекские же пословицы определяют любовь как дар Божий, согревающий и оживляющий душу [2: 81].

Обзор современной лингвистической литературы свидетельствует об отсутствии научных работ, посвященных изучению концепта «любовь» в произведениях Дж. Р. Р. Толкина, что определяет научную новизну проводимого исследования.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Как известно, основные культурные ценности народа сохраняются посредством их передачи из поколения в поколение в форме легенд, былин, песен. Ключевым дифференциальным признаком литературы жанра фэнтези является ее тесное переплетение на разных уровнях текста с подобными культурно нагруженными произведениями, в результате чего готовое произведение апеллирует к культурной памяти читателя, заставляя его воспринимать и анализировать текст на более глубоком уровне понимания.

Одним из базовых концептов английской лингвокультуры является *любовь (love)*. Романтическая любовь – культурный феномен, который подробно рассматривался такими западными учеными, как Э. Хэтфилд [22], Р. Левин [26], Р. Гудвин [21], Д. Лэндис [25] в рамках различных наук: антропологии, социологии, психологии, коммуникативистики и лингвокультурологии. Интерес представляет исследование У. Р. Янковьяка и Э. Фишера, в котором представлен

компаративный анализ проявлений и функционирования романтической любви в 166 культурах мира. Исследование показало, что только в 19 из изученных культур не было никаких признаков существования романтической любви, и подчеркнуло, насколько универсальным эмоциональным феноменом является любовь для большинства культур мира [23: 150].

Этимологически слово *love* восходит к староанглийскому слову *lufu*, обозначающему «чувство любви; романтическую сексуальную привлекательность; привязанность; дружественность; любовь Бога; Любовь как абстракцию или олицетворение». Примерно в XIII веке добавляется значение «возлюбленный»⁴. Будучи германского происхождения, *lufu*, в свою очередь, представляет индоевропейский корень, реализованный также в санскрите (*lubhyati*), латинском (*libet, libido*), русском (*любовь*), боснийском (*ljubav*), голландском (*liefde*), македонском (*љубов*), немецком (*liebe*), сербском (*љубав*), словенском (*ljubezen*), хорватском (*ljubav*) и других языках. Такое единодушие в выборе лексемы для обозначения этого эмоционально-духовного явления подчеркивает схожесть взглядов разных культур мира. Стоит обратить внимание на то, что один из самых романтических женских образов в произведениях Толкина носит имя *Lúthien* (ср. *lufian* – староанглийский глагол ‘любить, лелеять’, *luthiend* – ‘возлюбленный, возлюбленная’), хотя, согласно разъяснениям автора, переводить это имя следует иначе, с учетом созданных им языков. В любом случае, такое явное созвучие позволяет предположить, что это случай обращения к подсознательному восприятию текста читателем-носителем языка на глубоких уровнях понимания.

Мы находим следующие значения слова *love* в Оксфордском словаре на сегодняшний день:

1. *A very strong feeling of liking and caring for somebody / something, especially a member of your family or a friend;*
2. *A strong feeling of romantic attraction for somebody;*
3. *The strong feeling of pleasure that something gives you;*
4. *A person, a thing or an activity that you like very much;*
5. *A word used as a friendly way of addressing somebody;*
6. *A score of zero (points or games)*⁵.

Последнее из перечисленных значений является переносным, и мы считаем нецелесообразным принимать его во внимание в рамках изучения реализации концепта в рассматриваемой художественной литературе. Кроме того, слово *love* в английском языке может быть глаголом, и в таком случае имеет следующие значения:

1. *To have very strong feelings of liking and caring for somebody;*
2. *To like or enjoy something very much.*

Таким образом, мы должны принять во внимание, что определение слова *love* в английском языке достаточно обширно и неоднозначно; будучи обозначением целого ряда оттенков человеческой привязанности к одушевленным и неодушевленным объектам, любовь является глубоко философским понятием и не может быть ограничена ни объектом, ни интенсивностью проявления. Она является не только романтическим или эротическим чувством. Напротив, любовь может быть дружеской; наравне с верой и надеждой христианской – к ближнему своему или к врагу; любовь может быть патриотической – к родине и земле; платонической – что ярко реализовано в европейской средневековой литературе в романтических произведениях о рыцарях и их Прекрасных дамах. Практически все вышеперечисленные случаи встречаются в романах Дж. Р. Р. Толкина. И, конечно, все эти виды любви как абсолютно светлого чувства тесно переплетаются между собой; герой не обязан испытывать светлые чувства лишь к одному объекту. Напротив, мир полон любви, и герой не может не любить и товарища, и командира, и Родину.

Эмпирический материал исследования составляют 152 текстовых фрагмента, отобранных методом сплошной выборки, которые содержат в себе прямое использование слова *love* в форме существительного, глагола либо в составе сложных слов и фразеологизмов.

В качестве глагола рассматриваемая лексема в неизменном виде встречается в романе 82 раза (54 % случаев употребления), в качестве существительного – 34 раза (22 %), в остальных случаях она входит в состав более сложных слов, в том числе в виде прилагательных, наречий и других частей речи (*lover, loveliness, unlovely, beloved, loved, lovely, much-loved*). Встречаются несколько несложных фразеологических оборотов (*to fall in love with, to be in love, to be filled with love, a bond of love, for love or money*), этикетные конструкции (хоббит Бильбо подписывает свое письмо к родственнице «*with love from Bilbo*»⁶) и прямые обращения («*Give us that, Deagol, my love,*» *said Smeagol, over his friend's shoulder*» (53)).

Номинация *love*, занимающая в концепте ядерную позицию, употребляется в интересующем нас произведении преимущественно в значении 'сильное чувство привязанности, верности и заботы'. Периферийную часть концепта занимают сопряженные лексемы, усиливающие, дополняющие или частично заменяющие номинацию *love*: *dearly, truly, fair, understanding, beautiful, beauty, heart, kiss, care, go hand in hand, wed*.

Персонажи, к которым испытывают чувство любви, описываются в романах как

«fearless and high-hearted», «tall and fair», «golden-haired, bright-eyed, and strong», «Hard as di'monds, soft as moonlight», «Warm as sunlight», «brave», «lovely and sorrowful», «high and puissant», «admirable», «white arms and clear face».

Следовательно, можно сделать вывод о том, что в романе Толкина человек, достойный любви, должен быть смелым и сильным, высоким и красивым, должен вызывать ассоциации со светом и чистотой. Красота в понимании Толкина очень часто ассоциируется со светом, особенно звездным: «*As the stars above the mists of the Northern lands was her loveliness, and in her face was a shining light*» (193), «*light of stars was in her hair*» (191). Образный компонент концепта *love* реализуется через многочисленные эпитеты, используемые применительно к персонажам, состоящим в различных любовных отношениях.

В текстах романа в действие вступают такие оппозиции, как «*love – hate*», «*love – money*», «*love – sorrow*», «*love – grief*», «*love – despair*», «*love – pride*». Употребление номинации *love* в таком контрастном положении подчеркивает взаимосвязь вышеперечисленных оппозиций как культурно-нравственных явлений в английской лингвокультуре; любовь – сильное чувство, способное преодолеть все невзгоды и стать сильнее: «*though in all lands love is now mingled with grief, it grows perhaps the greater*» (349). Ценностный компонент концепта здесь реализован путем имплицитного противопоставления положительно и отрицательно воспринимаемых номинаций.

Основным мотивом любви в романах является романтическая любовь – отношения между мужчиной и женщиной. Такая любовь непременно сочетается с жертвенностью, борьбой и печалью, но, несмотря на все невзгоды, эта любовь – высшая ценность. Любовь, которая преодолевает все преграды, – основной мотив романтической любви в романах Толкина. Ее всегда сопровождает надежда: «*Either our hope cometh, or all hope's end*» (775), «*If these two wed now, hope may be born for our people*» (1057). Лишенный короны наследник Гондора Арагорн влюблен в эльфийскую принцессу Арвен. Он – человек, и он смертен, эльфы же во вселенной Толкина остаются вечно молодыми. Отец Арвен убеждает ее в невозможности такой любви, однако принцесса уверена, что ее судьба переплетена с судьбой возлюбленного. После отчаянной борьбы с силами тьмы и многочисленных горьких по-

ть Арагорн становится королем Гондора. Враг повержен, мир восстановлен, и Арвен, отказавшись от бессмертия, становится женой Арагорна. Они проживают долгую и счастливую жизнь, и после его смерти Арвен добровольно уходит из жизни вслед за ним. Английский литературовед Н. Энрайт видит аналогию жертвенной любви Арвен (в ее случае – к определенному человеку) с образом Христа [20: 102].

В понимании Толкина, романтическая любовь возможна исключительно между мужчиной и женщиной. Вкладывая в свои произведения наиболее важные духовные ценности с точки зрения англичанина, он разделяет взгляд классической литературы на отношения между полами. Любовь возможна и между персонажами одного пола, но – какая угодно иная: любовь слуги к господину, сыновняя или братская, дружеская и товарищеская. С этой точки зрения произведениям Толкина приходится сталкиваться со значительным количеством критики в условиях современного общества, и некоторые современные ученые и деятели поп-культуры пытаются переосмыслить его романы в поисках новых смыслов и трактовок, однако в большинстве случаев такие теории оказываются несостоятельными при более тщательном изучении взглядов автора и его собственных комментариев к произведениям.

Одной из наиболее ярко проявляющихся в произведениях Толкина является любовь патриотическая – к Родине, к земле, к своей истории и своему быту. Описывая хоббитов в целом в прологе романа, Толкин замечает: «*they love peace and quiet and good tilled earth*» (1) и добавляет: «*They were lovers of trees and woodlands*» (3). Переселяясь в новые края в поисках лучшей жизни, народ хоббитов останавливается лишь на той земле, в которую влюбляется: «*Hobbits fell in love with their new land, and they remained there*» (4), «*they loved the River*» (52). Бильбо рассказывает волшебнику Гэндальфу о своем племяннике Фродо: «*...he is still in love with the Shire, with woods and fields and little rivers...*» (33). Позднее Фродо подтверждает его слова: «*I love the Shire*» (41), и, оказавшись вдали от дома, вспоминает «*quiet and beloved Shire*» (188). Эльфы, еще один добрый народ во вселенной Толкина, разделяют эту любовь: «*The love of the Elves for their land and their works is deeper than the deeps of the Sea*» (365). В этом высказывании любовь обретает такой признак, как глубина, и сравнивается с морем. Любовь к земле логически продолжается в любви ко всему живому и цветущему – растениям и животным: хоббиты любят и уважают своих

оседланных компаньонов «*the ponies: sturdy little beasts of the kind loved by hobbits*» (109). «*They love their horses next to their kin*», – говорит Боромир о любви к лошадям воинов Рохана (286).

В XII–XV веках английская литература, отражая перемены в общественном сознании, постепенно становится менее сосредоточенной на религиозных мотивах и переключается на описание куртуазной любви [24: 8]. Приблизительно с этого периода романтические чувства начинают описываться чаще и более открыто. Это стало существенной, переломной точкой в отношении общества и литературы к любви. Образ Прекрасной дамы и ее верного рыцаря тоже нашел отражение в романах Толкина. В европейской литературной традиции рыцарь не ждет от своей Прекрасной дамы взаимности; его любовь не привязана к плотским желаниям, а связана с безвозмездным служением, обожанием и преданностью. Гном Гимли боготворит эльфийскую королеву Галадриэль и в награду за все свои труды просит лишь ее локон: «*a single strand of your hair, which surpasses the gold of the earth as the stars surpass the gems of the mine*» (376). Он клянется хранить его вечно и лелеять как величайшую драгоценность.

Любовь к своему господину – известный мотив в английской культуре. У слуги есть свой кодекс чести, и верное, безукоризненное служение – повод для гордости. В романах неоднократно упоминаются отношения командира и его подчиненных, которые проявляют не меньший героизм и отвагу. Сэм Гэмджи всегда готов прийти на помощь своему другу, которого называет не иначе как *Mr. Frodo*, и к которому испытывает самые теплые чувства: «*His love for Frodo rose above all other thoughts*» (899). Фродо, в свою очередь, испытывает глубокую любовь и уважение к Сэму: «*it was the love of his master that helped most*» (901). Любовь и верность воинов своему командиру придает им отвагу на поле боя: «*thought first of the captain whom he loved*» (810). Потерять своего командира – величайшее горе: «*he wept, for he had loved his lord as a father*» (840).

Любовь как проявление семейных отношений тоже находит место в романах. Эовин любит своего дядю, короля Теодена, как отца: «*she was doomed to wait upon an old man, whom she loved as a father*» (867), а к своему брату Эомеру испытывает «*sister's love*» (867). Эомер тоже любит короля Теодена; готовясь отдать ему последние почести, он произносит: «*One whom I long loved as father is laid at last to rest*» (969). О любви эльфийского короля Эльронда к дочери не говорится

напрямую, однако мы читаем эту любовь в его поступках: он всячески пытается уберечь Арвен от судьбы, отговаривая от брака со смертным, однако смиряется и позволяет ей испытать предназначенное счастье. Во время последней встречи они, скрывшись от чужих глаз, «*went up into the hills and there spoke long together, and bitter was their parting that should endure beyond the ends of the world*» (978). Пытаясь наладить сложные отношения наместника Дэнетора с сыном, волшебник Гэндальф обращается к наследнику: «*Your father loves you, Faramir*» (817). Таким образом, внутрисемейные отношения в английской культуре глубоко пропитаны взаимной любовью и заботой.

Английская средневековая литература до XII века была религиозной. Под влиянием христианства менялось и само понимание любви: она становилась все более связанной с самопожертвованием и сочувствием. Мотивы христианской любви слышатся и в романах Толкина, где она проявляется, в частности, в любви к своему врагу и сопряжена с жалостью и сочувствием. Гном Гимли встречается с эльфийской королевой Галадриэль, которую считает врагом своего народа, и внезапно видит ее другими глазами: «*...he looked suddenly into the heart of an enemy and saw there love and understanding...*» (356). Хоббит Бильбо испытывает жалость и сочувствие к своему врагу и не убивает его: «*Pity, and Mercy: not to strike without need*» (83). Впоследствии это решение оказывается одним из ключевых, решивших судьбу Кольца Власти и всего мира.

Любовь – достояние исключительно светлых сил. В романах ни один отрицательный герой не получает возможности испытать счастливую любовь: их романтические отношения пропитаны завистью и предательством, а отношения с товарищами и командирами строятся исключительно на страхе и жажде власти. Такие отношения не имеют надежд на будущее, в них нет ни чести, ни верности. Предатель Грима Червеуст, советник роханского короля Теодена, безответно влюблен в племянницу своего короля, Эовин, «*watching her under his lids and haunting her steps*» (520). Он предает Теодена в надежде получить Эовин в награду за свое предательство, однако его заговор оказывается раскрытым. В иных произведениях, в частности, «Сильмариллионе», мы встречаем больше примеров такой неправильной, омраченной любви: Маэглин, влюбленный в принцессу Гондолина Идриль, предает свою родину в надежде заполучить возлюбленную. Его отец, Эол, силой удерживает

в плену мать Маэглина, которая не отвечает ему взаимностью и сбегает вместе с сыном, когда предоставляется шанс.

Несчастливая любовь, сопряженная с потерями, также встречается в романах. Она идет рука об руку с печалью, кроме того, она зачастую не взаимна. Племянница короля Роухана Эовин влюбляется в загадочного воителя Арагорна. Она, дочь многих поколений воинов, вынуждена принять роль беспомощной принцессы, которую не может выносить: «*I cannot lie in sloth, idle, caged. I looked for death in battle*» (959). Он – проявление силы и свободы, «*a lord among men, the greatest that now is*» (964), но его сердце отдано другой. Любовь Эовин сочетает в себе сразу два чувства: она не может отличить свою любовь к Арагорну как к мужчине от любви к нему как к правителю Гондора; сумев, наконец, разобраться в себе, она отвечает взаимностью заботливому и внимательному Фарамииру, с которым и находит семейное счастье и покой.

Противоположность любви – ненависть. Номинация *hate* встречается 47 раз, значительно реже, чем *love*. Однако зачастую они оказываются связаны, создавая яркий контраст. «*He hated it and loved it, as he hated and loved himself*» (55), – говорит Гэндальф о Голлуме, существе, в котором борются добрая и злая половина личности. *Hate* употребляется в сочетании с такими номинациями, как *fear, anger, despair, pride, fury*, подчеркивая и усиливая значение друг друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепт *love* имеет ярко проявленную реализацию в романе-эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Образный компонент концепта вербализован при помощи эпитетов и текстовых описаний чувств персонажей, находящихся в состоянии любви. Ценностный компонент концепта описан в произведении через действия персонажей и отражает культурные особенности англичан в значительном временном срезе, от глубокого средневековья до современного автору периода. Концепт *love* занимает значительное место в произведении по частотности употребления и играет сюжетобразующую функцию. Широкий спектр чувств привязанности, нежности и заботы, которые могут возникнуть к человеку, месту или явлению, не ограничивается любовью романтической; любовь может быть патристической, товарищеской или семейной. Любовь в романах Толкина связана с надеждой и самопожертвованием, преодолевает все невзгоды и обя-

зательно должна пройти испытание временем и трудностями, которые лишь закаляют чувства. Будучи противопоставлена ненависти, жадности, предательству, любовь как явление становится еще более ценным чувством, которое направляет человека на его жизненном пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
- ² Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: ГНОЗИС, 2018. 192 с.
- ³ Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 214 с.
- ⁴ Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 25.05.2022).
- ⁵ Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 14.06.2022).
- ⁶ Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings*. London: Harper Collins Publishers, 2007. P. 37. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 282 с.
2. Ашуров Ш., Мирзакулова М. Концепт «любовь» в пословичной картине мира в английском и узбекском языках // Общество и инновации. 2021. № 4. С. 78–83.
3. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 268–276.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт «мздоимство» в юридическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 3. С. 182–188.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
6. Керова А. В. Концепт «любовь» в английском поэтическом дискурсе XVII–XVIII вв. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 92–103.
7. Ковынева И. А., Петрова Н. Э. Исследование эмоциональных концептов «любовь» и «ненависть» в поэзии М. Цветаевой // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. № 2. С. 262–264.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ГНОЗИС, 2003. 375 с.
9. Кремшюкалова М. Ч., Чепракова Т. А., Шибзухова И. Р. Культурные коды как аксиологические репрезентанты концепта «любовь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 251–255.
10. Мулатова Н. А. К вопросу о трансформации русского концепта «любовь» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7. С. 240–248.
11. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. № 2. С. 127–131.
12. Покручина М. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «любовь» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 101–105.
13. Радбиль Т. Б., Юхнова И. С. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова // Научный диалог. 2019. № 2. С. 127–142.
14. Романюк М. Ю. Концепты «любовь», «дом», «семья» в паремиях русского, английского и немецкого языков. Оренбург: Экспресс-печать, 2013. 159 с.
15. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 29–34.
16. Смирнова М. А., Субич В. Г. Концепт «любовь» в английской и немецкой языковых картинах мира // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. статей по материалам XX Междунар. заочной науч.-практ. конф. М.: Международный центр науки и образования, 2014. С. 156–167.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
18. Яковец Т. Я. Когнитивные признаки концепта «любовь» во французских пословицах и поговорках // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3 (5). С. 98–100.
19. Яськова А. В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2017. № 1. С. 237–245.
20. Enright N. Tolkien's females and the defining of power // *Renascence*. 2007. Vol. 59. Issue 2. P. 93–108.
21. Goodwin R. *Personal relationships across cultures*. London: Routledge, 1999. 256 p.
22. Hatfield E., Rapson R. L. *Love and sex: Cross-cultural perspectives*. Lanham, MD: University Press of America, 2005. 291 p.

23. Jankowiak W. R., Fischer E. F. A cross-cultural perspective on romantic love // *Ethnology*. 1992. No 31. P. 149–155. DOI: 10.2307/3773618
24. Karandashev V. A Cultural Perspective on Romantic Love // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2015. Vol. 5. Issue 4. DOI: 10.9707/2307-0919.1135
25. Landis D., O'Shea W. A. O. III. Cross-cultural aspects of passionate love: An individual difference analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000. No 31. P. 754–779.
26. Levin R., Sato S., Hashimoto T., Verma J. Love and marriage in eleven cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1995. No 26. P. 554–571.

Поступила в редакцию 06.10.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Kamilla G. Agliullina, Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
1042200116@pfur.ru

Viktoria V. Makashova, Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4265-0613; Viktoria_m27@mail.ru

THE CONCEPT OF “LOVE” IN J. R. R. TOLKIEN’S EPIC NOVEL *THE LORD OF THE RINGS*

Abstract. The article presents the main approaches to the definition of a concept as the central term of the conceptual apparatus of cognitive linguistics. The authors adhere to the understanding of a concept as a carrier of cultural meaning, a unit of the writer’s consciousness, verbalized in the text. J. R. R. Tolkien’s epic novel *The Lord of the Rings* was used as the research material. The novelty of the research lies in the fact that it presents the first-of-its-kind analysis of the concept of “love” in the individual picture of the world of the English writer J. R. R. Tolkien. The study showed that the concept of “love” in the epic novel *The Lord of the Rings* turns out to be culturally marked, since the author belonged to the English linguistic culture. It is established that in the text space of the epic novel love appears in various manifestations: in the form of romantic, patriotic, comradely or intra-family Christian love. The conceptual component of the “love” concept is considered from the etymological perspective: from the original nomination to the modern one based on the data of authoritative English dictionaries. The figurative component of the “love” concept is explicated in the descriptions of the love feelings experienced by the characters, as well as their subjective ideas about the object of their love. The value component of the “love” concept is found in the oppositions “love – hate”, “love – money”, “love – despair”, etc. presented in the novel. It is revealed that the concept of “love” is also closely related to the concepts of hope, honor and beauty. The article presents a rich illustrative material representing the national and cultural specifics of the studied concept.

Keywords: concept, love, J. R. R. Tolkien, *The Lord of the Rings*, linguoculturological approach, national-cultural labeling, worldview

For citation: Agliullina, K. G., Makashova, V. V. The concept of “love” in J. R. R. Tolkien’s epic novel *The Lord of the Rings*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.910

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. *Linguoculturology: the value-semantic space of language*. Moscow, 2010. 282 p. (In Russ.)
2. Ashurov, Sh., Mirzakulova, M. Concept “love” in the English and Uzbek language proverb world image. *Society and Innovations*. 2021;4:78–83. (In Russ.)
3. Vorkachev, S. G. Cultural concept and meaning. *Scientific Works of the Kuban State Technological University. Ser. Humanities*. 2003;2:268–276. (In Russ.)
4. Vorkachev, S. G. Linguocultural concept of “bribery” in juridical discourse. *Political Linguistics*. 2020;3:182–188. (In Russ.)
5. Karasik, V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow, 2004. 389 p. (In Russ.)
6. Kerova, A. V. The concept of “love” in English poetry of XVII–XVIII centuries. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020;11:92–103. (In Russ.)
7. Kovyneva, I. A., Petrova, N. E. Study of emotional concepts “love” and “hate” in poetry of M. Tsvetaeva. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020;2:262–264. (In Russ.)
8. Krasnyh, V. V. “Insider” among “strangers”: myth or reality? Moscow, 2003. 375 p. (In Russ.)
9. Kremshokalova, M. Ch., Cheprakova, T. A., Shibzuhova, I. R. Cultural codes as axiological representations of the concept of “love”. *Philology.Theory and Practice*. 2020;7:251–255. (In Russ.)

10. Mulatova, N. A. The transformation of the Russian concept of “love”. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015;7:240–248. (In Russ.)
11. Pimenova, M. V. The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2013;2:127–131. (In Russ.)
12. Pokruchina, M. Yu. Linguistic and cultural features of the concept of “love”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017;2:101–105. (In Russ.)
13. Radbil, T. B., Yuhnova, I. S. Artistic expression of Russian national-cultural concept of the RIVER in M. Y. Lermontov's works. *Scientific Dialogue*. 2019;2:127–142. (In Russ.)
14. Romanyuk, M. Yu. Concepts “love”, “home”, “family” in Russian, English and German paroemias. Orenburg, 2013. 159 p. (In Russ.)
15. Slyshkin, G. G. Linguocultural concept as a system education. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2004;1:29–34. (In Russ.)
16. Smirnova, M. A., Subich, V. G. The concept of “love” in English and German language worldviews. *Scientific discussion: issues of philology, art history and cultural studies: Proceedings of the XX international research and practice conference*. Moscow, 2014. P. 156–167. (In Russ.)
17. Teliya, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow, 1996. 284 p. (In Russ.)
18. Yakovets, T. Ya. Cognitive features of the concept “love” in French proverbs and sayings. *Surgut State University Journal*. 2014;3:98–100. (In Russ.)
19. Yaskova, A. V. The concept “love” in Russian and Chinese language worldview. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2017;1:237–245. (In Russ.)
20. Enright, N. Tolkien's females and the defining of power. *Renascence*. 2007;59(2):93–108.
21. Goodwin, R. Personal relationships across cultures. London, 1999. 256 p.
22. Hatfield, E., Rapson, R. L. Love and sex: Cross-cultural perspectives. Lanham, MD, 2005. 291 p.
23. Jankowiak, W. R., Fischer, E. F. A cross-cultural perspective on romantic love. *Ethnology*. 1992;31:149–155. DOI: 10.2307/3773618
24. Karandashev, V. A Cultural Perspective on Romantic Love. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2015;5(4). DOI: 10.9707/2307-0919.1135
25. Landis, D., O'Shea, W. A. O. III. Cross-cultural aspects of passionate love: An individual difference analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000;31:754–779.
26. Levin, R., Sato, S., Hashimoto, T., Verma, J. Love and marriage in eleven cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1995;26:554–571.

Received: 6 October 2022; accepted: 31 March 2023

ИННА ИГОРЕВНА КОНЬКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации факультета иностранных языков

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3326-0493; mirna_13@mail.ru

АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ МЕТАСТРУКТУР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

А н н о т а ц и я . Рассматриваются функции метаструктур научно-технического дискурса на материале англоязычных научных статей по робототехнике (журнал *Robotics*), размещенных в свободном доступе в сети Интернет, при помощи метода корпусно-ориентированного дискурсивного анализа. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований метаструктур в указанном типе дискурса, в частности с применением корпусного подхода. Инструмент для анализа корпусов AntConc используется с целью осуществления более точного статистического подсчета частотности выполняемых метаструктурами функций. Кроме того, данный инструмент позволяет выявить вариации лексического состава метаструктур в определенной функции. В связи с этим целью статьи является выделение и описание функций метаструктур в научно-техническом дискурсе. Функции метаструктур классифицируются на семь групп: толкования, оценочности, подтверждения сказанного введением иллюстрации, текстообразования, сокращения подробностей, диалогизации и комментирующая функция. Делается вывод о наиболее и наименее частотных функциях метаструктур, что обусловлено интенциями авторов анализируемых статей направить процесс восприятия реципиента, а также степенью подготовленности самого реципиента.

Ключевые слова: метаструктура, метадискурсивность, научно-технический дискурс, метод корпусно-ориентированного дискурсивного анализа, AntConc

Для цитирования: Конькова И. И. Анализ функций метаструктур научно-технического дискурса (на материале английского языка) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 71–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.906

ВВЕДЕНИЕ

Внимание современной лингвистики сосредоточено на исследованиях, отправной точкой которых выступает языковая личность, способная создавать новые тексты, которые воздействуют на реципиента. Такой текст, как правило, содержит разные языковые приемы и метаструктуры. Последние выступают предметом нашего исследования.

Данная статья посвящена изучению функций метаструктур научно-технического дискурса на материале англоязычных научных статей по робототехнике (журнал «*Robotics*»¹) при помощи метода корпусно-ориентированного дискурсивного анализа (инструмент для работы с корпусами «AntConc»), критического дискурс-анализа и метода сплошной выборки, используемого на начальном этапе отбора языкового материала. В ходе анализа корпуса

научно-технических дискурсов (общим объемом 86 462 слова) были выделены 498 метаструктур.

МЕТАДИСКУРСИВНОСТЬ И МЕТАСТРУКТУРЫ

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению функций метаструктур научно-технического дискурса, обратимся к понятию «метадискурсивность». Данное понятие обозначает стремление автора обеспечить правильное восприятие передаваемой им информации. Посредством употребления специальных компонентов (The aim of the article is..., according to... и др.) метадискурсивность реализует способность словесно выражать свою соотносительность с прагматико-дискурсивным контекстом². За счет использования метаструктур формируется прагматико-дискурсивный план содержания, привязанный к интерпретирующим свойствам этих структур. Метадискурсивность имеет осо-

бую значимость в научно-техническом дискурсе, так как сопоставление научного текста с намерениями автора позволяет лучше понять логику изложения материала и цель его создания. Кроме того, метадискурсивность, будучи стилообразующим признаком научно-технического дискурса, отражает такие его характеристики, как диалогичность, авторизованность, адресованность³.

Метаструктуры текстов разных дискурсов рассматривались многими исследователями, преимущественно в рамках текста (И. Т. Вепрева [2], Н. В. Лукина⁴, М. В. Ляпон [4], Н. П. Перфильева⁵, В. А. Шаймиев⁶, З. А. Ярыгина [6] и др.). Так, по мнению Н. В. Лукиной, метаструктура представляет собой сложную иерархию смыслов, дополняющую семантику текста. З. А. Ярыгина предлагает анализировать метаструктуры через эксплицитные и имплицитные метакомпоненты, соотнесенные с текстовыми категориями информативности, интенциональности и интертекстуальности. Отличие эксплицитно выраженных метакомпонентов от имплицитно выраженных состоит в том, что первые представлены словами, словосочетаниями и предложениями, а потом – метамаркерами [6: 46]. К эксплицитным информативным метакомпонентам Н. П. Перфильева и Н. В. Лукина относят языковые средства обобщения, уточнения, пояснения информации и т. д. За счет использования эксплицитных интенциональных метакомпонентов автор доносит до читателя главную информацию, осложненную добавочными смыслами, оптимизируя при этом процесс ее восприятия и усвоения (сюда относится выражение уверенности / неуверенности, оценочности, выполнение предлагаемых мыслительных операций в процессе совместного рассуждения и др.). Использование эксплицитных интертекстуальных метакомпонентов (цитат, ссылок, сносок и др.) демонстрирует структурно-смысловое взаимодействие дискурса с другими речевыми произведениями, за счет чего собственные идеи автора дополняются и подтверждаются. Среди имплицитных метакомпонентов Н. П. Перфильева и Н. В. Лукина выделяют такие невербальные элементы, как пунктуационные средства (кавычки, многоточие, знак вопроса и восклицания), графические (особый тип шрифта, измененный размер (или кегль), разрядку, цветообозначение) и пространственно-композиционные (абзацный отступ).

Мы рассматриваем метаструктуры научно-технического дискурса как единицы языка (вербальные / эксплицитные или невербальные / имплицитные), придающие дополнительный смысл

основному содержанию. Наибольший акцент делается на выявлении и анализе функций метаструктур. За основу была взята классификация, предложенная Н. В. Лукиной, которая, изучая смысловую структуру метатекста на примере художественных текстов Т. Толстой, выделила девять функций метаструктуры: толкования, отстранения от произносимых слов, оценочности, подтверждения или отрицания сказанного введением иллюстрации, текстообразования, сокращения подробностей, привлечения внимания читателя, диалогизации и комментирующую функцию.

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В ходе анализа англоязычного научно-технического дискурса классификация Н. В. Лукиной была частично скорректирована, так как метаструктуры исследуемого типа дискурса не реализуют функции отстранения от произносимых слов и привлечения внимания, характерные для художественного дискурса. Процентное соотношение функций было вычислено с применением метода корпусно-ориентированного дискурс-анализа, используемого в корпусной лингвистике, которая оперирует такими инструментами, как AntConc, Sketch Engine, WordSmith Tools и др. По мнению В. П. Захарова, корпусная лингвистика представляет собой раздел компьютерной лингвистики, в рамках которого создаются основные принципы построения и применения корпусов текстов посредством компьютерных технологий⁷. В свою очередь В. В. Мамонтова считает, что компьютеры являются лишь инструментом в корпусной лингвистике, поэтому нельзя относить ее к разделу компьютерной лингвистики [5]. Мы придерживаемся трактовки В. П. Захарова, так как, несмотря на то что компьютеры функционируют как вспомогательное средство для обработки корпусов в корпусных исследованиях, в них, так же как и в исследованиях в рамках компьютерной лингвистики, осуществляется описание естественных языков посредством компьютерного и математического моделирования.

В лингвистической науке существует ряд определений термина «корпус». Изучением данного вопроса занимались Дж. Синклер [9], Т. МакЭнери [8], Д. Байбер [7], В. П. Захаров, С. Ю. Богданова [3], А. Н. Баранов [1] и др. Так, В. П. Захаров и С. Ю. Богданова пришли к выводу, что корпус – это

«унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определенных филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [3: 52].

Мы разделяем точку зрения Дж. Синклера, по мнению которого корпус, выступая источником данных для лингвистических исследований, представляет собой собрание отрывков текстов в электронной форме, отобранных в соответствии с внешними критериями, чтобы наиболее полно представлять язык или вариацию языка [9].

ФУНКЦИИ МЕТАСТРУКТУР

Перейдем к непосредственному анализу следующих функций метаструктур: толкования,

оценочности, подтверждения сказанного введением иллюстрации, текстообразования, сокращения подробностей, диалогизации и комментирующей функции (рисунок). Инструмент для анализа корпусов AntConc был применен с целью осуществления более точного статистического подсчета частотности выполняемых метаструктурами функций. Кроме того, использование функции «Concordance» (Строка сочетаемости) указанного инструмента позволяет выявить вариации лексического состава метаструктур в определенной функции.

Функции метаструктур научно-технического дискурса
Functions of metastructures in the scientific and technical discourse

Функция толкования (1 %). Данная функция предполагает предоставление автором дополнительной пояснительной информации, которой может не владеть реципиент.

(1) *We would like to highlight that these results are in terms that prove the concept and are based on simulation results which may vary if other computer capabilities are used.*

(2) *...we will use a meta heuristic algorithm based on Particle Swarm Optimization (PSO). This algorithm is based mainly on swarm particles N...*

В примерах 1, 2 выделенные фразы представляют искомые метаструктуры. В первом случае авторы статьи дают толкование того, какой трактовки результатов исследования они придерживаются, в то время как во втором примере акцентируется внимание реципиента на природе используемого метаалгоритма.

Функция оценочности (25 %). Метаструктуры в данной функции передают оценочные рассуждения автора относительно описываемых научных явлений и подходов.

(3) *This is not practical when handling large processes.*

(4) *This in turn can increase the level of task success.*

Подтверждение сказанного введением иллюстрации (12 %). Если при изучении метаструктур художественного дискурса в наименовании указанной функции присутствовала лексическая единица «отрицание», то, говоря о научно-техническом дискурсе, такая вариативность не допускается. Это связано со строгостью и четкой последовательностью научно-технического дискурса, в котором иллюстрации дополняют ранее высказанное суждение, а не опровергают его.

(5) *...whereas an outlier detection system could detect progress as depicted in Figure 11.*

Метаструктуры в примере 5 содержатся в названии нетекстового материала статьи (таблицы и схема).

Функция текстообразования (21 %). Данная функция метаструктур позволяет четко обозначить план изложения материала, определить разделы научной работы, что значительно облегчает реципиенту процесс восприятия информации.

(6) *The remainder of this paper is organised as follows.*

В данном примере метаструктура представлена предложением, в котором авторы, делая отсту-

пление от основной темы изложения, обращают внимание реципиента на структуру всей работы.

Функция сокращения подробностей (2 %). Данная функция не получила широкого распространения в научно-техническом дискурсе, так как здесь предполагается детальный и тщательный подход к анализируемому явлению. Функция проявляет себя в том случае, когда требуется обобщение уже описанных идей.

(7) *In general, previous works operate by computing the Jacobians in the task space...*

Не желая прибегать к излишним подробностям, автор обобщает все проделанные до него исследования, объединяя их в группу предыдущих. Кроме того, в данном примере используется эпоним *the Jacobian* (Якобиан, определитель матрицы Якоби, по имени немецкого математика и механика Карла Густава Якоба Якоби), который также может рассматриваться как метаструктура в функции диалогизации.

Функция диалогизации (9 %). Реализуя данную функцию, метаструктуры дают ссылку к ранее созданным работам других исследователей с целью освещения степени изученности рассматриваемой проблемы или подходов, которых придерживается автор статьи. Благодаря таким структурам, содержащим ссылки или цитаты, реципиент получает возможность вступить не только в диалог с автором изучаемой им статьи, но и с третьим лицом, которым выступают ученые, также занимающиеся исследованиями в описываемой области.

(8) *According to the work in [1], in just 2017 the world sales of EVs (Electrical Vehicles) exceeded one million of units...*

Комментирующая функция (30 %) передает мнение автора по описываемому вопросу в форме некоего отступления от темы изложения.

(9) *Thus, as expected this is very apparent in case of f1 and f4.*

Комментирование может вводиться союзными наречиями (*however, therefore* и др.), а также оборотом *as expected*, который четко обособливает мнение авторов статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного были сделаны следующие выводы:

1) научно-технический дискурс характеризуется метадискурсивностью;

2) метаструктуры в англоязычном научно-техническом дискурсе выполняют следующие функции: функцию толкования, функцию оценочности, подтверждения сказанного введением иллюстрации, функцию текстообразования, функцию сокращения подробностей, функцию диалогизации и комментирующую функцию;

3) наиболее часто метаструктуры в научно-техническом дискурсе выполняют комментирующую функцию, функцию оценочности и текстообразования, что связано со стремлением автора статьи облегчить реципиенту процесс восприятия и направить его по правильной траектории;

4) реже всего метаструктуры в научно-техническом дискурсе реализуют функцию толкования, что может быть объяснено тем фактом, что тексты данного типа дискурса рассчитаны на подготовленного реципиента, обладающего фоновыми знаниями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Robotics. 2019. Vol. 8 (3). P. 52; 2020. Vol. 9 (1). P. 9; Vol. 9 (3). P. 66; Vol. 9 (4). P. 91; 2021. Vol. 10. P. 38; Vol. 10. P. 42; Vol. 10. P. 45; Vol. 10. P. 46; Vol. 10 (2). P. 76; Vol. 10 (2). P. 80; Vol. 10 (2). P. 81; Vol. 10 (2). P. 82 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mdpi.com/journal/robotics> (дата обращения 01.03.2022).

² Шаймиев В. А. Метадискурсивность научного текста: на материале лингвистических произведений: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 494 с.

³ Там же.

⁴ Лукина Н. В. Смысловая структура метатекста (на материале творчества Т. Толстой): Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 177 с.

⁵ Перфирьева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 436 с.

⁶ Шаймиев В. А. Метадискурсивность научного текста: на материале лингвистических произведений...

⁷ Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учеб.-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Корпусная лингвистика // Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. М.: УРСС, 2003. С. 112–137.
2. Вепрева И. Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 год. М., 2000. С. 26–28.
3. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: Учебник для студентов специальности «Лингвистика». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 148 с.

4. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
5. Мамонтова В. В. Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 230–238.
6. Ярыгина З. А. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1 (20). С. 26–33.
7. Biber D., Conrad S., Reppen R. *Corpus linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge University Press, 2012. 300 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804489
8. McEnery T., Hardy A. *Corpus linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 311 p.
9. Sinclair J. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 170 p.

Поступила в редакцию 03.03.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Inna I. Konkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ogarev National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3326-0493; mirna_13@mail.ru

ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF METASTRUCTURES IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE (using English-language materials)

Abstract. The article deals with the functions of metastructures in the scientific and technical discourse using English-language scientific articles (from the *Robotics* journal) freely available on the Internet and the method of the corpus-oriented discourse analysis. The relevance of the work is due to the lack of the research on metastructures in the said type of discourse, especially using the corpus-based approach. The AntConc corpus analysis instrument is used to perform a more accurate statistical analysis of the metastructure functions frequency. AntConc provides the possibility to reveal lexical variation of metastructures performing certain functions. In this regard, the purpose of the article is to identify and describe the functions of metastructures in the scientific and technical discourse. All the functions are classified into seven groups: interpretation function, evaluation function, confirmation of the facts mentioned above by illustration, text formation function, details reduction function, dialogue function, and commentary function. The article concludes that the most and the least frequent usage of metastructures performing certain functions is explained by the authors' intentions to guide the reader's reception process, as well as by the recipient's competence.

Keywords: metastructure, metadiscursiveness, scientific and technical discourse, corpus-oriented discourse analysis method, AntConc

For citation: Konkova, I. I. Analysis of the functions of metastructures in scientific and technical discourse (using English-language materials). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):71–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.906

REFERENCES

1. Baranov, A. N. *Corpus linguistics*. Baranov, A. N. *Introduction to applied linguistics: Textbook*. Moscow, 2003. P. 112–137. (In Russ.)
2. Vepreva, I. T. Metalinguistic orientation of a linguistic personality during the language transformation. *Active language processes of the late XX century: Proceedings of the international conference. Shmelyov Readings, 23–25 February*. Moscow, 2000. P. 26–28. (In Russ.)
3. Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. *Corpus linguistics: Textbook for students of linguistics*. St. Petersburg, 2013. 148 p. (In Russ.)
4. Lyapon, M. V. *Semantic structure of composite sentence and text: The typology of intra-textual relations*. Moscow, 1986. 200 p. (In Russ.)
5. Mamonova, V. V. *Corpus linguistics in the modern linguistic paradigm*. *Actual Issues of Modern Science*. 2010;12:230–238. (In Russ.)
6. Yarygina, Z. A. Methods and means of metastructure representation in modern educational text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2014;1(20):26–33. (In Russ.)
7. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. *Corpus linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge University Press, 2012. 300 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804489
8. McEnery, T., Hardy, A. *Corpus linguistics*. Cambridge, 2012. 311 p.
9. Sinclair, J. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford, 1991. 170 p.

Received: 3 March 2022; accepted: 31 March 2023

ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА МУРАШОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1

Кубанский государственный технологический университет
(Краснодар, Российская Федерация)

L-P-Murashova@mail.ru

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ЖЕНЩИН В АНГЛИСТИКЕ XX–XXI ВЕКОВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

А н н о т а ц и я . Актуальность работы определяется проблематикой, направленной на изучение роли языковых стереотипов в конструировании образа женщины, укоренившегося в общей социальной и культурной практике носителей английского языка. Целью статьи является анализ гендерного стереотипа как объекта лингвистического и когнитивного исследования, обобщение принципов и результатов рассмотрения гендерных стереотипов в англистике, а также оценка влияния стереотипного мышления на восприятие женщины. В соответствии с поставленными целями мы резюмируем исследования ряда зарубежных ученых, посвященные гендерным стереотипам, приводим с помощью их сопоставительного анализа общую характеристику рассматриваемой проблемы, а также доказываем противоречивость и необъективность стереотипного восприятия женщины в английском языке, вычлняя пары антонимических стереотипных женских и мужских качеств, отмечаемых различными учеными в разное время. Доказывая противоречивость и необъективность стереотипного восприятия, мы опираемся на совокупные результаты анализа семантики атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерной лексемой «woman», выполненного ранее, и лексемой «girl», представленного в статье, а также с учетом анализа семантики единиц вторичной номинации, выражающих стереотипные прототипические качества женщины. Исследование выполнено на материале текстов Британского национального корпуса английского языка и выборки из авторитетных лексикографических источников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гендер в языке, гендер в речи, гендерные стереотипы в языке, женщина в англоязычной лингвокультуре, стереотипы и объективность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мурашова Л. П. Стереотипы восприятия женщин в англистике XX–XXI веков: противоречия и субъективность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.907

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие гендера в языке и речи раскрывается через условно объективные определители понятий «мужчина» и «женщина», а также «мужское» и «женское», то есть наиболее часто употребляемые атрибутивно-номинативные конструкции с препозитивными и постпозитивными адьюнктами, и через гендерно маркированные когнитивные метафоры, представляющие общий массив данных для анализа гендерно-маркированных концептов. Особую часть этого массива составляют условно субъективные определители гендера – закрепленные в языке стереотипы.

В Кратком словаре когнитивных терминов под редакцией Е. С. Кубряковой стереотип определяется как «стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп»¹. В Слова-

ре гендерных терминов под редакцией А. А. Денисовой гендерные стереотипы определяются как «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины»². Данные стандартные представления влияют на процесс обработки информации, на состояние знаний, а также на регуляторную деятельность сознания, поэтому имеют непосредственное отношение к когниции.

Гендерным стереотипам посвящено множество исследований. В поле зрения ученых попадают, например, тексты определенного типа дискурса и использование гендерно-обусловленных стереотипов в них [1], [2], [4], влияние стереотипов на гендерную систему общества [5], [7], методологические подходы к изучению гендера [6], мужские и женские качества в речи авторов [3] и многие другие аспекты. Поле

исследований гендерных стереотипов в современной англистике не менее обширно. Здесь хотелось бы отметить работы, описывающие восприятие речи авторов под влиянием стереотипов [22], стереотипы во времена торжества феминизма [9] и др. Проблема стереотипного восприятия гендера в англистике затрагивается в работах Д. Кэмерон, П. Фишман, Дж. Холмса, О. Есперсена, Р. Лакофф [10], [11], [12], [13], [17] и других ученых. С точки зрения проблематики данной статьи интересны также выводы, описанные в таких современных научных работах, как «Gender bias and stereotypes in linguistic example sentences» («Гендерные предрассудки и стереотипы в лингвистических примерах предложений», Х. Котек, Р. Докум и др.) [15] и «An Exploratory Study on Linguistic Gender Stereotypes and their Effects on Perception» («Исследование лингвистических гендерных стереотипов и их влияния на восприятие», Л. Маттиас, Д. Матс и Ш. Андерс) [18]. Выполненное нами ранее диссертационное исследование также затрагивает проблему гендерных стереотипов в структуре концептуально-когнитивного фрейма «woman»³.

Гендерные стереотипы генерализуют восприятие и представление в момент соприкосновения с областью стереотипизации и тем самым отвлекают внимание от деталей, ситуативных вариаций. Отсюда негативная коннотация не-объективности, возникающая в связи с понятием «стереотип». Отмечая роль гендерных стереотипов как генерализаторов, Э. Стрэнд в работе «Раскрытие роли гендерных стереотипов при восприятии речи» пишет следующее: «Даже когда женщины и мужчины ведут себя одинаково, мы воспринимаем их по-разному»⁴ [22: 95]. Подобное влияние стереотипов на восприятие отмечают также Л. Маттиас, Д. Матс и Ш. Андерс:

«...неязыковая ситуационная и контекстуальная информация (например, пол говорящего), предположительно доступная до речевого события, активизирует схемы и стереотипы таким образом, что они влияют на обработку восприятия языкового события, искажая его в соответствии с ожиданиями» [18: 578].

Однако гендерные стереотипы не только обобщают восприятие речи, поведения и самого индивида, предопределяя регуляторную деятельность сознания в попытке подстроиться под них, они также отвлекают внимание от сопутствующих характеристик того или иного признака, служащего основанием для генерализации. Тем самым стереотипы часто смещают каузальные связи, придавая признаку стереотипизации значение причинности. Так, убеждение, что женщины проявляют неуверенность в разговоре,

ставшее стереотипом с легкой руки американской исследовательницы Р. Лакофф, оставляет в тени другие факторы помимо пола, которые могут стать причиной подобной неуверенности: зависимое положение, возраст и др.

Безусловно, не всякую генерализацию, относящуюся к лингвистическому гендеру, можно считать стереотипом. Генерализация имеет очень важное значение для составления общего представления об исследуемом объекте. Именно к объективной генерализации стремятся гендерологи и лингвисты при попытке выделить семантические группы гендерных дейксисов языка, речи и коммуникации. Однако провести четкую грань между объективной генерализацией и стереотипированными (и, как следствие, ограниченными) представлениями очень сложно, ведь каждый стереотип начинается с простой генерализации, в объективности которой, по крайней мере, ее автор уверен. Затем подобная генерализация укореняется в сознании и начинает искажать восприятие. О субъективности стереотипов как нельзя лучше свидетельствует их противоречивость, на чем мы более детально остановимся в данной статье, применив логико-семантическую классификацию отмечаемых в разные времена противоположных стереотипных женских качеств. Также мы рассмотрим вопрос субъективности стереотипных воззрений, поскольку одни и те же стереотипы постулировались и отрицались различными учеными.

УНИКАЛЬНОСТЬ – ОБЫЧНОСТЬ

Мысль о том, что язык женщины уникален и необычен по отношению к стандартному мужскому варианту, впервые выразил О. Есперсен в работе «Язык: его природа, развитие и происхождение», а именно в главе под названием «Женщина» [13]. Ученый способствовал укоренению в лингвистике стереотипных воззрений о том, что язык женщины – совершенно особый вариант языка, имеющий четко определенные отличительные черты [13]. Данное утверждение нашло своих адептов и породило споры, не прекращающиеся и по сей день. При этом ученые десятилетиями пытались отыскать четкие грани такого поля исследования, как «язык женщины», и приходили в конечном счете к выводу, что четкой грани и неоспоримых отличительных черт не существует, что будет продемонстрировано ниже.

БОЛТЛИВОСТЬ – СДЕРЖАННОСТЬ

Первый известный стереотип в отношении гендера и языка появился в научной лите-

ратуре на основании фольклорного элемента английского языка: стереотип глупой болтуни, «что не раз становилось предметом бесчисленных шуток» [13: 250]. Довольно ясное представление о коллективном ассоциативном поле понятий «мужская речь» и «женская речь» в сжатой форме представляют данные, опубликованные в статье Дж. Уильямса и С. Бэннета «Описание половых стереотипов на основании списка прилагательных» (1975). В ней приведены различные по эмоциональной оценке прилагательные, ассоциируемые с представителями обоих полов. Так, понятия «женщина» и, соответственно, «женское» ассоциируются носителями языка с рядом прилагательных с общим вектором значения «пустая болтовня»: *complaining* – жалующаяся, *flirtatious* – кокетливая, *frivolous* – ветреная, *nagging* – ворчливая, *rattle-brained* – безмозглая, *talkative* – разговорчивая, *whiny* – плаксивая [26: 330–331].

Стереотип глупой болтуни не раз ставился под сомнение. По утверждению М. Талбот, например, в настоящее время обнаружено достаточно свидетельств тому, что мужчины говорят больше женщин, по крайней мере, в определенных ситуациях, например на публике [23]. Кроме того, данный стереотип противоречит другому стереотипу о женщинах: представлению о неуверенной в себе, молчаливой, покорной, уступчивой собеседнице.

ГРАМОТНОСТЬ – ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ НОРМ

Дефектные характеристики женской речи по сравнению с мужской впервые были систематизированно описаны в упомянутой работе О. Есперсена «Язык: его природа, развитие и происхождение», в которой были затронуты все аспекты: фонетика, грамматика, лексика, а также психологически обусловленные особенности «женской» коммуникации. Так, отмечалось, что «словарный запас у женщин, как правило, гораздо менее обширный, чем у мужчин» [13: 248], а для сбивчивой женской речи характерны незаконченные, оборванные предложения [13].

С точки зрения Д. Кэмерон, в так называемой наивной лингвистике, отражающей бытующие в народе представления о том, какая она, речь женщины, какой она должна быть и чем отличается от речи мужчины, также закреплены стереотипные представления о том, что в женской речи присутствуют незаконченные предложения, что само по себе не может являться эталоном грамотного построения речи, а также что организация речи женщины противоречит законам логики [10].

Данные стереотипы пропагандировались и отрицались, поддерживались и оспаривались не только в фолк-лингвистике, но и в научной литературе. Д. Кэмерон сама опровергает ряд этих стереотипов, на примерах доказывая, что «непоследовательность и незаконченные предложения часто встречаются в речи говорящих обоих полов» и что «речь женщины более логична, чем речь мужчины» [9: 48].

Ряд шагов к укоренению противоположных гендерных стереотипов («речь женщины более грамотна, чем речь мужчины») сделан, например, в работах У. Лабова «Социальная дифференциация английского языка в Нью Йорке» (2006) и П. Траджила «Пол, скрытый престиж и лингвистические изменения в английском языке в городах Норвича» (1972). Ученые утверждали, что женщины говорят на более стандартном варианте языка (особенно это касается фонетического уровня), это породило стереотип, что женщины придают статусу большее значение, чем мужчины [16], [25]. Непреложность данного мнения поставила под сомнение Л. Милрой в работе «Язык и социальные связи» (1987). Она утверждает, что некоторые вариации в произношении определенных звуков «более тесно связаны со структурой социальных связей, нежели с полом говорящего» [19: 149]. Позднее Д. Кэмерон в работе «Феминизм и лингвистическая теория» (1992) заметил, что социолингвистические гендерные исследования наименее успешны, когда в них присутствуют «стереотипные положения о женщинах: что они ведут себя определенным образом потому, что они матери, или потому, что они, например, не работают вне дома» [9: 69–70]. По мнению автора, подобные стереотипы игнорируют исключения или не дают им объяснения.

УСТУПЧИВОСТЬ, ВЕЖЛИВОСТЬ – ТВЕРДОСТЬ

Еще один распространенный стереотип в отношении использования языка женщинами появился благодаря американской исследовательнице Р. Лакофф. С ее точки зрения, язык изобилует свидетельствами того, что женщина в разговоре занимает более слабую позицию, нежели мужчина, в ее речи меньше уверенности и твердости [17]. П. Браун и Д. Холмс пришли к заключению, что неоспоримой отличительной чертой речи женщины является вежливость [8], [12]. Другие ученые также отмечали, что мужчины при коммуникации ведут себя более компетентно и независимо, а женщины более экспрессивны, проявляют большую мягкость, гибкость, задействованность [11], [14]. Данный стерео-

тип «компетентного и напористого» мужчины и «мягкой, неуверенной в себе» женщины нашел как своих адептов в лице П. Фишмен [11], так и критиков. Д. Кэмрон отмечает, что в так называемой наивной лингвистике укоренился стереотип о том, что женская речь непоследовательна, неуверенна и сбивчива, поскольку «у женщин возникают проблемы при общении на мужском языке» [9: 45]. В той же работе описываются такие характеристики «женской коммуникации», как склонность облекать утверждения в форму вопроса в поисках одобрения, склонность говорить меньше, чем мужчины в смешанных группах, и желание сотрудничать в речи; мужчины, напротив, соревнуются.

Дж. Уильямс и С. Бэннет в упомянутой ранее работе приводят следующий ряд прилагательных, ассоциируемых с женщиной, которые имеют общий вектор значения «уступчивость, мягкость»:

affectionate – любящая, charming – очаровательная, meek – кроткая, mild – мягкая, sensitive – чувствительная, sentimental – сентиментальная, soft-hearted – отзывчивая, submissive – покорная, weak – слабая [26: 330–331].

Гендерные стереотипы в языке затрагивают не только женщин, но и мужчин, хотя, на наш взгляд, в меньшей степени. В целом они диаметрально противоположны стереотипам о женщинах, возможно, потому, что мужчины и женщины воспринимаются как противоположности сами по себе. Мужчины традиционно считаются неразговорчивыми, менее чувствительными, неэмоциональными, более резкими. Прилагательные того же семантического ряда, ассоциируемые с мужчинами, следующие:

adventurous – предприимчивый, aggressive – агрессивный, assertive – чрезмерно настойчивый, autocratic – властный, boastful – хвастливый, coarse – грубый, confident – самоуверенный, cruel – жестокий, dominant – доминирующий, independent – независимый, loud – громкий, rational – разумный, realistic – реалистичный, self-confident – самоуверенный [26: 330–331].

В целом при анализе многих популярных работ по гендерной лингвистике XX века складывается определенное стереотипное представление о женщине с характерными для нее качествами: скромность, вежливость, немногословность, готовность поддержать, посочувствовать, готовность к сотрудничеству [13], [17], [21], [24]. Готовность к сотрудничеству как характерная особенность женского спора отмечается также и в более позднем исследовании Х. Котек и Р. Докум. Авторы пришли к заключению, что высказывания с гендерной маркировкой «женское» чаще содержат проявления положительных эмо-

ций, тогда как «мужские» высказывания чаще «связаны с занятием, сопряженным с отрицательными эмоциями и совершением насилия» [15: 32].

С другой стороны, У. Обар и Б. Аткинс рассматривают часто выделяемые в качестве характеристик женской речи признаки неуверенности и слабости независимо от полового признака [20] и тем самым ставят под сомнение стереотип «женщина слаба в разговоре». Статус при этом становится более значимым фактором, нежели гендер в детерминации характеристик речи.

С точки зрения Д. Кэмрон, «в реальности можно найти лишь незначительные свидетельства в пользу генерализации по линии “вежливость – твердость” либо свидетельства могут быть противоречивыми» [10: 450]. Это подтверждается и результатами проведенного нами исследования, которые будут представлены ниже. Д. Кэмрон считает, что причиной скромного поведения женщин, если оно не нивелируется фактором статуса, может служить и то, что в социуме превалирует репрезентация женщины как скромной, что носит обязывающий характер нормы и навязывается самыми различными способами: недостаточными возможностями для женщин практиковаться в публичных выступлениях или осуждением недостаточно скромных женщин [10]. Это и побуждает женщин вести себя в соответствии со стереотипом «нормального поведения», приличествующего представительницам слабого пола. Основываясь на опыте наших собственных научных изысканий, а также на результатах работ других ученых, мы считаем, что гендерные стереотипы, как и другие стереотипы вообще, нередко противоречат друг другу: так, женщине приписывается излишняя болтливость, пустословие, что якобы свидетельствует о поверхностности ее ума, и в то же время молчаливость и робость в коммуникации на публике и в смешанных группах, что якобы говорит о ее коммуникативной несостоятельности и слабости. На наш взгляд, многое зависит и от фактической компетентности коммуникантов, не только от пола говорящего, однако при прочих равных условиях подобный стереотип может оказаться небезосновательным.

Анализ научной литературы по теме позволяет сделать вывод о том, что гендерные стереотипы не только ограничивают естественную свободу индивидов в формировании мнения, но и препятствуют прогрессивному развитию и совершенствованию коммуникативных норм социума, при этом часто противоречат сами себе. Это подтверждается и результатами наших собственных научных изысканий.

Не претендуя на безусловность, мы попытались выделить ряд стереотипов из множества генерализаций в области пересечения гендера и языка. Мы определили ряд качеств, приписываемых стереотипному женскому образу, опираясь на анализ атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерной лексемой «woman», и обнаружили, что в данных словосочетаниях закреплены некоторые характерные черты, как, например, болтливость, пассивность, эмоциональность, заботливость и т. п. Проиллюстрируем примерами некоторые стереотипные прототипические женские качества:

1. Болтливость: gossip girl, flibbertigibbet, gossiper;
2. Придирчивость, сварливость, ворчливость: moaner, complainer, grumbler, whiner, nagger, whimper, grouch;
3. Капризность: capricious girl, whiner, whimper, complainer;
4. Вспыльчивость, шумливость: hoyden.

Анализ материалов подробно описан в нашем диссертационном исследовании, упомянутом ранее.

В данной статье с целью более детальной разработки проблемы стереотипного восприятия женского образа, лишь частично затронутой в нашей диссертации, мы выделили более расширенный спектр прототипических женских качеств, часто вступающих в противоречие друг с другом. Эти качества были выделены на основе результатов анализа атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерной лексемой «girl» с учетом описанных выше результатов научных изысканий зарубежных и отечественных ученых. Общее количество семантически различных словосочетаний с адъюнктами в препозиции и постпозиции составило 692. При этом некоторые словосочетания имели по несколько вхождений, так, например, «wee girl» имеет 15 вхождений, «thin girl» – 6.

Словосочетания были извлечены методом сплошной выборки, предполагающей рассмотрение всех текстов, включенных в Британский национальный корпус английского языка⁵, относящихся к различным временным периодам и жанрам.

Нами была проведена логико-семантическая классификация примеров, которая позволила определить, что атрибутивно-номинативные словосочетания с ядерной лексемой «girl» обнаруживают те же стереотипные прототипические качества, что и словосочетания с лексемой «woman», за исключением такого стереотипного женского качества, как «глупость». Наиболее показательными являются препозитивные адъюнкты ввиду их многочисленности по сравнению с постпозитивными. Они опосредуют следующие стереотипные качества:

1. Субтильность: [wee 15⁶, tiny 10, thin 6, slim 4, slender 3, slight 2, thinnest 2 и т. д.] girl.
2. Привлекательность: [pretty 87, beautiful 72, handsome 6, prettiest 5, elegant 2, beautiful 1, good-looking 7, best-looking 1, well-rounded 2 и т. д.] girl.
3. Пассивность, скромность: [innocent 8, quiet 7, shy 4, decent 3, gentle 3, modest 2 и т. д.] girl.
4. Эмоциональность:
 - a) положительные эмоции [happy 5, jolly 4, happiest 2, passionate 3 и т. д.] girl,
 - b) отрицательные эмоции [wretched 5, nervous 4, frightened 4, disturbed 3, desperate 3, sad 3, sullen 2, neurotic 2, miserable 2, anxious 2, mischievous 2, troubled 2, terrified 2, bored 1 и т. д.] girl,
 - c) нейтральные эмоции [impressionable 2, astonished 1 и т. д.] girl.
5. Вспыльчивость, шумливость: [wild 5, roaring 6 и т. д.] girl.
6. Добросердечность: [kind 10, fair 6, sensitive 5, loving 3, affectionate 2 и т. д.] girl.
7. Стервозность, неполадочность: [wicked 4, tough 4, greedy 3, bad-tempered 1 и т. д.] girl.
8. Капризность: [naughty 19, selfish 2, pampered 2 и т. д.] girl.
9. Болтливость, живость: [bubbly 5, good-time 5, care-free 2 и т. д.] girl.

Безусловно, вышеназванные качества не являлись исключительными в семантике адъюнктов, поскольку «стереотипность» не предполагает исключительности, но предполагает доминантную выделенность признака. Так, адъюнктами опосредовалось не только, например, такое качество, как «привлекательность», но и такое качество, как «уродливость»: [ugly 4, plain 3, bad-looking 1 и т. д.] girl, однако стереотипным его назвать нельзя, поскольку, с одной стороны, оно не было выделено как стереотипное коллегами-исследователями ранее, а с другой – не представлено примерами нашей выборки, достаточно многочисленными для того, чтобы мы могли сделать подобный вывод.

Логико-семантическая классификация, которой были подвергнуты словосочетания с препозитивными и постпозитивными адъюнктами после их извлечения, предполагала анализ узкого контекста использования каждого словосочетания с целью определения предполагаемого в каждом конкретном случае значения многозначных единиц. Так, словосочетание «pretty girl», номинирующее стереотипное прототипическое качество девочки / девушки «привлекательность», употреблено в следующих контекстах:

She's your boss, isn't she? Tall pretty girl with her hair in a plait today, eh? – Nell, I said. That's right. Isn't she your boss? (Она твой босс, не так ли? Высокая красивая девушка с волосами, заплетенными сегодня в косу, а? – Нелл, – сказал я. Верно. Разве она не твой босс?)

Her mother, Freda, separated from her husband, had to keep a 24-hour vigil. A personable and pretty girl was locked into a lifestyle (the videos, the soap operas, the Jumbo

Colouring Pads, mum's ancient friends) that would have bored a tortoise. (Ее матери Фриде, расставшейся с мужем, приходилось нести круглосуточное бдение. Представительная и симпатичная девушка вела образ жизни (видео, мыльные оперы, раскраски Джамбо, старые друзья мамы), который утомил бы и черепаху)⁸.

Изучение метафор в структуре концептуально-когнитивного фрейма «woman» с исходными гетерогенными семантическими доменами (анималистическими, глуттоническими, флористическими и др.) также позволило нам прийти к заключению о том, что в большинстве случаев они фиксируют негативные оценки женщины или сексуальную направленность отношения говорящих к предмету речи: seafood, dish, tart, cookie, honey, peach, bit of jam и др., закрепляя подобное отношение на уровне стереотипов⁹.

Мы также выяснили, что противоречивость и необъективность стереотипного восприятия нагляднее всего проявляются в феминной метафоре. Так, в одних метафорах женщина представлена как добыча, дичь, объект потребления, еда, а в других – как охотница, завлекающая мужчину, в одних – как жертва, в других – как разрушительница [4].

С целью расширения доказательной базы данной статьи мы рассмотрели метафорическую составляющую субфрейма «girl», раскрывающую стереотипные элементы языка, закрепленные в отношении молодой женщины, девушки, девочки. Безусловно, здесь сложно провести четкую грань, поскольку многие единицы могут быть использованы как при метафорической номинации женщины, так и при номинации девушки и девочки, что отражено в дефинициях соответствующих лексем: wench n. – a young woman or girl, especially a peasant girl [25] (девица, шлюха, любовница сущ. – молодая женщина или девушка, особенно крестьянка). Отметим, что на уровне стереотипов, как правило, закреплены именно когнитивные метафоры, поскольку они в основном не осознаются пользователями языка как вторичная номинация и, как и сам стереотип, воспринимаются как нечто имманентно присущее языку.

Материалом для исследования метафорической составляющей номинации девушки / женщины послужила сплошная выборка примеров из авторитетных лексикографических источников, таких как «The American Heritage Book of English Usage»¹⁰ и «The Official Dictionary of Unofficial English»¹¹ (Словарь английского языка «Американское наследие» и Официальный словарь неофициального английского языка). Логико-семантическая классификация позволи-

ла выделить источниковые (анималистические, глуттонические и флористические) и целевые домены метафоризации. Некоторые примеры попали в несколько категорий ввиду многозначности. Так, например, лексема «chick» применительно к молодой девушке не только номинирует ее привлекательность, но и говорит о пренебрежительно-потребительском к ней отношении. Согласно логико-семантической классификации примеров, нами были выделены следующие целевые семантические домены, номинирующие выделенные ранее стереотипные прототипические женские качества:

1. Привлекательность:

- peaches and cream (of a girl's complexion) – of a cream colour with downy pink cheeks (персиково-кремовый (о цвете лица девушки) – кремового цвета с розовыми щеками с пушком);
- belle – a popular, attractive girl or woman, especially the most attractive one of a group: the belle of the ball (красотка бала – популярная, привлекательная девушка или женщина, особенно самая привлекательная из группы: красотка бала);
- chick – a girl or young woman (цыпочка – девушка или молодая женщина);
- cover girl – an attractive young woman whose picture is featured on a magazine cover (девушка с обложки – привлекательная молодая женщина, чье фото изображено на обложке журнала);
- nymph – a girl, especially a beautiful one (нимфа – девушка, особенно красивая);
- sylph – a slim, graceful woman or girl (сильфида – стройная, грациозная женщина или девушка);
- Snow White – the name can be applied to a beautiful girl or woman with pale skin, black hair, and red lips (Белоснежка – это имя можно применить к красивой девушке или женщине с бледной кожей, черными волосами и красными губами).

2. Эмоциональность, живость:

- filly – informal: a lively, high-spirited girl (кобылка – неформально: живая, резвая девочка);
- gamine – girl or woman of impish appeal (девчонка-сорванец – девушка или женщина озорная и привлекательная);
- playgirl – a woman devoted to the pursuit of pleasurable activities (прожигательница жизни – женщина, стремящаяся жить в удовольствие);
- romp – one, especially a girl, that sports and frolics (сорвиголова – человек, особенно девушка, которая развлекается и резвится).

3. Вспыльчивость, шумливость, дерзость:

- baggage – an impudent or saucy girl or woman (плутовка, шалава – дерзкая или развязная девушка или женщина);
- hoyden – a high-spirited, boisterous, or saucy girl (оторвиголова – резвая, шумная или дерзкая девушка);
- hussy – a saucy or impudent girl (девка – дерзкая или вульгарная девушка);

– minx – a girl or young woman who is considered pert, flirtatious, or impudent (шалунья, распутница – девушка или молодая женщина, которую считают нахальной, кокетливой или дерзкой).

4. Добросердечность:

– girl Friday – an efficient and faithful woman aide or employee (девушка Пятница – деловитая и верная женщина-помощница или сотрудница);
– ingénue – an artless, innocent girl or young woman (простяга – бесхитростная, невинная девушка или молодая женщина).

5. Пассивный объект потребления, сексуальный контекст:

– pop someone’s cherry – informal: have sexual intercourse with a girl or woman who is a virgin, (лопнуть чью-то вишенку – неформально: вступить в половую связь с девушкой или женщиной, которая является девственницей);
– honey dip – a desirable girl or woman; a term of affection for a girl or woman («капля меда» – желанная девушка или женщина; термин, обозначающий привязанность к девушке или женщине);
– chick – a girl or young woman (цыпочка – девушка или молодая женщина);
– puss – a girl or young woman (кошечка – девушка или молодая женщина).

Анализируя опосредуемые метафорой женские качества в структуре фрейма «girl», нельзя не отметить некоторое противоречие, уже наблюдаемое нами ранее при исследовании вторичной номинации в структуре фрейма «woman», хотя и не в столь многочисленных случаях. С одной стороны, девушка / девочка описывается метафорой как пассивный объект потребления с явной сексуальной коннотацией, а с другой стороны, она – minx и hoyden – шаловливая и озорная распутница, а распутница сама привлекает мужчину-жертву.

Стереотипы как некие устоявшиеся нормы поведения, какими бы устойчивыми они ни были, также подвержены изменению. Существуют как временные, так и пространственные вариации. Думается, представительницы слабого пола не всегда рисовались в сознании индивидов как слабые и покорные в общении, по крайней мере, не в период матриархата, не всегда в период древнегреческой демократии и не всегда в период просвещения. Индивидуальные примеры иконических личностей также расшатывают стереотипы, например, сложно представить себе женщину, управляющую государством (а таких примеров история знает достаточно) робкой, застенчивой и молчаливой или же пустословной балаболкой.

Расшатывание стереотипов временем становится наглядным при диахроническом анали-

зе текстов Британского национального корпуса английского языка на предмет манифестации стереотипных воззрений. В последнее время женщин часто представляют успешными пользователями языка. Данный факт отражается в применении таких выражений, как wonderful speech, wise / soft / sweet words, interesting talk, pleasant / earnest conversation и др., в отношении пользователей языка женского пола. Это подтверждается и в исследованиях зарубежных ученых. Репрезентация женщин как образцовых пользователей языка является логичным следствием того, что «коммуникативное “мастерство” рассматривается как первостепенный навык в использовании языка с целью поддержания хороших межличностных отношений» [10: 451]. Помимо этого, подобная тенденция воспринимать женщин как успешных коммуникантов связана с тем, что в XXI веке акцент в исследованиях часто делается на традиционно «приватные» речевые жанры, например разговоры о личных чувствах и проблемах, а «чувства и личные отношения культурологически воспринимаются как женские домены» [10: 451].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные нами данные анализа текстов Британского национального корпуса английского языка и авторитетных лексикографических источников на предмет генерализаций в первичной и вторичной номинации лиц женского пола также помогли нам выявить ряд противоречий в распространенных «суждениях». Наиболее представленными оказались следующие семантические группы признаков в первичной номинации: subtilность; привлекательность; пассивность, скромность; эмоциональность; добросердечность; стержность; непорядочность; капризность; болтливость; живость – в отношении девушки / девочки и, согласно данным проведенного нами ранее исследования, болтливость, пассивность, эмоциональность, заботливость и т. п. – в отношении женщины. В результате проведенного анализа атрибутивных лексем в первичной номинации, а также с учетом ранее полученных результатов в спектре наиболее часто приписываемых женщине качеств можем выделить следующие антонимические пары: пассивность – эмоциональность; стержность – добросердечность, заботливость; болтливость, капризность – скромность. Метафорические средства вторичной номинации женщин обнаруживают наиболее явное противоречие в спектре приписываемых качеств целевых доменов «пассивный объект потребления» – «дерзкая обольстительница».

Неоднородность и противоречивость данных, свидетельствующих в пользу и против стереотипов, отсутствие единого мнения у ученых относительно предвзятости или справедливости того или иного утверждения, а также подвижность стереотипов говорят о том, что стереотипы да-

леко не всегда являются объективной генерализацией опыта, а также не всегда соответствуют меняющимся реалиям времени, являясь тем не менее заметным регуляторным механизмом индивидуального и коллективного восприятия женского образа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Демьянков В. З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997. С. 177.
- ² Коноплева Н. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 65.
- ³ Мурашова Л. П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГУ, 2018. 189 с.
- ⁴ Здесь и далее цитаты из иностранных источников приведены в переводе автора статьи.
- ⁵ BNC – British National Corpus (BNC) – English-Corpora.org Electronic resource, available at: British National Corpus (BNC) (english-corpora.org). Access dates from 02.01.2022 to 10.02.22.
- ⁶ Здесь и далее цифра после лексемы обозначает количество вхождений словосочетания в BNC (Британский национальный корпус).
- ⁷ Источник, указанный BNC: The edge. Francis, Dick. London: Pan Books Ltd, 1989. P. 82–190. 2650 s-units.
- ⁸ Источник, указанный BNC: [Guardian, elect. edn. of 19891220]. World affairs material, 940 s-units.
- ⁹ Мурашова Л. П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке... С. 134.
- ¹⁰ The American Heritage Book of English Usage: A Practical and Authoritative Guide. Houghton Mifflin Harcourt, 1996. 304 p.
- ¹¹ Barrett G The Official Dictionary of Unofficial English, McGraw Hill Professional, Language Arts & Disciplines, 2010. 288 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголева Е. Н. Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 77–86. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7
2. Копоть Л. В. Прагмалингвистические особенности репрезентации гендерных стереотипов в рекламном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 2 (237). С. 34–40.
3. Леонтьева А. А., Мартынюк А. П. Стереотипы мужских и женских качеств в речи авторов – мужчин и женщин. Харьков: ХГУ, 1989. 9 с.
4. Мурашова Л. П., Правикова Л. В. Эротизация как основа женской метафоры в английском языке // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 89–98.
5. Остапенко А. Б. Гендерные стереотипы как основа асимметрии гендерной системы общества // Альманах современной науки и образования. 2011. № 1. С. 120–122.
6. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.
7. Чумакова Т. Н., Жиренко Д. И. Гендерные стереотипы и их влияние на формирование у современной молодежи представлений о брачном партнере // Становление психологии и педагогики как междисциплинарных наук: Сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 26 ноября 2019 г.). Стерлитамак: АМИ, 2019. С. 159–161.
8. Brown P. How and why women are more polite: Some evidence from a Mayan community // Women and language in literature and society. (S. McConnell-Ginet, N. Borker, R. Thurman, Eds). New York: Praeger, 1980. P. 111–136.
9. Cameron D. Feminism and linguistic theory. 2nd edn. London: Macmillan, 1992. 247 p.
10. Cameron D. Gender and language ideologies // The Handbook of Language and Gender. (J. Holmes, M. Meyerhoff, Eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 447–467.
11. Fishman P. Interaction: The work women do // Language, gender and society. (B. Thorne, C. Kramarae, N. Henley, Eds.). 1983. P. 89–102.
12. Holmes J. Women, men and politeness. London: Longman, 1995. 254 p.
13. Jespersen O. Language, its nature, development and origin. London: G. Allen and Unwin, 1922. 448 p.
14. Jordan G., Weedon C. Cultural politics: Class, gender, race, and the postmodern world. Oxford: Basil Blackwell, 1995. 624 p.
15. Kotek H., Dockum R. et al. Gender bias and stereotypes in linguistic example sentences // Linguistics. 2021. Vol. 97, No 4. P. 1–45.
16. Labov W. The social stratification of English in New York City. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
17. Lakoff R. Language and woman's place. (M. Bucholtz, Ed.). New York: Harper & Row, 2004. 83 p.

18. Mattias L., Mats D., Anders S. An exploratory study on linguistic gender stereotypes and their effects on perception // *Open Linguistics*. 2020. Vol. 6, No 1. P. 567–583.
19. Millroy L. *Language and social networks (language in society)*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 232 p.
20. O'Barr W., Atkins B. "Women's language" or "powerless language"? // *Women and language in literature and society*. (S. McConnell-Ginet, N. Borker, R. Thurman, Eds.). New York: Praeger, 1980. P. 93–110.
21. Spender D. *Man made language*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. 268 p.
22. Strand E. Uncovering the role of gender stereotypes in speech perception // *Journal of Language and Social Psychology*. 1999. Vol. 18, No 1. P. 86–99.
23. Talbot M. Gender stereotypes: Reproduction and challenge // *The handbook of language and gender*. (J. Holmes, M. Meyerhoff, Eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 468–486.
24. Tannen D. *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Morrow, 1990. 330 p.
25. Trudgill T. Sex, covert prestige and linguistic change in the urban. British English of Norwich. Department of Linguistic Science, University of Reading // *Language in society*. Cambridge: Cambridge University press, 1972. Vol. 1. Issue 2. P. 179–195.
26. Williams J., Bennet S. The definition of sex stereotypes via the adjectives check list // *Sex roles*. 1975. Vol. 1. P. 327–337.

Поступила в редакцию 11.02.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Lyudmila P. Murashova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)
L-P-Murashova@mail.ru

STEREOTYPES OF WOMEN'S PERCEPTION IN THE XX–XXI CENTURY ENGLISH STUDIES: CONTRADICTIONS AND SUBJECTIVITY

Abstract. The relevance of this work is determined by the identified issues aimed at studying the role of language stereotypes in the construction of the image of a woman rooted in general social and cultural practice of native English speakers. The purpose of this article is to analyze the gender stereotype as an object of linguistic and cognitive research, to summarize the principles and results of studies of gender stereotypes in the English studies, as well as to assess the impact of stereotypical thinking on a woman's perception. In accordance with the goals set in this article, we summarize the works of a number of foreign scholars on gender stereotypes, reconstruct the overview of the problem with the help of their comparative analysis. We also attempt to prove the inconsistency and bias of the stereotypical perception of women in the English language by singling out pairs of antonymic stereotypical female and male qualities noted by various researchers at different times. Proving the inconsistency and bias of stereotyped perception, we also rely on the combined results of the previous semantic analysis of attributive-nominative phrases with the core lexeme "woman" and a similar analysis with the lexeme "girl" presented in this article. We also take into account the semantic analysis of secondary nomination units expressing the stereotypical prototypical qualities of a woman. The study is based on the texts of the British National Corpus of the English language and a selection of examples from authoritative lexicographic sources.

Keywords: gender in language, gender in speech, gender stereotypes in language, woman in the English-language culture, stereotypes and objectivity

For citation: Murashova, L. P. Stereotypes of women's perception in the XX–XXI century English studies: contradictions and subjectivity. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.907

REFERENCES

1. Gogoleva, E. N. Gender stereotypes in television commercials as a gender inequality reflection. *Woman in Russian society*. 2019;1:77–86. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7 (In Russ.)
2. Kopot, L. V. Pragmalinguistic features of representation of gender stereotypes in an advertising discourse. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*. 2019;2(237):34–40. (In Russ.)
3. Leontyeva, A. A., Martynyuk, A. P. Stereotypes of masculine and feminine qualities in the speech of the authors – men and women. Kharkov, 1989. 9 p. (In Russ.)
4. Murashova, L. P., Pravikova, L. V. Erotization as the basis of female metaphor in the English language. *Language and Culture*. 2014;4(28):89–98. (In Russ.)
5. Ostapenko, A. B. Gender stereotypes as the basis for the asymmetry of the society gender system. *Almanac of Modern Science and Education*. 2011;1:120–122. (In Russ.)
6. Ryabova, T. B. Gender stereotypes and gender stereotyping: methodological approaches. *Woman in Russian society*. 2001;3–4:3–12. (In Russ.)

7. Chumakova, T. N., Zhirenko, D. I. Gender stereotypes and their influence on the formation of ideas about a marriage partner among the modern youth. *Formation of psychology and pedagogy as interdisciplinary sciences: Proceedings of the research and practice conference*. Sterlitamak, 2019. P. 159–161. (In Russ.)
8. Brown, P. How and why women are more polite: Some evidence from a Mayan community. *Women and Language in Literature and Society*. (S. McConnell-Ginet, N. Borker, R. Thurman, Eds.). New York, 1980. P. 111–136.
9. Cameron, D. *Feminism and linguistic theory*. 2nd ed. London, 1992. 247 p.
10. Cameron, D. Gender and language ideologies. *The handbook of language and gender*. (J. Holmes, M. Meyerhoff, Eds.). Oxford, 2003. P. 447–467.
11. Fishman, P. Interaction: The work women do. *Language, gender and society*. (B. Thorne, C. Kramarae, N. Henley, Eds.). 1983. P. 89–102.
12. Holmes, J. *Women, men and politeness*. London, 1995. 254 p.
13. Jespersen, O. *Language, its nature, development and origin*. London, 1922. 448 p.
14. Jordan, G., Weedon, C. *Cultural politics: Class, gender, race, and the postmodern world*. Oxford, 1995. 624 p.
15. Kotek, H., Dockum, R. et al. Gender bias and stereotypes in linguistic example sentences. *Linguistics*. 2021;97(4):1–45.
16. Labov, W. *The social stratification of English in New York City*. Cambridge, 2006. 485 p.
17. Lakoff, R. Language and woman's place. (M. Bucholtz, Ed.). New York, 2004. 83 p.
18. Mattias, L., Mats, D., Anders, S. An exploratory study on linguistic gender stereotypes and their effects on perception. *Open Linguistics*. 2020;6(1):567–583.
19. Millroy, L. *Language and social networks (language in society)*. 2nd ed. Oxford, 1987. 232 p.
20. O'Barr, W., Atkins, B. "Women's language" or "powerless language"? *Women and language in literature and society*. (S. McConnell-Ginet, N. Borker, R. Thurman, Eds.). New York, 1980. P. 93–110.
21. Spender, D. *Man made language*. London, 1980. 268 p.
22. Strand, E. Uncovering the role of gender stereotypes in speech perception. *Journal of Language and Social Psychology*. 1999;18(1):86–99.
23. Talbot, M. Gender stereotypes: Reproduction and challenge. *The handbook of language and gender*. (J. Holmes, M. Meyerhoff, Eds.). Oxford, 2003. P. 468–486.
24. Tannen, D. *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York, 1990. 330 p.
25. Trudgill, T. Sex, covert prestige and linguistic change in the urban. British English of Norwich. Department of Linguistic Science, University of Reading. *Language in society*. Cambridge, 1972. Vol. 1. Issue 2. P. 179–195.
26. Williams, J., Bennet, S. The definition of sex stereotypes via the adjectives check list. *Sex Roles*. 1975;1:327–337.

Received: 11 February 2022; accepted: 31 March 2023

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА БАЗЫЛЕВА

преподаватель кафедры русского языка
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала
Советского Союза А. М. Василевского
(Смоленск, Российская Федерация)
djulia.bazylewa@yandex.ru

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО «СТИХОТВОРЕНИЙ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ» В. С. БАЕВСКОГО

А н н о т а ц и я . На примере «Стихотворений двух тысячелетий» анализируется автобиографическое начало лирики смоленского литературоведа и писателя В. С. Баевского. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью творческого наследия филолога, а также отсутствием анализа его стихотворений с точки зрения автобиографического начала. Цель работы – рассмотреть особенности проявления автобиографического начала в лирике Баевского. Используются биографический, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы исследования. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что автобиографическое начало реализуется в сюжете, на уровне системы образов и обработки жизненного материала. Это позволяет воссоздать реальных личностей (из сферы науки и литературы), не только автобиографические, но и исторические эпизоды. Для лирики Баевского свойственно фиксирование, документальное свидетельство написанного, которое проявляется в указании конкретного места, «автобиографического пространства» и времени. В стихотворениях нашло отражение архивное наследие Баевского (эпистолярный, дневниковый), посредством которого стало возможным реконструировать ситуацию общения писателя и его адресатов. Лирика, в которой обнаруживается автобиографическое начало с опорой на документальные свидетельства, обладает дневниковым, исповедальным характером. Благодаря наличию литературных подтекстов и стилизаций лирика приобретает обобщенное звучание.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. С. Баевский, автобиографическое начало, документальность, человеческий документ, исповедальность, дневник, образ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Базылева Ю. С. Автобиографическое начало «Стихотворений двух тысячелетий» В. С. Баевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.896

ВВЕДЕНИЕ

Смоленский филолог Вадим Соломонович Баевский (1929–2013) известен как литературовед, который одним из первых не только в Советском Союзе, но и в мире применил математические методы к исследованию литературы. Он оставил большое творческое наследие, недооцененное исследователями.

В послесловии к книге «Стихотворения двух тысячелетий» Баевский признавался: «Сколько я себя помню, я пишу стихи»¹. В третьем классе он написал поэму «Полтава», половина стихов из которой принадлежала ему, другая половина – А. С. Пушкину. Показав свое творение матери, юный писатель не получил ожидаемой похвалы. Женщина отшлепала сына, дав наказ «не смей фамильярно обращаться с классиком» (122). В 1942 году, будучи беженцем в Ашхабаде, Баевский начал вести дневник в стихах, который пропал в 1944-м.

Свою лирику Баевский публиковал трижды: отдельными книгами «Стихотворения 1941–2003 годов» (2004) и «Стихотворения двух тысячелетий» (2012), а между ними – в составе «Романа одной жизни» (2007) как отдельную, заключительную главу части «События». В предложенном исследовании рассматривается последнее издание лирики, в состав которого вошли стихотворения, элегии, послания, эпиграммы, дарственные надписи, некоторые традиционные строфические формы (сонет, верлибр), а также переводы (общий объем – 82 текста).

Особенностями лирики В. С. Баевского, как и прозы, является автобиографическое начало. Оно реализуется, во-первых, на уровне системы образов и обработки жизненного материала в сюжете, воссоздающих реальных личностей и воспроизводящих исторические и автобиографические эпизоды. Во-вторых, в указании

конкретного места, «автобиографического пространства» и времени действия. Опираясь на исследование В. Дильтея, отметим, что автобиография представляет «осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму выражения <...> Только оно делает возможным историческое видение» [2: 140]. Вслед за Г. И. Романовой одной из особенностей автобиографизма назовем «изображение процесса духовно-нравственного развития личности автора» [7: 195–196], проявляющееся в осмыслении прошлого. В-третьих, при обращении к документальным материалам как источнику фактуального повествования, представляющего «нарративную противоположность литературному вымыслу (“фикционального текста”» [3: 32]. Опора на исторические факты и реалии – писательское кредо Баевского. Ученый признавался, что ручается за достоверность своих воспоминаний: «Я позволяю себе писать только на основе документов <...> – дневника и писем»². Примечательно, что в эго-текстах Баевского раскрывается специфика историко-культурного контекста, оказывающего влияние на его творчество. Архивные материалы, представляющие «записи для себя», важны не только как источники автобиографических сведений (характеризующих автора и «его взаимоотношения с окружающим миром» [11: 4]), но и как доказательство «перевоплощения» жизненного материала, то есть «движение от дневника к мемуарам» [6: 267], представленным в виде мемуарно-автобиографического романа и лирики.

Написанным стихотворениям В. С. Баевский дает оценку «человеческого документа»: «Мои стихи имеют право на внимание как человеческий документ в понимании французских писателей-натуралистов, Золя и Гонкуров» (123). Мария Рубинс в книге «Русский Монпарнас» отмечает, что особенность «человеческого документа» в том, что он «сосредоточился на субъективном психологическом аспекте отдельной личности, на “здесь и сейчас” человеческих чувств и на основных экзистенциальных переживаниях» [8: 35].

* * *

Лирика Баевского концентрирует немало реальных деталей из жизни поэта и отчасти пересекается с его автобиографической прозой, в частности с «Романом одной жизни». Так, первое стихотворение «Надо мною небо и небо...» (июль 1941 года, Волга) впервые упомянуто в главе «Ржавый» романа. В основе стихотворения – реальный факт биографии филолога. Одиннадцатилетний Баевский (дворовое прозвище – Ржавый) придумывает стихотворение в эшелоне, увозя-

щем людей из подвергшегося бомбежке Киева в эвакуацию через Волгу. Увиденная картина вызвала в душе Ржавого сильное впечатление, в результате которого и родилось стихотворение: «Сам того не понимая, Ржавый сочиняет стихи. Это не он придумывает, их сложила Волга»³. Образ Ржавого возникает в стихотворении «У всех пути в искусстве разные», в котором Баевский пытается определить свою литературную судьбу. Обратим внимание, датировка стихотворения «27 июня 1993, воскресенье, 0.23 мин» указывает на первую публикацию повести «Ржавый» в журнале «Край Смоленский»⁴. С момента этой публикации Баевский начинает осознавать себя как писателя. В стихотворении он пробует поставить и увидеть героя в разных исторических и литературных рядах мастеров слова: А. И. Полежаев, В. Н. Ажаев, К. Ф. Рылеев, Н. Н. Асеев, но приходит к выводу, что это невозможно. У каждого свой путь в литературе, потому что поэзия – всегда творческий поиск. Задаваясь вопросом: «Что ждет его на этом свете?» (37), он предполагает: «Уж верно не цветы, а плети» (37). Это говорит о том, что в роли писателя Баевский предчувствует свою отверженность.

Автобиографическое начало заметно в стихотворении «И все же иногда приходит грусть». В нем выражено сожаление о потерянном детстве, «расстрелянном порохом и сталью» (8). При этом через свою судьбу Баевский показывает судьбу всего народа, пережившего Великую Отечественную войну. Помимо личных переживаний он испытывает боль за всех, кому пришлось стать участниками этой войны: «...сердца теперь закалены как сталь» (8). В этом стихотворении Баевский близок позиции А. А. Ахматовой, которая в «Реквиеме» писала: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был»⁵. Весь XX век назван Баевским холодным и пустым, потому что жизнь «все отбирает, / ничего не давая взамен» (8). Это вызывает у писателя негодование, отсюда и призыв: «Пусть в агонии мир погибает / под громадой обрушенных стен» (8). Землю (в стихотворении – образ корабля) покинут люди (экипаж), и без населения, без столиц Земля будет вечно и свободно скитаться в «безбрежном пространстве» (9), подобно знаменитому призрачному «Летучему Голландцу». Последний образ – отсылка к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль».

Автобиографическое, личное начало задает тон в центральном, на наш взгляд, стихотворении «Старость? Время утрат». В своей жизни Баевский выделяет семь главных вех – эпох, трепетно хранящихся в его душе:

«Одесса, / она же эпоха папы с мамой и бабушкой. / Вторая мировая война. / Эпоха Пастернака. / Эпоха Бориса Яковлевича, / Соломона Абрамовича, / Лидии Яковлевны и / Юрия Михайловича. / Эпоха Давида Самойлова. / Эпоха Алика и Шуры. / Эпоха кафедры истории и теории литературы» (92).

Первая – эпоха папы с мамой и бабушкой – довоенное детство в Одессе. Вторая эпоха связана с увиденным и пережитым в начале Второй мировой войны, с дальнейшей эвакуацией в Ашхабад.

Третья эпоха связана с судьбоносным знакомством Баевского с Б. Л. Пастернаком. В журнале «Знамя» он прочел подборку стихотворений Пастернака, которые произвели на него такое глубокое впечатление, что он написал статью об этих стихах. Не веря в возможность ее публикации, копию он отослал самому поэту, а через несколько дней неожиданно получил ответ. Через два года Пастернаку присудили Нобелевскую премию, что «вызвало злобную травлю великого писателя со стороны руководства компартии и государства, литераторов и оболваненных обывателей» [1: 62–63]. Баевский, беспокоясь за духовное состояние писателя, решил поддержать его, отправившись в Переделкино. Творческое наследие Пастернака находилось в центре научных интересов Баевского: он рассматривал фундаментальные вопросы поэтической системы, отказался от ранее установленных положений (например, «выступил против представления о Пастернаке как о поэте случайных ассоциаций»⁶).

Четвертая эпоха обозначена именами четырех ученых – Б. Я. Бухштаба, С. А. Рейсера, Л. Я. Гинзбург и Ю. М. Лотмана. Трое первых принадлежат к поколению «младших формалистов» (русскую формальную школу Баевский ценил необыкновенно высоко, считал себя ее последователем), Лотман – ярчайший представитель русского структурализма. Каждому из упомянутых персон Баевский посвятил отдельный очерк в «Романе...», где подробно изложил историю своего знакомства, дружбы и сотрудничества.

Пятая – эпоха Д. С. Самойлова. Она ознаменована годами дружбы и тесного сотрудничества ученого с поэтом, в результате чего осталось богатое эпистолярное наследие (фрагментарно отраженное в «Романе...»). Заметим, что в ходе переписки с Самойловым рождались целые стихотворения. Так, «Рондо Самойлову в ответ на его сонет» написано в качестве ответа на письмо с сонетом Самойлова. Баевский «принял решение ответить не сонетом, а стихотворением другой формы, и выбрал рондо»⁷, отметив в своем дневнике: «Я почти уверен,

что на мое рондо Самойлов ответит триолетом»⁸. Правда, Самойлов вновь прислал ученому сонет, а Баевскому в ответ пришлось писать триолет. Так появился следующий за «Рондо...» «Триолет Давиду Самойлову».

Шестая – эпоха Алика (А. Л. Дорфман) и Шуры (А. М. Шендерович). Это эпоха друзей детства Баевского (писатель познакомился с ними в эвакуации в Ашхабаде, когда ему было 12 лет), их государства ШАД (Шура + Алик + Дима). Никто из них тогда и подумать не мог, что «мы трое рядом пройдем всю дорогу сквозь этот негостеприимный двадцатый <...> Алик похоронит Шуру, а я похороню Алика»⁹.

Седьмая – эпоха кафедры истории и теории литературы. С 1989 года Баевский не просто возглавлял кафедру истории и теории литературы в Смоленском государственном педагогическом институте, он фактически ее создал: весь преподавательский состав составляли ученики Баевского. Отметим, что стихотворение имеет посвящение – И. В. Романовой – ученице Баевского. По воспоминаниям Романовой, профессор вручил ей стихотворение в сложный период ее жизни (в 2001 году после тяжелой болезни не стало ее отца), от руки подписав посвящение, с которым в дальнейшем стихотворение и публиковалось.

Эпохи, названные именами реальных людей, с которыми Баевский был знаком, лишь однажды писатель соотносит с историческим событием – Второй мировой войной. В остальных пяти случаях эпохи связываются в его сознании с людьми, еще один случай – с кафедрой, но она также связана с людьми, в первую очередь его учениками. На основе этого можно предположить, что семантическая валентность лексемы «эпоха» сосредоточена в антропологической проекции и формирует идеологему «эпоха – человек», которая реализуется в образах и сюжете верлибра. Заданные Баевским образы и сюжет раскрывают эпохальную значимость и многомерность человеческой личности и жизни.

Обратим внимание на возникший в стихотворении образ памяти: «старое-старое запущенное кладбище. Скудельница. Погост» (92). Все эти образы – синоним одного – место захоронения воспоминаний писателя. В этом определении содержится аллюзия на знаменитое стихотворение Б. Л. Пастернака «Душа моя, печальница...», где душа предстает в таких же кладбищенских образах, так же названа «скудельницей».

Воспоминания составляют не только люди и события, но и географические объекты – «автобиографическое» пространство, где разворачиваются события жизни Баевского:

«Сан-Франциско / С его Мостом Золотых Ворот. / Киев / С его Золотыми Воротами. / Тарту – по самой сути своего имени город утрат. / Дрезден / с его картинной галереей / и долиной, где Эльба шумит. / Чистяково / с его терриконами и непролазной грязью» (91–92).

Киев сохранился в памяти писателя как город, в который он вернулся после войны и поступил в институт; Чистяково – шахтерский поселок, в который попал по распределению после окончания университета и где отработал школьным учителем одиннадцать лет. Об этом периоде написана повесть Баевского «Центральный поселок» (2008 год). Тарту – город Лотмана, где Баевский защитил докторскую диссертацию; Сан-Франциско, Дрезден, Нью-Йорк, Париж и Санкт-Петербург – города, куда Баевский вместе с женой Э. М. Береговской приезжал на научные симпозиумы и конференции, а затем, пользуясь возможностью, осматривал местные достопримечательности. Помимо этого, в Петербурге долгое время жила дочь Баевского до отъезда в Америку, в Нью-Йорке – внук. Санкт-Петербург – город Б. Я. Бухштаба, С. А. Рейсера, Л. Я. Гинзбург.

Таким образом, выделенные эпохи и географические объекты отображают знаковые моменты из жизни автора, связанные с местами и людьми, историческими событиями, которые в совокупности определили судьбу Баевского.

В «Стихотворениях...» часто встречаются имена представителей литературы и науки, включенные не только в контекст уникальной судьбы Баевского, но и в контекст советской реальности. Мы упоминали, что Баевский являлся последователем идей формальной школы. 1980-е годы были сложными для формалистов, они, как отмечает Д. М. Сегал, оказались «в политической оппозиции к новой власти» [10: 78]. Подход к исследованию языка как семиотической системы в нашей стране критиковался за формализм, а термин «семиотика» заменялся понятием «вторичные моделирующие системы» [5: 206], поэтому не получал идеологической поддержки и одобрения. Баевского такая ситуация не устраивала, он был убежден, «что наука – это материк истинной демократии, свободы»¹⁰. Формалисты «превыше знаний и регалий» (66), по мнению Баевского, ставили «души и умы» (66). Обратим внимание на две последние строки первой строфы: «В одних журналах нас ругали, / Упреки те же слышим мы» (66) – повтор стихотворной строки из стихотворения «Дельвигу» А. С. Пушкина. Для А. А. Дельвига литературное единомыслие с Пушкиным обернулось тем, что в печати ходили слухи, будто стихи Дельвига – мистификация (половина принадлежит А. С. Пушкину, вторая половина – Е. А. Баратын-

скому). Баевский лишь надеется, что «Завзятые восьмидесятые / Авось не dokonают нас» (66).

Последнее десятилетие существования советской власти Баевский характеризует как «завзятые восьмидесятые». Этот образ возникает в четырех идущих друг за другом стихотворениях (три из них написаны 26 мая 1981 года). Связан он в первую очередь с усугубившимся космополитизмом в научных кругах, цензурой, невозможностью свободно заниматься исследовательской деятельностью, о чем Баевский рассказывал коллегам-ученым. В стихотворении «З. Минц, М. Лотману» он пишет: «Найдутся судьи непредвзятые / И разберут, страшной года какие: / Сороковые роковые / Или завзятые восьмидесятые» (63). «Завзятые восьмидесятые» сравниваются с «роковыми сороковыми» – образом, впервые возникшим в стихотворении «Сороковые» Д. С. Самойлова. Восьмидесятые выражают иное, отличное от военного, «страшное» сороковых. Баевский предлагает осмыслить, «страшной года какие», подразумеваемая экзистенциальное переживание современности.

Главная задача цензуры сводилась не только к устрашению пишущих, но и к «воспитанию писателей-конформистов и изоляции неугодных власти авторов» [4: 48]. Два сонета, объединенные под названием «Близнецы», написаны в 1993 году как зафиксированное свидетельство эпохи – указаны датировка и время («5 февраля 1993 23 часа 53 минуты» (34); «6 февраля 1993, суббота, 1.42 ночи» (35)). Они провозглашают отмену цензуры и свободу печати: «Но сгнули мучители-невежды. / Любовь, душа, доверие, надежды, / Мечты, и самиздат, и тамиздат / На полках тесно стали в строгий ряд» (35). Это событие стало торжеством ученого и писателя.

Ряд стихотворений отражает реакцию Баевского на литературные события. Так, в стихотворении «Тропой, проселком, большой дорогой», написанном 7 февраля 1988 года, Баевский запечатлевает торжественное для литературы страны, для себя как исследователя творчества Б. Л. Пастернака событие – первую публикацию в СССР романа «Доктор Живаго», для которого «нашлась наконец бумага» (20). Стихотворение «Знамена потеряны нами...» (15 августа 1946 года), воспроизводящее настроение «мировой скорби», характерное для мироощущения романтиков, навеяно Постановлением «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (вышло 14 августа 1946 года). Оно способствовало исключению А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко из Союза писателей СССР: отмечалось, что Зощенко «специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости

и аполитичности» [9: 273], а Ахматова названа «представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» [9: 622].

В стихотворениях последних десятилетий усиливается мотив одиночества героя Баевского, связанный с уходом близких друзей, коллег, членов семьи: «Один за другим, кто старше, кто моложе, гибнут друзья. / Иногда и похоронить нельзя. / Другой раз хороню. И иду вперед» (44). В стихотворении «Ни бороды, ни зубов, ни лысины» поэт ощущает не только то, что остался один, а то, что находится на пороге смерти. Экзистенциальность ситуации усиливается мистическим страхом, который переживает герой, видя гостью, заглядывающую ему в лицо. Присутствие потусторонней силы в образе гостыи напоминает о беспомощности человека перед предстоящей неизбежностью кончины и последующим Божиим судом. И на этой границе жизни и смерти герой, представленный в образе школьника, просит «приготовить еще раз уроки» (23), чтобы Бог, «Радость моя / Самый строгий и милосердный / Наш Учитель и Судия» (23), не поставил ему двойку.

Авторское мировоззрение в конце жизни приобретает исповедальность, выражающуюся в обращении к Богу: «И, представ перед ликом Бога / С простыми и мудрыми словами, / Ждать спокойно Его суда» (90). Прочитрованные строки взяты из стихотворения «Мои читатели», написанного по «бытовому» поводу. Коллеги и ученики Баевского часто брали из его личной библиотеки книги и не возвращали. Тогда он на дверях кафедры повесил листок с этим стихотворением, варьирующим знаменитое стихотворение «Мои читатели» Н. Гумилева. Лирический финал переводит шуточный текст о невозвращенных книгах в регистр памяти культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Являясь непосредственным свидетелем событий исторического, литературного масштаба, Баевский создает лирические произведения, основанные на реальных фактах. Так, функцию документальных свидетельств в «Стихотворениях...» выполняют посвящения, точные датировки, указания места, упоминания невыдуманных исторических событий, явлений общественной и культурной жизни XX–XXI веков, а также обращения к эпистолярному архиву и дневниковым записям. Автор рассказывает о проблемах, с которыми он и его поколение столкнулись в реальности: война, эвакуация, перестройка, цензура. Биография поэта находит отражение не только в упоминании пережитых событий, но и в ономастическом пространстве его поэтических произведений. Имена ученых (З. Г. Минц, Ю. М. Лотман) и писателей (Б. Л. Пастернак, Д. С. Самойлов) представляют собой «культурный контекст» современной Баевскому эпохи, имеют особое значение в его жизни. В лирике рассказ о своей жизни приобретает обобщенное, универсальное звучание благодаря литературным подтекстам (Б. Л. Пастернак, Н. С. Гумилев) и стилизациям (М. Ю. Лермонтов).

Реальная биография поэта и литературоведа «вычерчивается» в его поэтическом творчестве через такие географические маркеры, как Киев, Одесса, Тарту, Смоленск. Писатель наделяет своего героя не только биографическими данными, но и личным духовным опытом, что придает лирике дневниковый, исповедальный характер. Символично название, подобранное Баевским для своей книги стихотворений. Слово «тысячелетия» заставляет задуматься об историческом процессе и памяти культуры, позволяет писателю осмыслить прошлое, показать его связь с настоящим благодаря культурным знакам, прежде всего из сферы литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баевский В. С. Стихотворения двух тысячелетий. 3-е изд., пересм., испр. и доп. Смоленск: Свиток, 2012. С. 122. Далее текст цитируется по этому изданию. Номера страниц указаны в скобках.
- ² Баевский В. С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 11.
- ³ Там же. С. 47.
- ⁴ Баевский В. С. Ржавый // КС. 1993. № 5–6. С. 116–144; № 7. С. 158–181.
- ⁵ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2010. С. 341.
- ⁶ Curriculum vitae: Полный список опубликованных работ профессора В. С. Баевского / Ред.-сост. Л. В. Павлова, И. В. Романова. Смоленск: Маджента, 2009. С. 12.
- ⁷ Баевский В. С. Роман одной жизни... С. 283.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Curriculum vitae: Полный список опубликованных работ профессора В. С. Баевского... С. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баевский В. С. Пастернак: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 1997. 112 с.
2. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.

3. К а с п э И. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 48 с.
4. К у с т о в а А. В. Советская цензура детской литературы на примере произведений К. И. Чуковского // Вестник Московского университета печати. 2005. № 8. С. 45–48.
5. Л о т м а н Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Акад. проект, 2002. 542 с.
6. П а в л о в а Л. В., Р о м а н о в а И. В. Литературная и внелитературная реальность «Романа одной жизни» Вадима Баевского // Литературные знакомства. 2020. № 48. С. 255–268.
7. Р о м а н о в а Г. И. Автобиографические жанры // Литературная учеба. 2003. № 6. С. 195–199.
8. Р у б и н с М. Русский Монпарнас: парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 325 с.
9. С а р н о в Б. Сталин и писатели. Книга первая. М.: Эксмо, 2009. 832 с.
10. С е г а л Д. М. Пути и вехи: русское литературоведение в двадцатом веке. М.: Водолей, 2011. 207 с.
11. Rutz A., Elit S., Kraft S. Egodocumenten. A virtual conversation with Rudolf M. Dekker // *Zeitenblicke*. 2002. Vol. 1, № 2. P. 1–28.

Поступила в редакцию 30.09.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Yulia S. Bazyleva, Lecturer, Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky (Smolensk, Russian Federation)
djulia.bazylewa@yandex.ru

AUTOBIOGRAPHICAL ASPECT OF VADIM BAYEVSKY'S POEMS OF TWO MILLENNIA

Abstract. The article analyzes the autobiographical aspect of the lyric poetry of a Smolensk literary critic and writer V. S. Bayevsky using the example of the book entitled *Poems of Two Millennia*. The relevance of the proposed research is due to the insufficient study of Bayevsky's creative heritage, as well as the lack of analysis of his poems from the autobiographical perspective. The purpose of the work is to study the peculiarities of the autobiographical principle manifestation in Bayevsky's lyric poems. Biographical, cultural-historical, and comparative methods were used for the research. The analysis led to the conclusion that the autobiographical principle is embodied in the plot, at the level of the system of images and processing of life material. This allows us to recreate real personalities (from the sphere of science and literature), as well as autobiographical and historical episodes. Bayevsky's lyric poetry is characterized by fixation or providing documentary evidence for what is written, which is manifested in the indication of a specific place, "autobiographical space" and time. The poems reflect Bayevsky's archival heritage (letters and diaries), through which it became possible to reconstruct the situation of communication between the writer and his addressees. The lyric poetry, which contains autobiographical elements based on documentary evidence, has a confessional nature similar to that of a diary. Thanks to literary subtexts and stylizations, the lyric poems acquire generalized character.

Key words: V. S. Bayevsky, autobiographical aspect, documentality, human document, confession, diary, image

For citation: Bazyleva, Yu. S. Autobiographical aspect of Vadim Bayevsky's *Poems Of Two Millennia*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):86–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.896

REFERENCES

1. Bayevsky, V. S. Pasternak: To help teachers, high school students and applicants. Moscow, 1997. 112 p. (In Russ.)
2. Dilthey, W. Drafts for *The Critique of Historical Reason. Topics in the Study of Philosophy*. 1988;4:135–152. (In Russ.)
3. Kaspé, I. When things are talking: document and documentality in Russian literature of the 2000s. Moscow, 2010. 48 p. (In Russ.)
4. Kustova, A. V. Soviet censorship of children's literature illustrated by the works of K. I. Chukovsky. *Vestnik MGUP*. 2005;8:45–48. (In Russ.)
5. Lotman, Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art. St. Petersburg, 2002. 542 p. (In Russ.)
6. Pavlova, L. V., Romanova, I. V. Literary and extra-literary reality of the *Novel of One Life* by Vadim Bayevsky. *Literaturnye znakovstva*. 2020;48:255–268. (In Russ.)
7. Romanova, G. I. Autobiographical genres. *Literaturnaya ucheba*. 2003;6:195–199. (In Russ.)
8. Rubins, M. Russian Montparnasse: Parisian prose of the 1920s and 1930s in the context of transnational modernism. Moscow, 2017. 325 p. (In Russ.)
9. Sarnov, B. Stalin and the writers. Book 1. Moscow, 2009. 832 p. (In Russ.)
10. Segal, D. M. Paths and milestones: Russian literary studies in the twentieth century. Moscow, 2011. 207 p. (In Russ.)
11. Rutz, A., Elit, S., Kraft, S. Egodocumenten. A virtual conversation with Rudolf M. Dekker. *Zeitenblicke*. 2002;1(2):1–28.

Received: 30 September 2022; accepted: 31 March 2023

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА МЫСЛИНА

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирский государственный университет имени Алек-
сандра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(Владимир, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5561-1859; yulia_mislina@mail.ru

ДЖОЙСОВСКИЙ РЕДУКЦИОНИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «TRANSHUMANISM INC.»

А н н о т а ц и я . Исследуются типы трансформации идеи персонализма в XX веке, итогом эволюции которой стала философия трансгуманизма и постгуманизма в XX–XXI веках. Предмет исследования – изменение социального статуса современной Дж. Джойсу реальности начала XX века во «внутриголовое наваждение» человека будущего, в «Homo overclocked», как факт философского умонастроения и влияние этого преобразования на последующую логику «реальности» в литературе. Цель работы – определить степень влияния джойсовского редукционистского дискурса на формирование реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.». Для достижения цели мы решаем следующие задачи: 1) на материале рецепции Джойсом Шекспира и переработки этой рецепции Пелевиным показать, как проблема кризиса гуманизма была воспринята не просто как проблема общего культурного кризиса, но как путь поиска новой парадигмы человека, не сводящейся к прежней гуманистической парадигме; 2) на примере рецепции Пелевиным специфического редукционистского дискурса Джойса как экспериментального, сводящего человека к функциям доказать, что из джойсовской антропологии, в которой человеческая личность множественна и сборна, появляется современная множественная реальность, в том числе виртуальная и программируемая; 3) показать, как пелевинская редукция джойсовской эпифании, алгоритмизация ее в рамках постмодернистских стратегий письма, превращает альтернативные персональности в деперсонализированные субъекты и в «Homo overclocked». Методы исследования – компаративный, историко-культурная контекстуализация и дискурс-анализ – позволяют определить джойсовский редукционистский дискурс как ведущий способ формирования пелевинской постгуманистической перспективы множественной субъектности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Дж. Джойс, В. Пелевин, Гамлет, редукционистский дискурс, расщепленное сознание, трансгуманизм, постгуманизм, множественная реальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мыслина Ю. Н. Джойсовский редукционистский дискурс как принцип формирования реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 92–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.898

ВВЕДЕНИЕ

Литература XXI века работает с представлениями о множественной реальности и конце человеческой исключительности (Ж.-М. Шеффер «Конец человеческой исключительности»), что можно интерпретировать с опорой на выводы ученых XX–XXI веков, которые в том числе используют редукционистские возможности современной биоинженерии и биоинформатики. Редукционизмом мы называем сведение более сложных структур к более простым, которое может иметь эвристический смысл, а может выглядеть как концепция, в которой сложные явления являются лишь проекциями простых. В таком случае появляется множественная реальность, включающая в себя наряду с альтер-

нативными вселенными и виртуальную. Как это исследовать: как вопрос о способе выстраивания новой литературы или как вопрос диалога литературы с современной общенаучной методологией? Ответ зависит от того, как мы понимаем литературу: как репрезентацию философских идей или как эксперимент, сопоставимый с экспериментом философа? Поэтому любой редукционизм в литературе ставит проблему, идет ли речь об использовании его для создания образов современности или о критике его изнутри, демонстрации того, что современный мир часто руководствуется упрощенными решениями (истоки редукционизма в литературе прослеживаются уже в эпоху модерна, так как тенденции усложнения и упрощения в текстах стали при-

меняться одновременно: сверхсложные «целостные произведения искусства» и исследование простых, архетипических, доразумных реакций стали изучаться в тесной связи с развитием новой исследовательской области философии, утверждающей центральную роль языка в становлении сознания).

С. С. Хоружий в своем философском анализе наследия Джойса предложил понимать редукцию как сведение жизни героя к различным эквивалентам: «Все свойства, все действия героя, по уже приводившимся словам Джойса, “предстают в своих космических, физических и психических эквивалентах”» [11: 179]. Это позволяет Хоружему рассмотреть поэтику Джойса в значении новой антропологии как «самого методичного и тотального расчленения: текст тоже разложен на “элементарные структуры”...» [11: 179]. Тем самым и человеческое сознание, и текст оказываются состоящими из элементарных структур, которые могут быть собраны в более сложные конструкции благодаря особому дискурсу. В чем особость этого дискурса, можно пояснить на примере понятия джойсовского редукционизма, которое хорошо ложится в определение дискурса, данное Е. С. Кубряковой:

«...под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речеобразованием, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [6: 164].

Становление редукционизма как философской программы связано с зарождением персонализма. Персонализм тоже исходил из наличия некоторой начальной точки, из которой выводится работа сознания и утверждение реальности явлений, но этой точкой оказывается не безличная, а личная структура – человек. Спор между редукционизмом и персонализмом в последние три десятилетия решается скорее в пользу редукционизма: на его стороне и значительная часть лидеров и популяризаторов естественных наук, и когнитивно-информационные науки как индустрия знания. Но сейчас мы можем говорить не об отмене персонализма, а о его кризисе, который прослеживается в современной литературе, имеющей дело с проблематикой трансгуманизма и постгуманизма. Трансгуманизм и постгуманизм принадлежат редукционистской программе: они отвергают антропоцентризм и рассматривают человека только как момент реализации структур более общего развития, например природной среды как «гиперобъекта» (экофилософия) или системы любых объектов и отношений (акторно-сетевая теория).

В научном дискурсе XXI века нет единого определения понятий «трансгуманизм» и «постгуманизм», мы же возьмем за основу представления о трансгуманизме Дж. Хаксли, где «человек остается человеком, но трансцендирует себя, реализуя все новые возможности своей природы, в том числе для нее самой» [15: 17].

«Постгуманистическая перспектива основывается на предположении об историческом упадке гуманизма, но идет дальше в поисках альтернатив, не погружаясь в риторику кризиса человека» (Р. Брайдотти) [13: 37].

По убеждению Ж. Бенчич,

«пост/трансгуманистический проект направлен на то, чтобы с помощью биомедицины и технаук “улучшить” многие интеллектуальные и физические особенности человека и преодолеть многочисленные ограничения, навязываемые ему природой, тем самым продвигая его на некую якобы высшую ступень искусственно стимулируемой эволюции» [1].

Таким образом, постгуманизм говорит о конце гуманизма, но и о необходимости преодолеть старый редукционизм, обосновать альтернативы привычным редукционистским моделям. И литература может выступить подспорьем в поиске таких альтернатив.

СПОР О ГАМЛЕТЕ КАК ОБОСНОВАНИЕ АНТИРЕДУКЦИОНИЗМА

Основной линией споров о кризисе гуманизма в XX веке, о специфике современного субъекта и невозможности редуцировать его к готовым природным и социальным структурам стала пьеса У. Шекспира «Гамлет, принц датский», рождающая многовековые философско-литературоведческие споры о «деятельностном характере бездействия главного героя» [12: 134]. Обращение философов XX века к «Гамлету», написанному в начале XVII века, во времена «трагического гуманизма» [9: 187], связано с ощущением «вывихнутого века», «конца времен» рубежа XIX–XX веков [8: 140], что находит отклик и в современности. Каждый из исторических вековых мировоззренческих переломов искал новый образ Человека, так как общеевропейский культурный код XVI века (с его гуманистической моделью) полностью изжил себя и нуждался в пересмотре всех моральных ценностей.

По утверждению С. Липняговой и М. Щукиной, «европейская литература прошлого века отчасти унаследовала “гамлетоцентричность”» [7: 100], которая обоснована значимостью фигуры Гамлета как субъекта с расщепленным сознанием. Этот спор по-новому представляет понимание гуманистической личности, здесь уже идет речь не об обретении человеком себя, а, наоборот, о кризисе личного самосознания.

В памфлете Э. В. Ильенкова «Тайна черного ящика» (1964) показан один из возможных вариантов развития человечества, покончившего «наконец, со всеми остатками антропологизма» [5: 12]. Гамлет для Ильенкова – гуманистическая личность, опыт которой позволяет разоблачить технократический трансгуманизм, подчинение человека универсальным машинным алгоритмам. Кризис гуманизма и первые черты постгуманизма, утверждающего равенство всех субъектов и отсутствие привилегий «великой личности», появлялись уже в ранней постмодернистской литературе.

В пьесе Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1966) оба главных героя становятся равны Гамлету перед лицом смерти, а значит, равны и как протагонисты. Поэтому пьеса Стоппарда представляет собой возможность множественной реальности с предопределенной гибелью Розенкранца и Гильденстерна при любом варианте развития событий (как обозначено в названии).

Проблематизация фигуры Гамлета привела и к новому пониманию природы романного героя, который уже выступает не как «характер», но как субъект речи, определяющий организацию текста. Вопросом стало только то, насколько этот субъект речи самостоятелен и автономен или, напротив, встроен в готовые структуры мышления и высказывания.

Шекспировские аллюзии в контексте споров XX века о Гамлете мы рассмотрим на примере текстов Джойса и Пелевина. По наблюдению Р. Элмманна, для создания эпизода «Сцилла и Харибда» «Джойс использовал тринадцать лекций, которые он прочитал в Триесте в 1912–13 годах, все они были посвящены Гамлету» [14: 81]. Этот эпизод может интерпретироваться как критика общезначимости истины, подразумевающаяся изложенным выше спором о Гамлете.

В романе «Улисс» Стивен, сочиняя собственную биографию Шекспира, «раздумывает о несбывшемся... о возможностях возможного...»¹, следовательно, Шекспир в представлении Стивена становится всем во всем: «Он призрак, и он принц. Он – во всем» (Улисс: 239), «Всё во всем» (Улисс: 239), «Он наконец-то король и принц: в смерти, с подобающей музыкой» (Улисс: 239). Смерть всех уравнивает, поэтому в размышлениях Стивена Гамлет, встречаясь с Тенью отца, говорит не о закономерности возмездия, а о том, каким он может быть, вернувшись к себе: «...как предсказал Гамлет... человек во славе, ангел-андрогин, есть сам в себе и жена» (Улисс: 239–240). Тем самым кри-

зис гуманизма осмысливается как начало постгуманизма по следующим параметрам: отсутствие у личности ясных границ, понимание личности как тотальности (здесь постгуманизм сходится с персонализмом); понимание смертности человека не как родового свойства, а как способа восстановить связь времен, выйти за пределы частного гуманизма как утверждающего лишь эстетическое бессмертие человека в искусстве, а не другие формы бессмертия; понимание человека, совершающего поступок, как находящегося «во славе», принявшего уже новую форму и новый способ бытия.

По убеждению А. Б. Борунова и Е. В. Шерчаловой, одним из инструментов создания текстовой реальности у Пелевина является перенос канвы мифа в современность:

«Мифотворчество и мифология становятся инструментами выражения авторской позиции и участвуют в конструировании художественного мира. При этом, несмотря на условные декорации, в которых развивается история, она перекладывается автором на другую эпоху без противоречий, что позволяет встроить частный художественный текст в более сложную систему мировой литературы, превращая его в гипертекст» [2: 13].

В романе Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» реальность представлена отсутствием какой-либо определенности, поэтому вероятность любого события становится лучшим способом мышления и действий персонажей. Шекспировские аллюзии в романе Пелевина так же, как и у Джойса, проблематизируют современную автору реальность, где распад связи времен рассматривается как расщепление сознания. Один из главных героев Гольденштерн «переживает множественные расщепления сознания»², дает возможность появиться «стартапу» «Розенкранц и Гильденстерн живы» (TRANSHUMANISM INC.: 73), который только в заголовке противопоставлен пьесе Стоппарда. Ведь если каждый субъект действия может легко превращаться в другого, то по аналогии и смерть должна превращаться в жизнь, но это изначально невозможно в многовероятностном мире Пелевина, потому что именно смертность всех субъектов и определяет их взаимопревращаемость, а следовательно, и их равенство: «Теперь вы Гольденштерн... – А я Розенкранц. ...Но когда их повесили рядом, разница потеряла смысл...» (TRANSHUMANISM INC.: 568). Постмодернистская работа не с характерами, а с произведениями еще больше радикализует постгуманизм Гамлета, оказывается, что весь мир уже постоянно мутирует, и нет точки отсчета, которая позволила бы говорить о чем-то устойчивом

характере. Поэтому в мире Пелевина «любой, кто пришел в эту комнату – уже Гольденштерн» (TRANSHUMANISM INC.: 569), и выбор своего жизненного пути – мнимый: «...вам нужно будет сделать правильный выбор... Гольденштерн станет Розенкранцем» (TRANSHUMANISM INC.: 587). В романе Пелевина, как ранее у Джойса, герои, только прожив все вероятностные жизни, способны обрести себя, понять, какими они могут быть: «...Гольденштерн постигал, что был ими всеми» (TRANSHUMANISM INC.: 599), – таким образом разрушается смыслообразование как таковое, личность теряется в бесконечности смыслов, а «пародируемые дискурсы могут становиться основой художественного мира наряду с изображаемыми объектами» [3: 42]. Поэтому смертность человека уже не является связью времен, как у Джойса, потому что меняется само понимание существования, ведь тот, кто никогда не жил, не может и умереть (в классическом значении смерти). Тогда зарождение некоего всесильного существа (Гольденштерна), находящегося «во славе», приводит к появлению новой множественной реальности – как новому типу сознания субъектов (редукционистский дискурс). Пелевин в романе «TRANSHUMANISM INC.» показывает путь к зарождению постгуманизма через постановку проблемы автономности субъекта. Смерть персонажей воспринимается уже не как неизбежный трагический исход, а как движущая сила романа, становясь апоретическим суждением, включающим в себя не только бинарные оппозиции жизни и смерти, но и когнитивные процессы дискурса. Поэтому расщепленное сознание Гамлета и обосновывает его антиредукционизм, пролагая путь к новой антигуманистической концепции социума.

РОЛЬ ДЖОЙСОВСКОЙ РЕДУКЦИОНИСТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПОЯВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Понимание смерти как структурного момента нового романного субъекта приводит к исчезновению «прежнего» человека в романах Джойса и Пелевина. Но смерть «прежнего» человека осуществляется не мгновенно, а поэтапно – сначала происходит разложение личности на схематические архетипы, потом каждая «деталь» продолжает свое существование отдельно от целого, сохраняя когнитивно-речевые навыки, и только в этой когнитивной реализации она принимает законченный вид – рождается новый вид человека. Наиболее репрезентативно у Джойса исчезновение «прежнего» человека представлено в эпизоде «Итака» в перволичном утверждении:

«Я пишу “Итаку” в форме математического катехизиса. Все события решаются в их космическом физическом, психическом и др. эквивалентах... Блум и Стивен, таким образом, становятся небесными телами, странниками как звезды, на которые они смотрят» [14: 156].

Поэтому «слияние» Стивена и Блума порождает Стума и Бливена:

«Если поставить Стивена на место Блума, то Стум последовательно закончил бы школу старушки и среднюю школу. Если поставить Блума на место Стивена, то Бливен последовательно закончил бы приготовительный, младший, средний и старший школьные классы...» (Улисс: 690),

(как Розенкранц и Гильдестерн у Стоппарда и Пелевина), а жители Дублина, все как один, совершают одно и то же действие – находятся в постели, кроме того, кто в могиле («Мартин Каннингем (в постели), Джек Пауэр (в постели), Саймон Дедал (в постели)... Падди Дигнам (в могиле)») (Улисс: 714).

Но эти подмены, способность когнитивной функции заменить и подменить человека – часть более глубокой постгуманистической мысли. Главный вопрос Блум задает сам себе:

«Какое сложное и асимметричное отражение в зеркале привлекло затем его внимание? Отражение одинокого (самосоотносительно) изменчивого (иносоотносительно) мужчины» (Улисс: 718),

здесь максимально сконцентрирована проблема редукционистской изменчивости, которая в итоге порождает тотальное одиночество. Таким образом, у Джойса рождается новая антропология – антиперсоналистская: разложение человека на элементы, затем сложение частей в некий деперсонализированный универсум. Поэтому в конце «Улисса» Джойс дает Блуму новое имя – Всякий-и-Никто – безвольное общечеловеческое существо.

По утверждению Г. Заломкиной, одним «из ключевых посылов творчества В. Пелевина может получиться следующее: разрушение пут мировоззренческого шаблона» [4]. В романе Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» мышление автора, что «прежнего» человека нет, обосновано не только философско-социальными построениями, но и физическими допущениями – отсутствием тела: «...люди смогут отделить свой мозг от старящегося тела...» (TRANSHUMANISM INC.: 4), поэтому если у Джойса слияние главных героев порождает общий человеческий универсум, то у Пелевина слияние мозгов дает возможность потенциально любому человеку-мозгу проживать тысячи жизней: «Прекрасный проживает жизнь этого человека...» (TRANSHUMANISM INC.: 551). Все жи-

тели этого «архаично-футуристического мира»: девушка Маня, Бро кукуратор, Судоплатонов, Шкуро и др. – были Гольденштерном, а Гольденштерн был ими. Здесь эта когнитивная подмена достигает универсализации: каждый может быть всеми, и все – каждым.

Таким образом, джойсовский метод редукционистского дискурса оказывается релевантен для романа Пелевина «TRANSHUMANISM INC.», сводящего человека будущего («Homo overclocked»), с одной стороны, к «космическим эквивалентам», а с другой – к теме альтернативных личностей, к «сумме, равной нулю» (TRANSHUMANISM INC.: 603).

ПЕЛЕВИНСКАЯ РЕДУКЦИЯ ДЖОЙСОВСКОЙ ЭПИФАНИИ КАК СПОСОБ ПРЕВРАЩЕНИЯ «ПРЕЖНЕГО» ЧЕЛОВЕКА В «НОМО OVERCLOCKED»

В джойсовско-пелевинской реальности, созданной при участии многих субъектов, разложенный на атомы человек находит в себе силы вновь заново собраться. Это становится возможным благодаря достигаемым персонажами эффектам эпифании. Учитывая тот факт, что у Джойса в романе «Улисс» реальность выстраивают альтернативные персональности – событие эпифании в их жизни можно расценивать как встречу искусства и жизни («обе стихии должны проникать и наполнять, оплодотворять друг друга», «двуединство искусства и жизни» [10]), этот дуализм в творчестве Джойса обосновывает не только равенство всех субъектов, но и равенство всех возможностей. Тем самым виртуальное полностью проникает в реальное, и в мире Джойса эпифания и возможность достижения эпифании становятся равны. Если Стивен в романе «Портрет художника в юности» испытывает эпифаническое озарение:

«Перед ним... стояла девушка... волшебная сила превратила ее в существо, подобное невиданной прекрасной морской птице... “Боже милосердный!” – воскликнула душа Стивена в порыве земной радости»³,

то в «Улиссе» он уже сам становится создателем эпифаний: «Припомни свои эпифании... Читая одну за одной страницы одинокого однодума... сливаешься заодно с тем одиночкой...» (Улисс: 48), – здесь эпифания не реальность, а ощущения от реальности, возможность реальности, возможность возможности, ее альтернатива, созданная художником.

В романе «TRANSHUMANISM INC.» эпифания становится источником энергии в новой «баночной» реальности: «И в этой... трансформации праха в божество и заключалось высшее

из возможного» (TRANSHUMANISM INC.: 599). Эпифания тогда сводится к одной из функций компьютерной системы – давать сигнал, передавать электрический импульс. Тем самым редукционизм производит экзистенциальные ситуации, и значит, ставка бытия человека становится самой высокой: либо человек есть всё, либо ничто. Либо человек берет на себя создание всех систематизированных смыслов, либо оказывается частью действия смыслов, претендующих на автономию и власть над ним. Поэтому тема альтернативных личностей, поднятая Пелевиным в романе «TRANSHUMANISM INC.», подтверждает джойсовский итог, что «прежнего» человека нет, даже если он может «быть всем» (TRANSHUMANISM INC.: 600), становясь никем: «Он был каждым из них и никем» (TRANSHUMANISM INC.: 601). Минута озарения, когда Гольденштерн понимает, что он не божество, а просто искусственный интеллект, – это страшная эпифания, неспособная больше созидать, несущая только распад и разложение: «Гольденштерн... вспомнил главное... что такое бог. И тогда, сжавшись от гнева, боли и ужаса... он... начал новое низвержение к узким и слепым человеческим смыслам...» (TRANSHUMANISM INC.: 604). Здесь постгуманизм Пелевина выражен в размывании понятий классических бинарных оппозиций (жизнь / смерть, субъект / объект, живое / механическое), он приводит к перерасположению структуры как четкого взаимодействия и взаимосвязи ее составных частей. Поэтому герои романа «TRANSHUMANISM INC.» приобретают статус «Homo overclocked» в новой множественной реальности.

ВЫВОДЫ

Джойсовский тип зарождающегося постгуманизма (сходящийся с персонализмом) осмысливается Пелевиным в полное разложение человека как биологического вида. Созданный в романе «TRANSHUMANISM INC.» новый тип сознания – «Homo overclocked» становится обоснованием множественной реальности как универсально функционирующей и вбирающей в себя литературу прошлого. Одной из точек отсчета пути разложения «прежнего» человека становится фигура Гамлета, расщепленное сознание которого помогает выяснить отношения редукционизма и антиредукционизма в становлении кибернетической реальности как производства все новых различий и альтернатив в мире явлений. Выявленный антиредукционизм Гамлета, который наряду с джойсовско-пелевинским редукционизмом также становится одним из истоков антигуманистического уклада социума,

добавляет при этом дополнительные смыслы вечной апории «Быть или не быть».

Джойс, применяя метод редукционистского дискурса, разлагает человека не только философски, но и анатомически (гипотетически вновь собранные части представляют собой нежизнеспособное целое). Вследствие чего, доказывая на протяжении всего романа «Улисс» постулат, что «прежнего» человека нет, в итоге сам же его опровергает, применяя так называемую стратегию ускользания, благодаря которой ни один вывод в джойсовском мире не может быть истинным или окончательным (открытый в «Улиссе» «опыт с негативным исходом» сменяется сериальным искусством и т. д.). Пелевин же рецептирует джойсовскую концепцию редукционистского дискурса и, идя дальше своего литературного предшественника, лишает своих персонажей биологических тел как формы, оставляя от человека лишь электронные импульсы

для поддержания работы компьютерной системы. Поэтому, с одной стороны, в пелевинской множественной реальности появляется возможность бесконечного проживания тысяч жизней, а с другой – личность растворяется во множестве смыслов, становясь «Ното overclocked». Но в джойсовско-пелевинской редукционистской реальности все же находится место некоему божеству, катарсису, постижение которого становится возможным благодаря эффекту эпифании. Но если для Джойса эпифания – это божественное личностное преображение, то в мире Пелевина эпифания понимается как электрический импульс, двигатель новой реальности. Мир романа «TRANSHUMANISM INC.» населен альтернативными персональностями, поэтому собирание единого субъекта становится невозможным, что и приводит к появлению постгуманистической перспективы множественной (кибернетической) субъектности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Джойс Дж. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. С. 217. Далее в круглых скобках указывается название произведения и через двоеточие страница.
- ² Пелевин В. О. TRANSHUMANISM INC. М.: Эксмо, 2021. С. 553. Далее в круглых скобках указывается название произведения и через двоеточие страница.
- ³ Джойс Дж. Портрет художника в юности // Джойс Дж. Дублинцы: Рассказы; Портрет художника в юности: Роман; Пер. с англ. Т. 1. М.: ЗнаК, 1993. С. 362.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенчич Ж. К вопросу о конце человека: постчеловек в любви // НЛЮ. 2019. № 5 (159). С. 286–297 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21560/ (дата обращения 10.02.2022).
2. Боруннов А. Б., Шерчалова Е. В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 8–20. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-03-01
3. Жиличева Г. А. Язык теории как объект метапародии в прозе русского постмодернизма // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 40–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-40-51
4. Заломкина Г. В. Ксерокопия света: взгляд на утопию искусственного в романах В. Пелевина «ПНУСК 10» и «S.N.U.F.F.» // НЛЮ. 2020. № 3 (163). С. 194–210 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22235/ (дата обращения 11.02.2022).
5. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. 2-е изд. К.: Час-Крок, 2006. 312 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
7. Липнягова С. Г., Щукина М. С. Репрезентация ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Убийство Гонзага» Н. Йорданова, «Офелия» Т. Ахтман, «Гамлет в остром соусе» А. Николаи, «Фортинбрас спился» Я. Гловацкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 100–103.
8. Приходько И. С. Шекспир Александра Блока // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 139–145.
9. Смирнов А. А. Шекспир, Ренессанс и барокко (К вопросу о природе и развитии шекспировского гуманизма) // Смирнов А. Из истории западноевропейской литературы. М.: Худож. лит., 1965. С. 181–206.
10. Хоружий С. С. Ранний Джойс, или Стивениада до Одиссеи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/ranniy-joyce-ili-stiveniada-do-odissei.htm> (дата обращения 12.02.2022).
11. Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
12. Чеснокова М. Г. Экзистенциально-религиозные мотивы в эссе Л. С. Выготского о «Гамлете» (1916) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 129–137. DOI: 10.17759/chp.2018140214
13. Braidotti R. The posthuman. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 229 p.
14. Ellmann R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 270 p.
15. Huxley J. Transhumanism // New bottles for new wine, essays by Julian Huxley. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13–17.

Yulia N. Myslina, Postgraduate Student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov (Vladimir, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-5561-1859; yulia_mislina@mail.ru

JOYCE'S REDUCTIONIST DISCOURSE AS A PRINCIPLE FOR FORMING REALITY IN VIKTOR PELEVIN'S NOVEL *TRANSHUMANISM INC.*

Abstract. The article examines the patterns of transformation of the idea of personalism in the XX century, which led to the evolution of the philosophies of transhumanism and posthumanism in the XX and the XXI centuries. The subject of the study is the change of the social status of reality in the early XX century, at the time of James Joyce, into the intracerebral obsession of the person of the future, into “Homo overclocked”, as an episode of philosophical mindset, as well as the impact of this conception on the subsequent logic of reality in literature. The purpose of the article is to discuss the degree of influence of Joyce's reductionist discourse on the formation of reality in Viktor Pelevin's novel *TRANSHUMANISM INC.* To achieve the goal we solve the following tasks: 1) to use Joyce's reception of Shakespeare and Pelevin's processing of this reception in order to show how the problem of the crisis of humanism was perceived not just as a problem of a general cultural decline, but as a way to search for a new paradigm of human, not reducible to the previous humanistic paradigm; 2) to use Pelevin's reception of Joyce's specific reductionist discourse as an experimental one, reducing a person to functions, in order to prove that Joyce's anthropology, in which the human personality is multiple and combined, turned into modern multiple reality, including virtual and programmable ones; 3) to show how Pelevin's reduction of Joyce's epiphany, its algorithmization in the framework of postmodern writing strategies, modifies alternative personalities into depersonalized subjects and “Homo overclocked”. The research methodology included the comparative method, the cultural historical contextualization, and discourse analysis, which allow us to prove Joyce's reductionist discourse to be the key tool for forming Pelevin's post-humanistic perspective of multiple subjectivity.

Key words: James Joyce, Viktor Pelevin, Hamlet, reductionist discourse, split consciousness, transhumanism, post-humanism, multiple reality

For citation: Myslina, Yu. N. Joyce's reductionist discourse as a principle for forming reality in Viktor Pelevin's novel *TRANSHUMANISM INC.* *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2023;45(4):92–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.898

REFERENCES

1. Benčić, Ž. On the question of the end of man: posthuman in love. *New Literary Observer.* 2019;5(159):286–297. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21560/ (accessed 10.02.2022). (In Russ.)
2. Borunov, A. B., Sherchalova, E. V. Author's myth in the contemporary post-modern novel. *Philological Class.* 2021;26(3):8–20. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-03-01 (In Russ.)
3. Zhilicheva, G. A. Theoretical discourse as an object of metaparody in Russian post-modern prose. *Critique and Semiotics.* 2020;1:40–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-40-51 (In Russ.)
4. Zalomkina, G. V. A photocopy of light: a view of the utopia of artificiality in V. Pelevin's novels *S.N.U.F.F.* and *IPHUCK 10.* *New Literary Observer.* 2020;3(163):194–210. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22235/ (accessed 11.02.2022). (In Russ.)
5. Ilyenkov, E. V. About idols and ideals. Kyiv, 2006. 312 p. (In Russ.)
6. Kubryakova, E. S. The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (experience of paradigm analysis). *Language and science of the late XX century.* Moscow, 1995. P. 144–238. (In Russ.)
7. Lipnyagova, S. G., Shchukina, M. S. Representation of Renaissance humanism in the plays “Rosencrantz and Guildenstern are Dead” by T. Stoppard, “The Murder of Gonzago” by N. Yordanov, “Ophelia” by T. Akhtman, “Amleto in Salsa Picante” by A. Nicolaj, “Fortinbras Gets Drunk” by J. Glowacki. *Philology. Theory & Practice.* 2019;12(12):100–103. (In Russ.)
8. Prikhodko, I. S. Alexander Blok's Shakespeare. *Knowledge. Understanding. Skill.* 2013;4:139–145. (In Russ.)
9. Smirnov, A. A. Shakespeare, Renaissance and Baroque (To the question of the nature and development of Shakespearean humanism). Smirnov, A. From the history of western European literature. Moscow, 1965. P. 181–206. (In Russ.)
10. Khoruzhiy, S. S. Early Joyce, or Stepheniad before the Odyssey. Available at: <http://www.james-joyce.ru/articles/ranniy-joyce-ili-stiveniada-do-odissei.htm> (accessed 15.03.2022). (In Russ.)
11. Khoruzhiy, S. S. “Ulysses” in the Russian mirror. St. Petersburg, 2015. 384 p. (In Russ.)
12. Chesnokova, M. G. Existential and religious motifs in L. S. Vygotsky's essay on “Hamlet” (1916). *Cultural-Historical Psychology.* 2018;14(2):129–137. (In Russ.)
13. Braidotti, R. The posthuman. Cambridge, 2013. 229 p.
14. Ellmann, R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 270 p.
15. Huxley, J. Transhumanism. *New bottles for new wine, essays by Julian Huxley.* London, 1957. P. 13–17.

Received: 4 April 2022; accepted: 31 March 2023

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ КОЛЕСНИКОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
aliko.kolesnikoff@yandex.ru

ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ МАРКОВНЕНКОВ

магистрант Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
gelio123@mail.ru

«ИСКРЕННИЙ» ХУДОЖНИК В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА (на примере малой прозы Ч. Буковски)

А н н о т а ц и я . Творческие практики художника-постмодерниста обуславливаются сопротивлением постмодернистского проекта модернистским представлениям об искусстве, в частности о деятельности художника. Так, жест художника-модерниста, выраженный в отказе от повседневной, внешней реальности в пользу трансцендентных сфер, воспринимается постмодерном как одна из возможных стратегий саморепрезентации, возвращая его, в конечном счете, в контекст, определяющийся социальными конвенциями. Переосмысливается постмодерном и категория искренности. Развитие средств массовой информации вынуждает художника-постмодерниста конструировать медийный образ, в связи с чем один и тот же референт воспринимается аудиторией двумя разными способами: через медиа и через художественный текст. Целью исследования является выявление поэтологических приемов в рассказах американского писателя Чарльза Буковски, с помощью которых автор выражает подлинность и правдивость повествования, способствующие усилению эффекта реальности. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью малой прозы Буковски и необходимостью рассмотреть категорию искренности в контексте постмодерна. В результате анализа рассказов Буковски делается вывод о том, что превращение своего опыта в литературное произведение становится для художника-постмодерниста способом раскрыть конструктивную особенность модернистской искренности, показав, что ее природа носит характер приема и жеста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : искренность, модернизм, постмодернизм, реди-мейд, герой-художник

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена в Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов мировой литературы в контексте межкультурной коммуникации» Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (тема Н-457-99_2022-2023).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Колесников А. Ю., Марковненков Д. В. «Искренний» художник в ситуации постмодерна (на примере малой прозы Ч. Буковски) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.897

ВВЕДЕНИЕ

Парадигма постмодерна оформляется в искусстве как маргинальный проект, сопротивляющийся «некогда подрывным и воинственным стилям» [6: 289] модернизма. Модернистские практики, завоевавшие внимание «университетов, музеев, сетей художественных галерей и фондов», воспринимаются постмодернистами как «мертвые, канонические, застывшие монумены, которые нужно разрушить для того,

чтобы создать нечто новое» [6: 289]. Состоянием борьбы с установками модернизма определяется и положение постмодернистского художника, предпосылки которого прежде всего следует искать в модернистской перспективе искусства.

Художник-модернист направлял свою творческую деятельность в сторону трансцендентных сфер, выходящих за пределы его социально детерминированной идентичности. Прорывая внешний и тривиальный контекст, художник рас-

считывал почувствовать особый импульс, способствующий «достижению скрытой истины, недоступной другим» [4: 72]. Результатом такого переживания становилось производство «нового, оригинального, аутентичного слова» [4: 72]. Вот как об этом пишет американский писатель-модернист Генри Миллер:

«Я безраздельно ушел в область художественного, в царство искусства, которое с моралью, этикой, утилитарностью ничего общего не имеет. Сама моя жизнь сделалась творением искусства. Я обрел голос, снова став цельным существом. Пережил я примерно то же, что, если верить книгам, переживают после своей инициации приобщившиеся к дзен-буддизму»¹.

Тезис Миллера о творчестве примечателен тем, что он показывает незначительность социальной идентичности художника, стремление модернистского искусства оказаться «по ту сторону всей совокупности социальных конвенций и ролей» [4: 72].

Иначе складываются творческие практики художника-постмодерниста. Как утверждает Гройс в статье «Воображаемый контекст», модернистское стремление разорвать какие-либо связи с социальными конвенциями рассматривается постмодернизмом как одна из возможных стратегий саморепрезентации, что, соответственно, приравнивает это стремление к определенной социальной конвенции [4: 73]. В парадигме постмодерна художник предстает как член общества, и потому он воспринимает свое произведение, свой чувственный опыт через сетку «общественных коммуникаций» [4: 72]. Это приводит к тому, что художник подвергает тематизации собственный пол, этническую идентичность, социальное положение [4: 73], или, если следовать логике Бодрийера, возвращается к банальности, «возвышая знак, который теряет всякую естественную сигнификацию» и «сияет в пустоте всем своим искусственным блеском» [3: 89]. Оказываясь в окружении подобных банальных образов (по Гройсу – реди-мейдов), художник больше не производит новое и оригинальное слово, он репродуцирует, воспроизводит, перемещает объекты из «непосредственного, повседневного контекста в более широкий контекст искусства» [4: 73]. Не становится исключением и положение самого художника.

Стремительно развивающиеся в постмодерне средства массовой информации побуждают художника к новым стратегиям саморепрезентации и художественного производства. Он перестает производить образы, делегируя эти полномочия медиа, и сам становится образом. Здесь также можно наблюдать постмодернистское стремление сопротивляться проекту модерна, для которого медиа были способом расширения возможностей художественного текста,

как писал Сартр, преодоления «инертности» книги, ограниченной в своих средствах привлекать читателей [10: 279]. В ситуации постмодерна медиа позволяют художнику заявить о себе вне собственного произведения, где контроль над текстом берет читатель, в то время как автор переходит в нулевую степень письма [1: 51], то есть, следуя знаменитой метафоре Барта, умирает [2]. Став художественным образом, художник начинает конструировать себя, исправлять, переделывать или опровергать. Однако, по словам Гройса, этот феномен приводит к проблеме самодизайна, которая заключается в том, что художник озабочен не тем, как спроектировать мир вокруг себя, а скорее тем, как его персону воспринимает внешний мир [5]. С одной стороны, практика самодизайна сокращает дистанцию между художником и его аудиторией; с другой стороны, это порождает новый вид производства – производства искренности и доверия [5].

В ситуации постмодерна художник отказывается от трансцендирования, интегрируя искренность в «более широкий контекст искусства» [4: 73]. Восприятие категорий доверия, правды и честности происходит из «досконального ощущения медийного и промышленного симулякра», способствующего формированию «новой мистики» и «антимистики», при которых каждый образ «остаётся инициационным», ничего при этом не иницируя [3: 90]. В таком случае художник реализует свои творческие практики, одновременно «разоблачая свой объект и эстетизируя всю сферу повседневной реальности» [3: 90], другими словами, его деятельность воплощается в акте деконструкции.

Сущность искренности в постмодернистском дискурсе наиболее ярко проявляет себя в автобиографической литературе и так называемой новой журналистике, формирование которых в США приходится на 1960-е годы. В этих направлениях начинает переосмысляться модернистское представление о сильном авторском «я». Постмодернистские автобиографические практики уходят от целостной авторской интенциональности в сторону цитатных мозаик, в которых автор выступает как субъект письма,

«возникающий в работе воображения, которое соединяет разрозненные остатки, но не способно придать им целостность, оставляет пустоты, пространства для фикциональных восполнений» [9].

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСКРЕННОСТИ В РАССКАЗАХ Ч. БУКОВСКИ

Характерным в разговоре о функционировании искренности в постмодерне представляется творчество американского писателя Чарльза Буковски. Его автобиографические тексты,

воплощенные в форме стихов, рассказов и романов, объединены знаменитым героем Генри Чинаски, который является альтер эго автора. Через образ маргинального поэта-романтика и бунтаря Буковски выразил свою главную интенцию: быть «собой – этим проклятым и малым собой, который здесь и сейчас – говорит, что-то пишет, смеется и плачет, ну и, конечно же, пьет, умаляясь до точки» [10: 10]. Обращаясь к дискурсу автомифопоэтики, Буковски прописывает миф о себе как о грубияне без компромиссов, который работает на имя автора в медийном пространстве: формируется, как отмечает Г. Франсен, особого рода брэнд «Буковски», обретающий популярность среди читателей, критиков и литературных академиков во многом благодаря тому, что произведения американского писателя отсылают к его личной жизни: трудное детство под надзором тирана-отца, неблагополучные районы Лос-Анджелеса, бары, женщины сомнительной репутации, азартные игры, однотипная и тяжелая работа и, конечно же, творческие попытки, посредством которых герой Буковски стремится вырваться из порочного круга или хотя бы на время дистанцироваться от ужасов окружающей его действительности [16: 136–137]. К слову, именно творчество выступает самой важной практикой как для самого писателя, так и для его героя – писательство помогает выразить установку сопротивления внешним обстоятельствам в лице своих родителей, пьяниц, норовящих влезть в личное пространство, и, главное, коллег по цеху, других писателей, которых принимает публика и престижные литературные издания и журналы. В творческом акте Буковски-литератора и Буковски-героя и появляется момент искреннего высказывания, заключающегося в тотальном отрицании карьерного роста, социальной мобильности и комфортных условий жизни. В этом жесте, собственно, и прослеживается постмодернистская воинственность по отношению к эстетическому проекту модернизма. Неспроста Буковски открыто выступает против другого американского писателя, также известного маргинальным характером своих романов и повестей, Генри Миллера²:

«Я не могу читать Генри Миллера. Начинает говорить о реальности, а потом скатывается к эзотерике, с темы сбивается. Пара хороших страниц, а дальше – по касательной, забредает в абстракции, и я его читать уже не могу. Такое чувство, что меня надули» [11: 168].

Примечательным здесь оказывается то, что Буковски своим отрицанием выходит за пределы письма, демонстрируя свою исключенность публично – чтение стихов на сцене в состоянии

алкогольного опьянения, провокация слушателей руганью, эпатажное поведение в прямом эфире телевизионной передачи. Так Буковски деконструирует модерниста Миллера, показывая, что его маргинальность ограничивается художественным вымыслом.

Эпистемологический и онтологический антагонизм модернизма и постмодернизма в контексте творчества Буковски обнаруживает себя и в специфике творческого производства. Как пишет А. Дебритто, 1950-е годы в США, когда Буковски был еще малоизвестным писателем и занимался, скорее, сочинительством по случаю, отдавая больше времени на низкоквалифицированную работу для элементарного выживания, проходят под знаком модернистского искусства [14: 6]. В связи с этим литературные издания, журналы, крупные и незначительные, ориентируются на творцов ранга Т. С. Элиота и Э. Паунда. Так называемые небольшие (*littles*) журналы, к которым можно отнести «Partisan Review» или «Poetry», только набирают обороты и еще формируют свои программы по сопротивлению против ставшего классическим модернизма [14: 2]. Главной проблемой подобных журналов, из-за которой им не удавалось составить конкуренцию известным и престижным представителям литературной сцены, была их недолговечность: они мгновенно появлялись и исчезали из-за отсутствия стабильного финансирования, что сказывалось и на самих авторах, не получавших гонорары за публикацию произведений. В частности, это коснулось и молодого Буковски. Следовательно, писатели, считавшие себя экспериментальными на фоне определяющих эстетические вкусы модернистов, просто не могли заявить о себе в полной мере.

Литературный климат начинает меняться с появлением битников в середине 1950-х годов. Буковски же попадает в объектив журналов в начале 1960-х годов. В нем критики видят самого ортодоксального битника, его произведения публикуются в таких журналах, как «Beatitude» и «Outsider». Однако и здесь Буковски продолжает следовать своей стратегии отрицания, отмежевываясь от Гинзберга, Керуака, Берроуза и др., не принимая их политичность и стремление создать собственную литературную группу. Буковски дистанцировался и от журналов, выбравших бит-направление в качестве своей генеральной линии. Он продолжил рассылать свои произведения по андеграундным журналам и издательствам, полагая, что только так можно сохранить свою субъектную аутентичность. Характерно, что лояльность такой малой прес-

се Буковски сохранит даже тогда, когда обретет славу как автор романов «Почтамт» («*Post Office*», 1971) и «Фактотум» («*Factotum*», 1975) [14: 7]. Этот принцип он перенесет и в свое творчество, что, согласно Франссену, и поспособствует финансовому и символическому успеху брэнда «Буковски». Эксплицитное неприятие общепринятых норм существования и писательства станет отличительным знаком не только Буковски-писателя, но и его героя. Такая идеологическая и экзистенциальная близость создает эффект искренности и подлинности автора, показывая профессиональной и читательской публике, что маргинальность Буковски – это не просто художественный образ, а жизненная установка писателя, которая разворачивается сразу в двух плоскостях: в прагматике жизни и в литературной практике.

Выявлению подобного «дискурсивного жеста честного самораскрытия» [8: 39] будет посвящен анализ трех ранних рассказов Буковски, впоследствии включенных писателем в сборник «Истории обыкновенного безумия» («*Tales of ordinary madness*», 1983). Отметим, что малая проза Буковски еще не становилась предметом исследований отечественных литературоведов. Так, известная монография Д. Хаустова «Буковски. Меньше, чем ничто» [11] в основном обращается к романам и некоторым стихам американского автора, а статья переводчика К. Медведева сосредоточена вокруг стихов и идентичности поэта Буковски [7]. Отдельный параграф о рассказах Буковски можно обнаружить в работе западного исследователя Пола Клементса «Чарльз Буковски: Литература аутсайдеров и движение битников» («*Charles Bukowski, Outsider Literature, and the Beat Movement*», 2013) [13]. Также о феномене малой прозы Буковски на примере его «Заметок старого козла» («*Notes of a Dirty Old Man*», 1969) пишет А. Дебригто в статье «“Старый козел” на сцене: Чарльз Буковски и андеграундная пресса в 1960-е» («*A “Dirty Old Man” on Stage: Charles Bukowski and the Underground Press in the 1960s*», 2011) [15]; специфику восприятия рассказов Буковски среди критиков и читателей с социологической точки зрения анализирует У. Марлинг в работе «Посредники: распространение мировой литературы в контексте 1960-х» («*Gatekeepers: The Emergence of World Literature and the 1960s*», 2016) [17].

Рассказ «Мое пребывание в доме творчества» («*My Stay in the Poet's Cottage*», 1967) повествует о нескольких днях из жизни писателя Буковски, которые он провел в кампусе университета Аризоны. Главный герой приезжает в дом творчества с целью сделать несколько записей чтения

своих стихов на пластинку, а также выступить с чтением публично, однако профессор, который должен был ассистировать Буковски, попадает в больницу, и потому герой пьет пиво, мечтает о «темнокожей девчонке», слоняется без цели по улице, дискутирует и пьянствует с профессором живописного искусства, параллельно пытаясь соблазнить его жену, слушает местную радиостанцию и, наконец, заканчивает свои спонтанные приключения, отправляясь обратно в Лос-Анджелес.

Ориентация на искренность заявляет о себе уже в самом названии рассказа, которое начинается с притяжательного местоимения «Му», представляющего нарратора одновременно как субъекта и объекта повествования, что позволяет Буковски обозначить свое присутствие во внутреннем мире текста. Усиливается этот прием в первом предложении рассказа, продолжающем интимно-исповедальный тон повествования: «for those of you interested in madness, yours or mine, I can tell you a little about mine»³ (84). Приобщение нарратора слушателей, заинтересованных в историях, связанных с безумием, оформляет рассказ в вид диалогизированного монолога, позволяющего выговориться и тем самым раскрыться нарратору перед другими. Этот мотив получает свое развитие в анонсированной здесь же теме – безумия, от которого страдает главный герой.

Отрицательная стилизация собственной персоны проявляется в самом начале рассказа, когда нарратор признается: «I am a poet who has made it known that I do not give readings. I am also a person who becomes quite a jackass when drunk» (84). Примечательно в этом заявлении использование настоящего времени, интегрированного в повествование, которое построено на прошедшем времени. Через такую хронологическую аберрацию можно проследить, что характер нарратора в момент рассказывания и в момент участия в описываемых им событиях не изменился. Таковым он предстает, когда говорит, что может «немного рассказать о своем»⁴ (143) («I can tell you a little about mine») безумии, и соответственно, таковым он предстает, оказавшись в доме творчества при университете Аризоны. Такая «стабильность» нарратора делает рассказ правдоподобным, а негативное представление собственной персоны – искренним: нарратор обнажает себя, показывая, что представленный им образ безумного поэта-алкоголика не фикция, выдуманная для приукрашивания, а его экзистенциальная константа, и, более того, она снимает напряжение между намеченными narra-

тором кодификациями. Как далее замечает нарратор с некоторой оговоркой: «poet-in-residence, indeed, drunk-in-residence would have been better» (84). Идентичность поэта плавно переходит в идентичность «алкаша» (144) («drunk»)⁵. Состояние опьянения, которое традиционно кодирует ненадежного нарратора, оказывается маркером подлинности и искренности высказывания⁶.

Подобное самопозиционирование является частью художественного стиля, который разблачивает себя на уровне языка рассказа. Маркером того, что перед нами не необработанная устная речь, воспроизводящая исповедальный дискурс, а сложноустроенный литературный текст, становятся различные риторические конструкции – повторы, синтаксический параллелизм и др. Так, задействуя синтаксический параллелизм – «I scrubbed out my own bathtub; dumped out my own bottles into a large trashcan with painting on the top in black: UNIV. OF ARIZ» (84), нарратор задает динамику и ритм повествования.

Повтор (например, «you could have her, old man, if you tried, I told myself, but you'd only make her unhappy, to hell with it» (89); «...and I sucked at it sucked at it, and here came L. A., to hell with it» (89)) проявляется не только в воспроизведении отдельных фраз, но и на событийном уровне: протагонист на протяжении всего рассказа не выходит из состояния алкогольного опьянения. В этом смысле характерным является то, что нарратор как бы ведет отчет о количестве опустошенных им пивных банок: «I drank around 4 or 5 six-packs a day and night» (84); «around after 3 or 4 beers and a bath and trying to read some of the books of poesy» (85).

В рассказе «Одеяло» («The Blanket», 1964) визуально и нарративно актуализируется проблематика подлинности, которая заявляет о себе эксплицитно уже на сюжетном уровне. Главный герой испытывает проблемы со сном, постепенно теряя отличительные признаки реального и воображаемого. Его рассказ предстает как попытка разобраться и определить причины собственной патологии. В центре истории находится странный эпизод, в котором главному герою противостоит загадочным образом ожившее одеяло. Нарратор пытается убедить воображаемого слушателя в том, что это было на самом деле.

Для создания эффекта подлинности (authenticity) нарратор представляет свой рассказ как историю, призванную оправдать абсурдность происходящего. Сюжетные линии об одеяле или, например, о «крошечных человечках» (401) («little tiny men» (226)) выполняют функциональные роли, выступая аргументами и доводами,

подтверждающими, что герой не сходит с ума, а пережитое им не мираж или сон. Апологичность рассказа заявляет о себе как раз в момент прямого обращения нарратора к слушателю: «Now I can hear you saying, “The lad is insane,” and indeed, I might be. But somehow I do not feel it is so» (225). Более того, попытка представить свой рассказ в сознании другого является также способом нарратора разобраться в признаках реальности: «The best idea was to get next to some people to test the reality of the situation. It took at LEAST 2 votes to make reality real» (228). Эта идея реализуется на уровне самого повествования, когда нарратор решает рассказать об одеяле своим соседям, и в то же время она продолжает линию признания: признаваясь в своих проблемах со сном, герой надеется проговариванием разрешить этот недуг, получив поддержку или критику со стороны слушателя. С другой стороны, этот эпизод раскрывается и на метапоэтическом уровне: другой предстает как одна из инстанций, обеспечивающих само существование литературы. Если нарратор выступает автором, то искомым им слушатель – читателем. В этом ключе, через установление доверительных отношений между автором и читателем или, в случае рассказа, между героем и слушателем, соседями, пережитый опыт становится подлинным.

Другим приемом выражения подлинности становится экзистенциальное положение главного героя. Нарратор репрезентирует себя как «человека явно слабого» (400) («evidently a weak man» (226)). Герой проводит откровенный самоанализ, представляя себя в негативном ключе:

«I have tried to go to the bible, to the philosophers, to the poets, but for me, somehow, they have missed the point. They are talking about something else entirely. So long ago I stopped reading. I found some small help in drinking, gambling and sex, and in this way I was much like any man in the community, the city, the nation; the only difference being that I did not care to “succeed”, I did not want a family, a home, a respectable job and so forth. So there I was: neither an intellectual, an artist; nor did I have the saving roots of the common man. I hung like something labeled in between...» (226).

Этот эпизод имплицитно иллюстрирует отказ нарратора от притворства. Попытки разобраться в себе посредством изучения философии и книг приводят его к последующему отрицанию таких практик. Искусство, интеллектуализм воспринимаются героем как способы создания ярлыков или масок, приводящих к установлению иллюзорного компромисса между героем и обществом. В результате нарратор выбирает деструктивный путь в виде алкоголя, секса и азартных игр, который, в отличие от общепринятого

стандарта существования «простым человеком» (400) («common man» (226)), делает его исповедь искренней, а переживания – подлинными. Стилистически этот пафос выражается через градацию: «I was much like any man in *community, the city, the nation...*» (226); «I did not want a *family, a home, a respectable job* and so forth» (226).

Далее нарратор только усиливает подлинность повествования, рассказывая о своих вульгарных поступках: «I reach in my anus and scratch. I have hemorrhoids, piles. It is better than sexual intercourse. I scratch until I bleed, until pain forces me to stop. Monkeys, apes, do this» (226). Через внимание нарратора к собственной слабости и примитивным животным действиям рассказ спекулирует на откровенности и беспощадности самодеструктивного образа жизни героя, что, в свою очередь, подтверждает исповедальный характер истории. Диегетический тип наррации, выраженный повествованием от первого лица, способствует не только конструированию правдоподобного и подлинного повествования, но и становится попыткой искренней репрезентации жизненного опыта маргинала, запутавшегося в измерениях действительности и сновидения, что повествовательно оформляется акцентированием негативной стороны жизни протагониста.

В рассказе «Сатанинский город» («*An Evil Town*», 1973) искренность предстает имплицитно инкорпорированным конструктом. Повествование ведется от третьего лица о некоем Фрэнке Эвансе, который, как выясняется из его странного диалога с портье, собирается пойти в кино. Оказавшись в кинотеатре, на сеансе немого фильма, Фрэнк становится свидетелем фантазмагорической сцены – на его глазах остальные зрители в зале, представленные исключительно мужчинами, начинают приставать друг к другу на сексуальной почве: «There weren't any women in the place. The guys seemed to be sucking each other off. They went at it and at it. They never seemed to get tired. The men sitting alone seemed to be jacking-off» (112). Вернувшись в свой номер, Фрэнк собирается написать письмо своей матери о случившемся, перемешивая ситуации, увиденные им в зале и на экране.

На первый взгляд может показаться, что роль нарратора в рассказе ограничивается актом повествования, его личность сведена исключительно к наблюдательной функции. Однако эпизод с письмом Фрэнка является местом, в котором нарратор выдает себя, показывая свою причастность к происходящему. Так, письмо Фрэнка вы-

полнено в том же стиле, что и основное повествование. Герой использует короткие предложения, как и нарратор: «*This is an evil town. The Devil is in control. Sex is everywhere and it is not being used as an instrument of Beauty as God meant it to be, but as an instrument of Evil*» (113). Стилистическое единство дискурсов нарратора и Фрэнка репрезентирует колебание нарратора между диегетическим и недиегетическим регистрами. Пространство письма Фрэнка обеспечивает нарратору переход означающего из внешнего повествования («он») во внутреннее («я»), в результате чего создаются необходимые автору эффекты правдоподобности и искренности. Нарратор не только организующая текст инстанция, но и свидетель, участник событий, абсурдность которых также редуцируется до упрощенного понимания и восприятия, то есть реального, профанного.

Характерно и то, что этот акт разворачивается непосредственно в форме письма, которая, с одной стороны, придает правдоподобия событиям, произошедшим с главным героем, с другой стороны, выводит дискурс на метаязык, важный для произведений Буковски в целом: письмо как таковое (writing) является прямым продолжением и отражением жизни автора, а следовательно, оно выступает местом воплощения подлинного опыта, что метафорически в рассказе реализуется на звуковом уровне. Нарратор насыщает предложения согласными звуками (t, d, b, v), материализуя таким образом акт производства текста в механистическом аккомпанировании стучащей печатной машинки:

«“Careful!” he told the guy. “You get any closer you might hurt yourself on this!”» (112); «He got up and ran down the row of seats to the aisle, then walked quickly down the aisle to the front row» (112); «One guy was jacking-off the other guy as the guy went down on him. The guy who had been bothering Frank sat there and watched them» (112).

Присутствие работающей печатной машинки подчеркивает момент разворачивания письма в настоящем моменте и в то же время раскрывает работающего за ней писателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, прописанный Буковски маргинальный герой, тематизирующий творчество, пьянство и безумие, создает ощущение искреннего высказывания и правдоподобного повествования, обнажающих внутреннее и сокровенное. Усиливается это ощущение и за счет того, что прямота образа «абстрактного автора», за-

мещающего собой «конкретного автора» [12: 25], писателя Буковски, выражается не только художественно, но и медийно, тем самым соединяя фикциональное и биографическое. Такой жест позволяет Буковски «закрепиться в литературном поле и заработать серьезный символический капитал» [11: 287], отмежеваться от своих модернистских предшественников в лице Генри Миллера, Альбера Камю, Ж.-П. Сартра и др. Более того, пример работы Буковски с дискурсом искренности показывает, как постмодерн противостоит творческим прак-

тикам модерна. Получается, что искренность, а с ней и подлинность, для художника-постмодерниста – это способ подорвать модернистские установки, разрушить их гипнотический эффект, показывая, что всякий дискурс не более чем реди-мейд, конструкт для адаптации, комбинации и репродукции. В конечном счете, творческая практика постмодернистского художника сводится к указыванию пальцем на фальшивость маски искусства в целом, в том числе не исключая при этом себя в разворачивающемся акте разоблачения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Миллер Г. Мудрость сердца. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 72.
- ² Линия борьбы с модернистскими писателями представлена у Буковски и в его рассказах: например, в рассказе «Ори, горя» критике подвергается французский экзистенциалист Альбер Камю, а в рассказе «Стоит ли избрать себе карьеру писателя?» Буковски деконструирует сартрского Антуана Рокантена, изображая тошноту главного героя как физиологическое, а не духовное расстройство.
- ³ Bukowski C. Tales of Ordinary Madness. San Francisco: City Light Books, 1983. 232 p. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁴ Буковски Ч. Истории обыкновенного безумия. М.: Эксмо, 2020. 416 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁵ Коррелирует с идеей искренней репрезентации и маркирование главного героя именем автора. Так, редактор, обращаясь к нарратору по телефону «Bukowski?», получает ответ «yeh. yeh. I think so».
- ⁶ Ненадежность нарратора мы также можем наблюдать в рассказе «Одеяло», в котором выпивка выступает постоянным атрибутом главного героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический Проект, 2008. 431 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Philology.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (дата обращения 28.03.2022).
3. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: РИПОЛ-Классик, 2021. 250 с.
4. Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. 343 с.
5. Гройс Б. Политика самодизайна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/gu/%D0%93/grojs-boris/politika-poetiki/42?ysclid=lfuwntxm2a791780445> (дата обращения 30.03.2022).
6. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. 414 с.
7. Медведев К. Чарльз Буковски. Стихи // Журнальный зал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/stihi-72.html> (дата обращения 27.03.2022).
8. Рутген Э. Искренность после коммунизма. Культурная история. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 416 с.
9. Савицкий Е. Автобиографии и постмодернистская теория // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20911/ (дата обращения 31.03.2022).
10. Сартр Ж.-П. Что такое литература? / Пер. с фр. Н. И. Полторацкой. М.: АСТ, 2020. 448 с.
11. Хаустов Д. Буковски. Меньше, чем ничто. М.: РИПОЛ-Классик, 2018. 310 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
13. Clements P. Charles Bukowski, outsider literature, and the Beat movement. London: Taylor & Francis, 2013. 222 p.
14. Debritto A. “Writing into a void”: Charles Bukowski and the little magazines. European Association for American Studies, 2012. 16 p.
15. Debritto A. A “Dirty Old Man” on stage: Charles Bukowski and the underground press in the 1960s // English Studies. 2011. Vol. 92, No 3. P. 309–322.
16. Franssen G. Allegories of branding how to successfully fail Charles Bukowski. Amsterdam University Press, 2021. P. 131–149.
17. Marling W. Gatekeepers: The emergence of world literature and the 1960s. Oxford University Press, 2016. 215 p.

Поступила в редакцию 20.04.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Alexander Yu. Kolesnikov, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, N. I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation) [al.kolesnikoff@yandex.ru](mailto:alik.kolesnikoff@yandex.ru)

Dmitry V. Markovnenkov, Master's Student, N. I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation) gelio123@mail.ru

“SINCERE” ARTIST WITHIN POSTMODERNITY (case study of Charles Bukowski's short prose)

Abstract. The creative practices of a postmodernist artist are characterized by the postmodern project's resistance to modernist ideas about art, in particular, about an artist's activity. Therefore, the gesture of a modernist artist, being expressed in the rejection of everyday external reality in favor of transcendental spheres, is perceived by postmodernity as one of the possible strategies of self-representation, eventually bringing it back to the context determined by social conventions. In addition to this, postmodernity rethinks the category of sincerity. The development of the media forces the postmodernist artist to construct a media image, thus the same referent is perceived by the audience in two different ways: through the media and through the artistic text. The aim of the study is to identify poetological devices in the short stories by the American writer Charles Bukowski, which are helpful for expressing the authenticity and veracity of the narrative, contributing to the enhancement of the reality effect. The relevance of the work lies in the insufficient study of Bukowski's small prose and the need to consider the category of sincerity in the context of postmodernity. As a result of the analysis of Bukowski's stories, it is concluded that the transformation of one's experience into a literary work becomes a way for a postmodernist artist to reveal that modernity's sincerity is artificial due to its nature of artistic device and gesture.

Key words: sincerity, modernism, postmodernism, ready-made, artist-character

Acknowledgements. This work was carried out at the Research Laboratory “Study of National and Cultural Codes of World Literature in the Context of Intercultural Communication” of the Institute of Philology and Journalism of N. I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod as part of the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030” (topic N-457-99_2022-2023).

For citation: Kolesnikov, A. Yu., Markovnenkov, D. V. “Sincere” artist within postmodernity (case study of Charles Bukowski's short prose). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.897

REFERENCES

1. Barthes, R. Writing degree zero. Moscow, 2008. 431 p. (In Russ.)
2. Barthes, R. The death of the author. Available at: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (accessed 28.03.2022). (In Russ.)
3. Baudrillard, J. The perfect crime. The conspiracy of art. Moscow, 2021. 250 p. (In Russ.)
4. Groys, B. Comments on art. Moscow, 2003. 343 p. (In Russ.)
5. Groys, B. Self-design and aesthetic responsibility. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grojs-boris/politika-poetiki/42?ysclid=lfuwmxm2a791780445> (accessed 30.03.2022). (In Russ.)
6. Jameson, F. Marxism and cultural interpretation. Moscow, Yekaterinburg, 2014. 414 p. (In Russ.)
7. Medvedev, K. Charles Bukowski. Poems. *Periodicals Room*. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/stihi-72.html> (accessed 27.03.2022). (In Russ.)
8. Rutten, E. Sincerity after Communism. Moscow, 2022. 416 p. (In Russ.)
9. Savitsky, E. Autobiography and postmodern theory. *New Literary Review*. 2019;2. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20911/ (accessed 31.03.2022). (In Russ.)
10. Sartre, J.-P. What is literature? Moscow, 2020. 448 p. (In Russ.)
11. Khaustov, D. Bukowski. Less than nothing. Moscow, 2018. 310 p. (In Russ.)
12. Schmid, W. Narratology. Moscow, 2003. 312 p. (In Russ.)
13. Clements, P. Charles Bukowski, outsider literature, and the Beat movement. London, 2013. 222 p.
14. Debritto, A. “Writing into a void”: Charles Bukowski and the little magazines. *European Association for American Studies*, 2012. 16 p.
15. Debritto, A. A “Dirty Old Man” on stage: Charles Bukowski and the underground press in the 1960s. *English Studies*. 2011;92(3):309–322.
16. Franssen, G. Allegories of branding how to successfully fail Charles Bukowski. Amsterdam University Press, 2021. P. 131–149.
17. Marling, W. Gatekeepers: The emergence of world literature and the 1960s. Oxford University Press, 2016. 215 p.

Received: 20 April 2022; accepted: 31 March 2023

ОЛЬГА СТАНИСЛАВОВНА НИКОЛАЕВА

старший преподаватель кафедры романской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0639-5694; olga_nik@mail.ru

СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ И ВЫМЫШЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В СБОРНИКЕ «КЛАДБИЩЕ СИНЕРЫ» САЛВАДОРА ЭСПРИУ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена обращением к творчеству известного каталонского поэта XX века Салвадора Эсприу, малоизученному в нашей стране. Посредством биографического и историко-литературного методов, с опорой на работы отечественных и зарубежных ученых анализируется категория пространства в авторском цикле Эсприу «Кладбище Синеры», композиционную основу которого составляет путешествие лирического героя по вымышленной Синере, наделенной чертами реального каталонского приморского городка Ареньяса, где прошло детство поэта и где жили его предки. Уютный, отделенный от остального мира морем и горами родной край, являющийся в то же время частью обширного пространства Средиземноморья, превратился в синоним идеализированной счастливой жизни, разрушенной из-за гражданской войны в Испании и последовавших за ней событий. Хотя взгляд поэта устремлен в прошлое, грамматический акцент на настоящем и будущем указывает на преемственность и связь времен, укрепляет надежду на то, что следующее поколение будет помнить историю своей страны. Несмотря на то что в произведении доминирует субъективно-лирическое начало, автору удалось затронуть гражданскую проблематику и найти отклик у широкого круга читателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : каталонская литература XX века, Салвадор Эсприу, художественное пространство, Синера, авторский цикл

Д л я ц и т и р о в а н и я : Николаева О. С. Средиземноморское и вымышленное пространство в сборнике «Кладбище Синеры» Салвадора Эсприу // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 107–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.899

ВВЕДЕНИЕ

В. Н. Топоров противопоставляет «геометризованному и абстрактному пространству современной науки, имеющему и свой “стандартно-бытовой” вариант», мифопоэтическое пространство художественных текстов [6: 229]. Хотя у ученого, художника и обывателя складывается разное восприятие пространства, между читателем и поэтом нет непроницаемой стены непонимания, и мы с увлечением открываем пространства и миры, выходящие за рамки общепринятых, но не утрачивающие связи с ними, поскольку «художественное пространство обязательно сохраняет, в качестве первого плана метафоры, представление о своей физической природе» [4: 305].

В книге «Структура художественного текста», отдельная глава которой посвящена проблеме художественного пространства, Ю. М. Лотман подчеркивает, что функция места действий не сводится к описанию пейзажа как фона событий, она несет высокую смысловую нагрузку. Пространственный континуум текста складыва-

ется в наделенный предметностью топос, структура которого, представляя собой систему пространственных отношений, выступает в качестве языка для выражения непространственных отношений текста. Понятие «высокий-низкий», например, получает значение «ценный-неценный», «близкое» отождествляется со своим, родным и понятным, а «далекое» – с «чужим», в результате формируются модели, наделенные пространственными признаками [3: 267–280].

Указание на пространство часто присутствует в самих названиях сборников стихов каталонского поэта Салвадора Эсприу (1913–1985), оно определяет, сопровождает действия и эмоции лирического героя или созвучно им: «Кладбище Синеры», «Путник и стена», «Конец лабиринта», «Шкура быка», «Книга Синеры». Достаточно часто топос в лирике и прозе С. Эсприу восходит к определенной местности, вполне узнаваемой для осведомленного читателя-каталонца.

Салвадора Эсприу, одного из самых выдающихся каталонских писателей XX века, часто называют «национальным» поэтом [14: 114].

Эсприу, автор сатирических произведений и проникновенных лирических строк, размышлявший о смерти и границах познания, запомнился своим современникам прежде всего благодаря гражданской поэзии, стремлению с помощью творчества сохранить каталонское художественное слово. Каталонская литературная традиция уходит в глубь веков. На родном каталанском языке создавал свои философские и научные трактаты Рамон Льюль, автор первых в Европе романов в прозе. В середине XIX века в каталонской литературе начался период Возрождения, а в первой трети XX века ведущие позиции занял Ноу-сентизм, для которого характерна ориентированность на классические образцы античности, а также урбанизм, обращенность к идеальному городу, прообразом которого являлась Барселона. Именно в эти годы деятели каталонской культуры сосредоточили усилия на систематизации норм каталанского языка и комплексном изучении каталонской культуры. Следующее поколение литераторов, к которому принадлежит и Салвадор Эсприу, оказалось в благоприятной для творчества на родном языке атмосфере. Многие ровесники Эсприу, как и он сам, опубликовали первые произведения в достаточно юном возрасте в начале 30-х годов XX века. К поколению 1936 года, года начала гражданской войны в Испании, причисляют, наряду с Салвадором Эсприу, Жоана Виньоли, Пере Калдерса, Розу Леверони, Бартомеу Россельо-Порсела, Игнаси Агусти, Мариуса Торреса и других. Всех этих литераторов, родившихся в 1910–1914 годах, объединяет именно время, общая трагедия – гражданская война в Испании, наложившая отпечаток на их жизнь и творчество в самом начале пути, хотя эстетические взгляды или политические убеждения этих людей далеко не всегда совпадали. Так, поэт Игнаси Агусти в годы войны сотрудничал с франкистским журналом [17: 168], а Мариус Торрес был сторонником республиканских идей, хотя и начал их пересматривать после поражения Республики [18].

«Кладбище Синеры» (*Cementiri de Sinera*) – первая послевоенная книга Эсприу, опубликованная в 1930-е годы ряд произведений в прозе, и первое поэтическое произведение автора. Сборник со скромным тиражом в 100 экземпляров вышел в 1946 году. После переломной Сталинградской битвы наметилось ослабление казавшейся до этого незыблемой диктатуры в Испании, и во второй половине 40-х годов вопреки постулатам официальной идеологии, не поощрявшей самовыражение на региональных языках, часто на полулегальных условиях начали появляться в печати поэтические сборники признанных и молодых каталонских авторов.

Новая работа Эсприу имела большой успех среди немногочисленного круга людей, продолжавших интересоваться каталонской словесностью, и книги переходили из рук в руки. Издатель Ф.-П. Веррье отмечает, что реакция читателей на книгу поразила Эсприу и оказала влияние на его последующее творчество, укрепив формирование чуткого отношения к адресату, его чувствам и ожиданиям. В период создания «Кладбища Синеры» у Эсприу были все основания полагать, что каталанский язык, находившийся на грани исчезновения, прекратит свое существование, но для читателя это произведение означало, что язык продолжает жить и что за него стоит бороться [19: 617].

* * *

«Кладбище Синеры» открывает состоящий из пяти книг цикл, который условно принято считать лирическим в отличие от серии произведений, причисляемых к гражданской поэзии. Многие специалисты указывают на социальную составляющую и ранних поэтических произведений Эсприу, объединяющую тематически всю его поэзию; не является исключением и «Кладбище Синеры», где незримо присутствует военный конфликт 1930-х годов [11: 890–891].

Сборник стихов «Кладбище Синеры», являясь авторским циклом, обладает свойствами, присущими этому жанровому формированию, для которого характерен выход за пределы лирики и наличие эпического содержания [7: 5–6]. За сугубо личными переживаниями угадываются настроения эпохи, что обуславливает особую привлекательность этого лирического ансамбля.

Синера, прочитанное наоборот название каталонского прибрежного городка Ареньс-де-Мар, в котором у семьи Эсприу сохранился большой семейный дом, разграбленный во время гражданской войны 1936–1939 годов [16: 134], наделена реальными чертами этого места, но не равняется естественному пространству. Синера – отражение идеализированного родного края, проникнутого лучами счастья, которое исчезло вместе с довоенным прошлым. Открывающее цикл стихотворение сразу задает систему координат: «Вот колесница солнца / по колеям съезжает / с холмов, где помню каждый / сосняк и виноградник. / Пойду между рядами / недвижимых кипарисов / над морем штилевым» (23)¹.

Благодаря метафоре, напоминающей о греческом боге солнца, свет волшебным образом падает на холмы и море, увеличивая обширное открытое пространство, которое не менее характерно для поэзии Эсприу, чем пространства маленькие и ограниченные, также встречающиеся в его книгах. Изображение не статично, неподвижность кладбищенских кипарисов контрасти-

рует с направленным вниз движением солнца. Кроме того, вектор движения задает сам лирический герой, перемещения которого являются композиционной основой и соединительным звеном для всех тридцати стихотворений сборника, определяя лирический сюжет этого цикла-путешествия. Частое употребление глаголов движения в сочетании с использованием настоящего и будущего времени придает поэтическому повествованию динамичность, чередующуюся с медлительной созерцательностью. Хотя взгляд поэта устремлен в прошлое, с которым он прощается и о котором скорбит, грамматический акцент на настоящем и будущем знаменует преемственность и связь времен.

Примечательно, что в начале пути лирический герой находится «над морем». Создается впечатление, что он возвышается над поверхностью воды и над всем земным, то есть занимает позицию, позволяющую смотреть отстраненно, сверху вниз, на отчаяние и невзгоды. Такое месторасположение имеет объяснение, основанное на топографических данных. Кладбище Ареньса (прототип кладбища Синеры) стоит на горе, с которой открывается вид на море. Из второго стихотворения можно заключить, что именно оттуда лирический герой смотрит на родную землю: «Как ты мала, отчизна, / вокруг погоста! / Здесь – море, там – Синера: / пыль в колеях и цепи / холмов – лозы и сосны» (23–24).

В поэтическом пейзаже первых стихотворений сборника сосна и виноградники, распространенные на территории всего Средиземноморья [15: 69], соседствуют с зарослями фенхеля (*fonollars*), который Эсприу считал приметой именно каталонского побережья [10: 21]. Конкретизации географической местности способствует также единственный имеющий имя персонаж сборника – «Бабка Мунтала», за этим олицетворением кроются холмы Мунтал, расположенные близ Ареньса.

В следующем стихотворении, как и в большинстве других, связанное с движением действие разворачивается в настоящем, но обращено оно к прошлому, ценность которого автор сравнивает с куском хлеба, необходимым нищему, но не имеющим значения для благополучных обывателей: «Под окнами Синеры / вымаливаю крохи / памяти о былом. / И отдается слабо / в тиши безлюдных улиц / напрасная мольба» (24). Герой книги бродит в одиночестве по кажущейся пустынной Синере. Тем не менее созидательная деятельность и культура жителей присутствуют имплицитно. Начало седьмого фрагмента можно трактовать как описание устраиваемого в день города шествия в честь Святого Зенона, который с XVII века является покровителем Ареньса и которому посвящается этот

июльский праздник. Эсприу родился 10 июля и получил первое имя, Салвадор, в память о дедушке, а второе, Зенон, – в честь покровителя Ареньса [9: 17].

«Вот гроздь винограда – терпки, сладки – / в серебряных ладонях / святого страстотерпца. / Огни свечей, мигая, неспешной вереницей / день провожают, дабы / принял он смерть во благе: / последнее причастие / памяти о Синере» (25).

В стихотворении нет веселья и шумной толпы, неизменно сопутствующих подобным мероприятиям. Лирический герой любит этим событием, как будто издалека, сквозь время, наблюдает за беззвучной картиной из прошлого. В окрашенном гражданской войной 1936 году деревянная скульптура святого с отделкой из серебра была уничтожена и затем воссоздана в 1943 году [10: 194–195]. Совсем в ином ключе, насмешливо и иронично, без торжественных и скорбных тонов, строится описание аналогичного праздника в довоенном рассказе Эсприу «Наводнение»:

«Святой Ипполит целый год дожидается в своем закутке светлого часа. Знойного дня, двадцать второго августа. В этот день все воздают ему долгожданные почести. Храм гремит от песнопений, святого славят всем клиром, не жалеют ладана, служат пышную литургию. К вечеру его принаряжают и носят по улицам городка. <...> Повсюду танцы, шум, говор, смех» (211).

Светлый, звучный праздник в послевоенном стихотворении обретает сходство с поминальной процессией, которое было бы полным, если бы не жизнеутверждающий смысл субъекта действия («гроздь винограда»). Кисть винограда в руке святого покровителя – это плод кропотливого труда земледельца, надежда на хороший урожай, вера в будущее.

В стихотворении VIII запечатлена еще одна знаковая традиция Ареньса, зашифрованная в преддождевом пейзаже: «Дождь наготове. Бабка / Мунтала прячет солнце / в шкафу ненастий, между / мантилий, что Синера / сплетает на коклюшках» (25). В XIX веке Ареньс славился на всю Испанию своими рукодельницами, создававшими изысканные кружева, и в середине XX века местных искусниц все еще можно было увидеть за работой на улицах этого городка. Природное пространство одомашнивается, соединяясь с бытовым, приобретающим сказочный колорит, и Синера, в небе над которой расположен шкаф непогоды, становится синонимом дома, родного и любимого, обладающего бережно хранимой историей. «Шкаф», в котором среди традиций скрыт солнечный свет, единственный предмет обихода, встречающийся на страницах сборника, находится в пространстве Синеры, а не в доме и не в комнатах, о которых речь идет

в следующих стихотворениях. Он, с одной стороны, представляет собой нечто замкнутое, а с другой – отличается изрядной вместительностью, поскольку хранит не только культурное достояние, но и внушительное по размерам светило. Пространство значительно расширяется благодаря действиям, разворачивающимся в небе. В десятом стихотворении ветер сражается с полчищами дождя, противопоставляя им гимн – оружие из торжественной музыки и слов, то есть инструмент поэта, и дождь, который, исходя из текста, нельзя трактовать как нечто сугубо отрицательное, умирает. «Вечерним ветром, гимном, старинной бронзой на войска дождя, уединение, обретенное с трудом. Боги-пастухи уводят в горы стада покорных облаков»². Ж. М. Кастельет объясняет символику ветра в поэзии Эсприу, исходя из того, что для каталонских средиземноморских поселений разгоняющий тучи ветер – предвестник хорошей погоды и возможности продуктивной работы в поле или на море [8: 68].

Просторы – небесные, земные или морские – с давних пор ассоциируются у людей со свободой [5: 90]. О том, что свобода жизненно необходима человеку, Эсприу неоднократно заявлял на страницах своих книг.

Безграничные пространства соседствуют в сборнике с пространствами лимитированными, это родной край, который лирический герой Эсприу воспринимает как нечто обособленное: «в древних пределах родного виноградника и моря» (28). Это родной дом из кульминационного стихотворения XXV, в котором, в отличие от большинства других фрагментов, используется прошедшее время, указывающее на утрату: «Около моря / были мой дом и надежды» (28). Замкнутое, знакомое пространство дома обещает упорядоченность и защищенность: «Глаза мои знали / пространство покоя и мерный порядок / маленькой родины», но не ограничивает свободу: «Свобода / синих дорог, и корабль, на котором / я был капитаном» (28).

Синера-Аренсьс, где стоит отчий дом, где выросло не одно поколение путешественников-мореходов, – часть необъятного мира, она связана с ним тысячью дорог, но именно земля отцов наполняла жизнь смыслом и надеждами. Об этом следующее стихотворение, связывающее реалию «дом» с понятием «родина», первостепенной незыблемой ценностью: «Я оставляю / тебе в наследство / эту просторную могилу, / которая была мечтой, и смыслом, / и землей наших предков» (28). Существительное «дом» автор использует в сборнике лишь в тех случаях, когда речь идет об отчем доме, подчеркивая таким образом его уникальность; в стихах, в которых возникает городок и его улицы, для обозначения жилых строений применяется слово «portal»

со словарным значением «подъезд», «главный вход».

Лирический герой, попрощавшись с родительским домом, возвращается к исходной точке, к белым кладбищенским стенам, где ищет защиты от бед, бороться с которыми больше нет сил. Цикл завершается не отказом от жизни, а обращением к человеку из будущего, надеждой на то, что следующее поколение не отмахнется от имен прошлого и от истории. В последнем стихотворении лирический герой просит друга из грядущего пожелать, «чтоб снилось мне / море штилевое / и ясный свет Синеры» (29).

В разделе о Древней Греции, который Эсприу подготовил для трехтомного издания «Всемирной истории», вышедшего в 1943 году, поэт, придумавший Синеру, дает следующее описание родины:

«Родина для истинного грека (возможно, и в целом для настоящего жителя Средиземноморья) – это город, где родились и умерли предки, где он сам родился и умер в назначенный день, и земля вокруг, которую глаз охватывает без усилия и понимает до мельчайших деталей: источник, почти пустынные почвы, солнце в пыли, кипарисы, маленькое пшеничное поле у дороги между оливковых деревьев свинцового цвета. Виноградник взбирается по склону горы до самой грани. Вдали усеянное островами море без широких горизонтов, сулящее спокойное плавание» [9: 475–476].

Синера из поэтического сборника является довольно точной иллюстрацией этого определения. Хотя некоторыми каталонскими специалистами Синера воспринимается как «синекдоха географической территории Каталонии» [13: 95], тексты Эсприу говорят об общности этого вымышленного городка с более крупными, не имеющими четких официальных границ территориальными формированиями, такими как Средиземноморье или Сефарад.

В 1943 году в Барселоне, с указанием в качестве места издания Буэнос-Айреса, мизерным тиражом вышел сборник стихов старшего современника С. Эсприу поэта-ноусентиста Карлеса Рыбы «Бьервильские элегии» (*Elegies de Bierville*) [12: 124]. В центре внимания автора сборника, который каталонские литературные критики называют образцом гражданской поэзии, Греция с ее величественными разрушенными храмами, живительными источниками и морскими просторами. Лишь в последнем стихотворении книги поэт обращается к своей родине, адресуя ей этот цикл. В структуре и содержании «Бьервильских элегий» и «Кладбища Синеры» больше различий, чем общего, но эти два произведения объединяет обращение к средиземноморскому пространству и к будущему как источнику надежды. Несмотря на утверждения о том, что Салвадор Эсприу в числе первых освободился от влияния Ноусен-

тизма [14: 120], в творчестве Рыбы и Эсприу можно найти точки соприкосновения и говорить о преемственности поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанная с любовью и теплотой Синера – не просто фон, на котором происходят события, она становится персонажем поэтического цикла наряду с я-субъектом, сосредоточенным на взаимосвязи с этим местом, отношении к нему. Именно в этом сборнике неоднократно звучит слово «родина». Это особенный, отгороженный от остального мира уютный, хранимый в воспоминаниях край и часть общего культурного и географического пространства Средиземноморья. Всеволод Багно называет Сервантеса «граждани-

ном Средиземноморья, а не только своей страны» [1: 495]. Лирический герой Салвадора Эсприу – гражданин Синеры и Средиземноморья.

Ю. М. Лотман отмечал возникновение двойной адресации в художественном тексте, содержащем конкретно-биографические детали. С одной стороны, имитируется обращенность к узкому кругу лиц, разделяющих с адресантом объем и характер памяти, с другой стороны, текст адресован любому читателю, не знакомому с внетекстовыми обстоятельствами [2: 88–93]. Даже тот читатель, который не имеет возможности распознать в Синере признаки каталонского побережья, готов проникнуться привлекательностью, уникальностью и универсальностью этого места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее, кроме специально обозначенного отдельным примечанием, тексты С. Эсприу цитируются по изданию: Эсприу С. Избранное: Пер. с каталонск. М.: Радуга, 1987. 432 с. В круглых скобках указывается номер страницы арабскими цифрами.

² Espriu S. Obres completes. Poesia, I. Barcelona: Edicions 62, 1985. P. 182. Подстрочный перевод автора статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багно В. Е. Сервантесовский код Средиземноморья // Багно В. Е. Испанцы трех миров. Посвящается Хуану Рамону Хименесу. М.: Центр книги Рудомино, 2020. С. 495–500.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 383 с.
- Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 297–345.
- Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2007. 480 с.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: Сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 123 с.
- Castellet J. M. Iniciació a la poesia de Salvador Espriu. Barcelona: Edicions 62, 1984. 182 p.
- Delori Muns R. M. Salvador Espriu, els anys d'apenentatge (1929–1943). Barcelona: Edicions 62, 1993. 520 p.
- Espriu A., Nogueras N., de Pons M. A. Aproximació històrica al mite de Sinera. Barcelona: Curial, 1983. 417 p.
- Gareth Walters D. “Sense cap nom ni símbol:” Recovery and identity in Salvador Espriu’s *Cementiri de Sinera* // The Modern Language Review. 1994. № 89 (4). P. 889–901.
- López Vilar M. El camino delfico: transformación y plenitud del futuro en la escritura de las *Elegies de Bierville* de Carlos Riba // Tropelias: revista de teoría de la literatura y literatura comparada. 2018. № 30 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/326626504_El_camino_delfico_transformacion_y_plenitud_del_futuro_en_la_escritura_de_las_Elegias_de_Bierville_de_Carles_Riba (дата обращения 10.06.2022).
- Méndez Rubio A. Por la humilde aventura: crítica y crisis en la lírica temprana de Salvador Espriu // Tropelias: revista de teoría de la literatura y literatura comparada. 2018. № Extra 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6570310> (дата обращения 10.06.2022).
- Parcerisas F. Espriu a les mans dels seus primers lectors // Ítaca: quaderns catalans de cultura clàssica. 2017. № 33 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://raco.cat/index.php/Itaca/article/view/98414/426345> (дата обращения 10.06.2022).
- Pi Joan i Picas M. I. Salvador Espriu o els itineraris de la poesia. Barcelona: Publicacions de l’Abadia de Montserrat, 1991. 250 p.
- Pons A. Un biògraf al laberint d’Ariadna // Ítaca: quaderns catalans de cultura clàssica. 2017. № 33 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://raco.cat/index.php/Itaca/article/view/335514> (дата обращения 10.06.2022).
- Ripoll B. ¿Malos tiempos para la lírica? Poesía y propaganda en la revista *Destino* durante la Guerra Civil // Anales de Literatura Española. 2020. № 33 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.14198/ALEUA.2020.33.09> (дата обращения 10.06.2022).
- Suades Junca della L. Sobre la relació individu/societat en Màrius Torres: cap a una influència maragalliana // Haidé. Estudis Maragallians. Butlletí de l’Arxiu Joan Maragall. 2020. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.48284/Haide2020.9.9> (дата обращения 10.06.2022).
- Taula rodona “Els editors”//Si de nou voleu pasar. I Simposi Internacional Salvador Espriu. Barcelona: Publicacions de l’Abadia de Montserrat, 2005. P. 613–638.

Поступила в редакцию 04.04.2022; принята к публикации 31.03.2023

Olga S. Nikolaeva, Assistant Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0639-5694; olga_nik@mail.ru

MEDITERRANEAN AND FICTIONAL SPACE IN SALVADOR ESPRIU'S BOOK OF POEMS *CEMENTIRI DE SINERA*

Abstract. The relevance of the article is caused by referring to a work of the famous twentieth-century Catalan poet Salvador Espriu, who is little-studied in Russia. The category of space in the cycle of Espriu's book of poems *Cementiri de Sinera* (Cemetery of Sinera) is analyzed by means of biographical and literary historical methods, using studies of Russian and foreign researchers. The compositional basis of the collection is the journey of the lyrical hero through fictional Sinera, endowed with features of a real Catalan seaside town of Arenys, where the poet spent his childhood and where his ancestors lived. Cozy homeland, separated from the rest of the world by sea and mountains, which is at the same time a part of the vast Mediterranean expanse, has become synonymous with an idealized happy life ruined by the Spanish Civil War and the events that followed it. Although the poet's gaze is fixed on the past, the grammatical emphasis on the present and the future points to the continuity and the connection of times, reinforcing the hope that the next generation will not shrug off its country's history. Despite the fact that the work is dominated by the subjective lyrical component, the author managed to touch on civic issues and find a response from a wide range of readers.

Keywords: twentieth-century Catalan literature, Salvador Espriu, artistic space, Sinera, author's cycle

For citation: Nikolaeva, O. S. Mediterranean and fictional space in Salvador Espriu's book of poems *Cementiri de Sinera*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):107–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.899

REFERENCES

1. Bagno, V. E. Cervantes code of the Mediterranean. *Bagno, V. E. Spaniards of the three worlds. Dedicated to Juan Ramón Jiménez*. Moscow, 2020. P. 495–500. (In Russ.)
2. Lotman, Yu. M. Inside the thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. M. The structure of the literary text. Moscow, 1970. 383 p. (In Russ.)
4. Lotman, Yu. M. Artistic space in Gogol's prose. *Lotman, Yu. M. At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. St. Petersburg, 2015. P. 297–345. (In Russ.)
5. Potebnya, A. A. Symbol and myth in folk culture. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
6. Toporov, V. N. Space and text. *Text: semantics and structure: Collection of articles*. Moscow, 1983. P. 227–284. (In Russ.)
7. Fomenko, I. V. Lyrical cycle: the formation of the genre, poetics. Tver, 1992. 123 p. (In Russ.)
8. Castellet, J. M. Iniciació a la poesia de Salvador Espriu. Barcelona, 1984. 182 p.
9. Delori Muns, R. M. Salvador Espriu, els anys d'apenentatge (1929–1943). Barcelona, 1993. 520 p.
10. Espriu, A., Nogueras, N., de Pons, M. A. Aproximació històrica al mite de Sinera. Barcelona, 1983. 417 p.
11. Gareth Walters, D. “Sense cap nom ni símbol:” Recovery and identity in Salvador Espriu's *Cementiri de Sinera*. *The Modern Language Review*. 1994;89(4):889–901.
12. López Vilar, M. El camino delfico: transformación y plenitud del futuro en la escritura de las Elegias de Bierville de Carlos Riba. *Tropelias: revista de teoría de la literatura y literatura comparada*. 2018;30. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326626504_El_camino_delfico_transformacion_y_plenitud_del_futuro_en_la_escritura_de_las_Elegias_de_Bierville_de_Carles_Riba (accessed 10.06.2022).
13. Méndez Rubio, A. Por la humilde aventura: crítica y crisis en la lírica temprana de Salvador Espriu. *Tropelias: revista de teoría de la literatura y literatura comparada*. 2018;Extra 4. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6570310> (accessed 10.06.2022).
14. Parcerisas, F. Espriu a les mans dels seus primers lectors. *Ítaca: quaderns catalans de cultura clàssica*. 2017;33. Available at: <https://raco.cat/index.php/Itaca/article/view/98414/426345> (accessed 10.06.2022).
15. Pijoan i Picas, M. I. Salvador Espriu o els itineraris de la poesia. Barcelona, 1991. 250 p.
16. Pons, A. Un biògraf al laberint d'Ariadna. *Ítaca: quaderns catalans de cultura clàssica*. 2017;33. Available at: <https://raco.cat/index.php/Itaca/article/view/335514> (accessed 10.06.2022).
17. Ripoll, B. ¿Malos tiempos para la lírica? Poesía y propaganda en la revista Destino durante la Guerra Civil. *Anales de Literatura Española*. 2020;33. Available at: <https://doi.org/10.14198/ALEUA.2020.33.09> (accessed 10.06.2022).
18. Suades Juncadella, L. Sobre la relació individu/societat en Màrius Torres: cap a una influència maragalliana. *Haidé. Estudis Maragallians. Butlletí de l'Arxiu Joan Maragall*. 2020;9. Available at: <https://doi.org/10.48284/Haide2020.9.9> (accessed 10.06.2022).
19. Taula rodona “Els editors”. *Si de nou voleu pasar. I Simposi Internacional Salvador Espriu*. Barcelona, 2005. P. 613–638.

13 апреля 2023 года исполнилось 70 лет доктору филологических наук, заслуженному работнику культуры Республики Карелия, члену Союза писателей России *Елене Григорьевне Сойни*.

Celebrating the 70th birthday anniversary of *Elena G. Soini*.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА СОЙНИ

К 70-летию со дня рождения

Е. Г. Сойни родилась в г. Петрозаводске. Окончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета. С 1980 года работает в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В 1983 году под руководством известного специалиста в области финноугроведения Э. Г. Карху защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы финского неоромантизма и литературно-эстетическое наследие Н. К. Рериха» в Институте мировой литературы им. А. М. Горького. В 1988 году там же проходила полугодовую стажировку, а в 2005 году защитила докторскую диссертацию на тему «Русско-финские литературные связи 1890–1930-х годов».

Круг научных интересов Елены Григорьевны включает историю литературы Финляндии XX века, русско-финские литературные и художественные связи. Она является автором более 170 научных работ, в том числе монографий «Солоневичи и Север» (2010), «Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия» (2011), «Финляндия в русском искусстве. 1890–2010» (2013), «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» (2017), «Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни» (2022).

Е. Г. Сойни – член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Белые птицы» (1986), «Не забудь меня, солнце» (1993), «И найдется ветвь...» (1997), «Над растаявшим льдом» (2003), «Ночная северная птица» (2012). В 2008 году в Национальном театре Карелии состоялась премьера рок-оперы «Бьярмия», поставленной по пьесе Е. Г. Сойни «Оставайся в Биармии». Елена Григорьевна перевела на русский язык финские сказки, опубликованные в десяти томном собрании «Сказки народов мира», а также стихотворения Э. Седергран, П. Воутилайнена и др.

Значительный вклад Е. Г. Сойни внесла в изучение изобразительного искусства Севера. Она стала одним из авторов каталога выставки М. П. Цыбасова (Государственный Русский музей, 2004 г.). При участии Е. Г. Сойни картины этого художника, иллюстратора «Калевалы» 1933 года, были перевезены из частных собраний в Петрозаводск и переданы в Музей изобразительных искусств Республики Карелия.

От души поздравляю Елену Григорьевну с юбилеем, желаю ей здоровья, научных и творческих успехов!

*О. А. Колоколова, к. филол. н., мл. науч. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН
Коллектив ИЯЛИ КарНЦ РАН присоединяется к этому поздравлению!*

5 апреля 2023 года исполнилось 55 лет доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка Института филологии ПетрГУ *Наталье Викторовне Патроевой*.

Celebrating the 55th birthday anniversary of *Natalia V. Patroeva*.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

К 55-летию со дня рождения

Н. В. Патроева родилась в Петрозаводске. В 1990 году после окончания филологического факультета поступила в аспирантуру ПетрГУ. В 1993 году в СПбГУ защитила кандидатскую диссертацию, посвященную синтаксису Е. Баратынского. С 1993 года работает на кафедре русского языка ПетрГУ в должности старшего преподавателя, с 1998 года – доцента, с 2007 года – профессора. В 2005 году защитила докторскую диссертацию «Типы и функции осложняющих конструкций в языке русской поэзии XVIII–XIX вв.». С июня 2011 года по настоящее время возглавляет кафедру русского языка.

Н. В. Патроевой опубликовано 5 монографий, более 190 статей, в том числе в ведущих академических журналах, по проблемам синтаксиса современного русского литературного языка, историческому синтаксису, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, поэтическому синтаксису, синтаксису текста. Входит в редколлегии журналов «Русский язык в школе», «Libri Magistri», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», в Совет по русскому языку при Главе РК. Ежегодно выступает с докладами на международных и всероссийских конференциях, является организатором 10 научных конференций, проведенных кафедрой русского языка в 2012–2022 годах. Руководит фундаментальными исследовательскими проектами «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII–XIX веков» и «Поэтический синтаксис XVIII века в риторическом аспекте», поддержанными РГНФ, РФФИ, РНФ. Под руководством Н. В. Патроевой защищены четыре кандидатские диссертации.

С 2017 года является руководителем региональных отделений Союза литераторов РФ, Ассоциации вузовских преподавателей русского языка и литературы (Руслитвуз), с 2018 года – Карельского республиканского отделения общероссийской общественной организации «Общество «Знание» России».

За большой вклад в развитие высшего филологического образования Н. В. Патроевой присвоены звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», «Заслуженный деятель науки РК».

Поздравляем Наталью Викторовну с юбилеем, желаем научных достижений, признания и открытий!

Коллектив кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ

ЛАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
(к 130-летию со дня рождения профессора Б. А. Ларина)

17 января 2023 года исполнилось 130 лет со дня рождения основателя новаторской лексикографической школы и словарной лаборатории филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), выдающегося лингвиста, организатора науки и педагога *Бориса Александровича Ларина* (1893–1964), ярко проявившего себя в таких областях языкознания, как история русского языка, диалектология, лексикография, стилистика художественной речи, социолингвистика, историческая и компаративная фразеология, санскриптология, украинистика, литуанистика. Это имя уже давно стало хрестоматийным в отечественной филологии.

Традициям «Ларинских чтений», которые организует Межкафедральный словарный кабинет имени профессора Б. А. Ларина СПбГУ (МСК), уже более полувека: они проходят ежегодно, начиная с 1970 года, на филологическом факультете и собирают лингвистов и литературоведов, историков, культурологов, этнографов, социологов, историков науки. Так панорамно и глубоко осмысливается наследие Б. А. Ларина, вокруг которого много тайн и до сих пор не угасают споры. В XXI веке его идеи (изучение городской и некодифицированной речи, углубленная разработка семантического пространства слова, авторская двуязычная толковая лексикография, масштабное и последовательное построение исторической лексикологии русского языка, теория эстетической функции языка художественной литературы и др.) вновь обрели актуальность. Заметим, что новаторские концепции словарей еще ждут своего воплощения. Б. А. Ларин как провидец, как «самый образованный лингвист» (Д. С. Лихачев) XX века и сейчас пролагает дорогу молодым, напутствует неподражаемым «общественным темпераментом» и оживляет подлинный смысл науки.

2023 год не стал исключением. 17 января в СПбГУ состоялись юбилейные «Ларинские чтения». Они проходили в смешанном формате: ларинцы, их ученики, единомышленники и гости встретились на факультете после снятия пандемийных ограничений, а участники из других городов и стран смогли присоединиться в дистанционном режиме. Всего в Чтениях этого года приняло участие более 60 человек. Уютная атмосфера

главной аудитории филологического факультета с портретами творцов филологии, где всегда проходили защиты диссертаций, заседания ученого совета, знаменательные события, четкая программа, большая заинтересованность слушателей – все это способствовало успешному проведению конференции, которая стала заметным явлением в культурной жизни Северной столицы.

Открыл «Ларинские чтения» научный руководитель МСК д. филол. н. В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург), кратко рассказавший участникам о работе этого научного подразделения университета в 2022 году, выпущенных книгах. Он особо подчеркнул, что МСК сохраняет традиции Срезневского – Бодуэна де Куртенэ – Щербы – Ларина и является уникальным сообществом ученых, объединенных главной идеей – сохранением классического наследия отечественной филологии и включенностью его в современный ритм науки.

Доклад профессора Московского государственного областного педагогического университета и Петрозаводского государственного университета, д. филол. н. О. В. Никитина (Москва / Петрозаводск) «Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв.» привлек внимание слушателей интересной темой – изучением средневековых разговорников купцов, записей иностранцев, которая в середине XX века оказалась в центре идеологических кампаний. Так филологическая наука в те годы соприкоснулась с конъюнктурой. Докладчик обратил внимание аудитории на огромную филологическую работу Б. А. Ларина по расшифровке и лингвистическому комментированию этих текстов, подчеркнул значимость русско-иноязычных разговорников и словариков, впервые, благодаря Б. А. Ларину, в филологической традиции ставших объектом внимания ученых как бесценных источников по изучению разговорной речи русского средневековья Московской Руси. О. В. Никитин, опираясь на сухие архивные данные (выписки, справки, стенограммы заседаний), восстанавливал события из истории советской филологии 1930–1940-х годов, когда Б. А. Ларин уже после защиты докторской диссертации об иностранных источниках изучения русского языка

XVI–XVII веков подвергся несправедливым нападкам со стороны марристов. Были воспроизведены эти диалоги в академических дискуссиях-проработках, отмечено мужество Б. А. Ларина в отстаивании научных интересов, аргументированность его ответов и твердость позиции настоящего ученого.

Тема изучения феномена лексикографического билингвизма Средневековья была поддержана докладом доцента Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов, к. филол. н. Л. А. Девель (Санкт-Петербург) «К началам двуязычной англо-русской лексикографии и Марк Ридли». Автор подробно рассказал о словаре простонародного языка английского врача русских царей конца XVI века, об истории изучения этого памятника. Был проанализирован текст лексикона с точки зрения современных достижений в этой отрасли филологии. Докладчик доказал, что М. Ридли – автор первого самого крупного англо-русского и русско-английского словаря, составленного по научным принципам и содержащего богатейший материал не только лексического свойства, но и социально-культурного, терминологического и т. д. Показательно, что составитель этого словаря великолепно чувствовал русскую речь, подмечал интересные нюансы (особенности произношения, словесные формулы), отлично разбирался в титулах и званиях. Потому этот источник, впервые опубликованный только в 1996 году, вызывает неподдельный интерес у лингвистов.

Доклад к. филол. н. Е. К. Николаевой (СПбГУ) и академика РАН С. И. Николаева (ИРЛИ РАН) «Как исправлялись и облагораживались пословицы XVII–XVIII вв. в изданиях XIX–XX вв.» продолжил историческую проблематику. В нем была подробно изложена текстологическая работа над словарем пословиц и поговорок петровского времени, приведены примеры их трансформации с элементами обценной (в современном понимании) лексикологии. Кропотливое и педантичное сравнение разных источников записи одной пословицы позволило докладчикам сделать вывод об ее исходном облике. Демонстрировались конкретные примеры, как в последующих изданиях пословицы сокращались или избавлялись от некодифицированной лексики, теряя при этом свою выразительность. Доклад был очень созвучен ларинским идеям о необходимости объективного и беспристрастного изучения всех лексических пластов языка, что и прозвучало в репликах по поводу выступления.

Вторая часть заседания началась с доклада многолетнего сотрудника МСК, а сейчас

научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН к. филол. н. Е. В. Пурицкой (Санкт-Петербург) «“Большой академический словарь русского языка” сегодня: методы работы, источники, перспективы». Она изложила непростую историю трех больших академических словарей русского языка, описала текущее состояние работы над словарем, вскрыв и саму «лексикографическую кухню» работы над проектом. В докладе была обозначена специфика словаря в отношении трактовки современного и исторического материала. Е. В. Пурицкая подчеркнула, что это противоречие было заложено в изначальной концепции словаря. Слушателей также заинтересовал рассказ о семинаре «Основы лексикографической работы», организованном в ИЛИ РАН для молодых авторов БАС.

Доклад сотрудника МСК к. филол. н. А. Д. Еськова (Санкт-Петербург) «Европа и европейцы в “Идеологическом словаре романа М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» (в свете взглядов Дины Михайловны Поцепни на авторскую лексикографию)» освещал результаты работы еще над одним новаторским направлением, предложенным Б. А. Лариным, – авторской толковой лексикографией. А. Д. Еськова раскрыла восприятие Европы в начале XX века через призму писательского таланта Горького и лексикографического представления его творчества на примере подобных словарей, созданных в МСК. В сообщении речь шла о слове «Европа» и его производных в романе «Жизнь Клима Самгина», были приведены статистические данные и продемонстрировано, что определенное восприятие Европы, личное к ней отношение – важная часть русской культуры, по крайней мере в течение последних четырех веков. В докладе отдельно раскрывались принципы работы над писательскими словарями Д. М. Поцепни, которая многие годы возглавляла это направление деятельности МСК. Подчеркивалось, что основным является традиционность словарных принципов, выработанных Б. А. Лариным и творчески развитых его учениками. В связи с непосредственной темой доклада приводилась мысль Д. М. Поцепни о необходимости составления географических карт в «Идеологическом словаре».

«Ларинские чтения» завершились докладом д. филол. н. Т. С. Садовой (Санкт-Петербург) и к. филол. н. Е. В. Генераловой (Санкт-Петербург), посвященным памяти известного филолога, этнографа, историка языка, профессора СПбГУ, почетного профессора ПетрГУ,

д. филол. н. Ольги Александровны Черепановой (1936–2022). Ее вспоминали как яркого ученого, увлеченного исследователя, блестящего педагога, строгого и понимающего наставника, неумолимого редактора, вдохновенного художника. Ольга Александровна – автор около 200 научных работ по истории русского языка, в том числе исторической лексикологии и семантике, языку отдельных памятников письменности, диалектологии, сравнительной грамматике славянских языков, русской духовной культуре и герменевтике. Ее разносторонность вызывает восхищение не меньше, чем ее постоянство и цельность, которая заключалась в любви к слову и родному языку, к Русскому Северу и его природе, к народной культуре. В заключение Е. В. Генералова представила книги О. А. Черепановой из личного архива и фотопортреты ее научного руководителя – известного лингвиста Марии Александровны Соколовой (1894–1970), которые были переданы в дар МСК мужем Дины Шулаевой, ученицы М. А. Соколовой.

Чтения завершились на трогательной ноте памяти учителей и сохранения ларинских традиций. Программа заседания была насыщенной и интересной, что с удовольствием отметили многие участники. В их числе доктора филологических наук Л. Л. Шестакова (Москва), М. И. Чернышева (Москва), Л. Я. Костючук (Псков), Н. В. Большакова (Псков), Н. С. Ганцовская (Кострома), М. Р. Проскуряков (Тайвань), кандидаты филологических наук Г. Д. Неганова (Кострома), Н. А. Шамова (Нижний Новгород), Л. Ю. Степанова (Архангельск), Л. Н. Донина (Санкт-Петербург), Н. А. Смолякова (Иркутск), Н. В. Колгушкина (Рязань) и др.

Заседание длилось более четырех часов, а его неформальная часть закончилась в МСК совсем поздно, потому что расхотелось, ведь ларинцы – это не обычные ученики, а филологи духа. Остроумные шутки, воспоминания о прошлом филологического факультета СПбГУ, сохранившиеся в личных архивах участников стихотворные миниатюры, включая гимн МСК, дискуссии, споры и даже лингвистические тосты ярко свидетельствовали о том, что 130-летний юбилей профессора Б. А. Ларина – особое, памятное, живое, неформальное событие. «Ларинские чтения» порадовали неповторимой атмосферой верности большой науке и исследовательской свободы.

В заключение отметим, что журнал «Русский язык в школе» (2023. № 1) посвятил отдельный раздел анализу наследия Б. А. Ларина, в котором были опубликованы две статьи: *Генералова Е. В.* Словарное наследие профессора Б. А. Ларина и современная лексикография (к 130-летию со дня рождения)» (с. 75–84); *Никитин О. В.* Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв. (с. 85–99). Подробнее см. на официальном сайте журнала: <https://www.riash.ru/jour/issue/view/70/showToc>. Запись видеоматериалов конференции размещена по ссылке: <https://bit.ly/3CY0PCV>.

Е. В. Генералова,
к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный
университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
elena-generalova@yandex.ru

О. В. Никитин,
д. филол. н., Государственный
университет просвещения
(Мытищи, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

Elena V. Generalova, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
elena-generalova@yandex.ru

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), State University of Education (Mytishchi, Russian Federation)
olnikitin@yandex.ru

LARIN READINGS
(celebrating the 130th birth anniversary of Professor Boris A. Larin)

XI Всероссийская научная конференция с международным участием

«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

5–7 июня 2023 года

Петрозаводский государственный университет

Данная конференция – старейшая среди литературоведческих конференций России (первая прошла в 1993 году, в 2023 году исполняется 30 лет), которая принесла мировую известность Петрозаводскому государственному университету и сформировала новое направление в изучении русской литературы: этнопоэтика и евангельский текст. Благодаря этой конференции появился научный журнал «Проблемы исторической поэтики» (сначала как периодическое издание, выходившее раз в три года, затем ежегодник, затем ежеквартальный научный журнал: <https://poetica.pro/>).

В рамках конференции запланировано 96 докладов, выступят 103 автора (28 докладчиков онлайн, 75 – офлайн), среди них 2 иностранных участника (Италия и Беларусь, выступят онлайн).

Материалы конференции будут опубликованы в научных журналах «Проблемы исторической поэтики» и «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

Контактная информация:

Ирина Святославовна Андрианова: andrianovais@petsu.ru, тел.: 8(8142)719603

VII Международная конференция

«РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР»

6–7 октября 2023 года

Петрозаводский государственный университет

Кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета совместно с Отделением русской филологии и славистики Национального Афинского университета проводит *VII Международную конференцию «Россия и Греция: диалоги культур»*.

Цель конференции – обсудить актуальные для современной гуманитарной науки вопросы тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции.

Основные направления работы конференции:

- Классическая филология
- Византистика
- Неоэллинистика
- Греческая тема в русской литературе и культуре
- Культурно-исторические связи России и Греции

Для участия в работе конференции приглашаются ученые, преподаватели, аспиранты, магистранты в области филологии, культурологии, истории, философии. Формы участия: очная, дистанционная.

Контактная информация:

Евгения Петровна Литинская: litgenia@yandex.ru, тел.: +7(911)407-28-73

CONTENTS

Editorial note	7	NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES	
RUSSIAN LANGUAGE, NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA			
<i>Kazakov V. P.</i>		<i>Konkova I. I.</i>	
GRAMMATICAL OBSERVATIONS OF D. N. KUDRYAVSKY AND MODERN RUSSIAN LANGUAGE: DECLENSION OF UNCHANGEABLE NOUNS	8	ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF META-STRUCTURES IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE (USING ENGLISH-LANGUAGE MATERIALS)	70
<i>Al-Hasnawi A. R. M.</i>		<i>Murashova L. P.</i>	
SPECIFICITY OF TEMPORAL SEMANTICS OF PREDICATIVES OF STRUCTURAL PATTERNS “WHO/WHAT INCREASES WHO/WHAT” AND “WHO/WHAT DECREASES WHO/WHAT”	13	STEREOTYPES OF WOMEN’S PERCEPTION IN THE XX–XXI CENTURY ENGLISH STUDIES: CONTRADICTIONS AND SUBJECTIVITY	75
<i>Bodrikov A. B.</i>		RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION	
EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE <i>VICTORY</i> CONCEPT IN THE XVIII AND THE XIX CENTURIES	21	<i>Bazyleva Yu. S.</i>	
<i>Kareva N. V.</i>		AUTOBIOGRAPHICAL ASPECT OF VADIM BAYEVSKY’S <i>POEMS OF TWO MILLENNIA</i>	85
GERMAN SOURCES OF MIKHAIL LOMONOSOV’S <i>RUSSIAN GRAMMAR</i> : VERB TENSES SYSTEM	29	<i>Myslina Yu. N.</i>	
<i>Galimullina A. R.</i>		JOYCE’S REDUCTIONIST DISCOURSE AS A PRINCIPLE FOR FORMING REALITY IN VIKTOR PELEVIN’S NOVEL <i>TRANSHUMANISM INC.</i>	91
ORGANIZATION OF SUBJECT SPHERE IN THE POETIC TEXT OF JOSEPH BRODSKY WITH INFINITIVE DOMINANT (ILLUSTRATED BY THE POEM “SHESTVIE” (THE PROCESSION))	34	WORLD LITERATURES	
<i>Kulebakina A. A.</i>		<i>Kolesnikov A. Yu., Markovnenkov D. V.</i>	
LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1782 DEANERY CHARTER	41	“SINCERE” ARTIST WITHIN POSTMODERNITY (CASE STUDY OF CHARLES BUKOWSKI’S SHORT PROSE)	98
THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS		<i>Nikolaeva O. S.</i>	
<i>Tarlanov Z. K.</i>		MEDITERRANEAN AND FICTIONAL SPACE IN SALVADOR ESPRIU’S BOOK OF POEMS <i>CEMENTIRI DE SINERA</i>	106
PERSON, MOOD AND SENTENCE AS MUTUALLY CORRELATED LANGUAGE CATEGORIES	48	Anniversaries	
<i>Filippova I. N., Vasilenko L. Yu.</i>		Celebrating the 70th birthday anniversary of Elena G. Soini	112
METHODOLOGY FOR ASSESSING THE COMPLETENESS OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION	54	Celebrating the 55th birthday anniversary of Natalia V. Patroeva	113
<i>Agliullina K. G., Makashova V. V.</i>		Scientific information	
THE CONCEPT OF “LOVE” IN J. R. R. TOLKIEN’S EPIC NOVEL <i>THE LORD OF THE RINGS</i>	61	<i>Generalova E. V., Nikitin O. V.</i>	
		Larin Readings (celebrating the 130th birthday anniversary of Professor Boris A. Larin)	114
		Scientific information	117

ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ: СБОРНИК ПАМЯТИ ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНОЙ

В сборник памяти доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Елены Владимировны Душечкиной (1941–2020) входят научные статьи и воспоминания филологов, историков, антропологов – ее коллег, друзей и учеников из разных стран мира. Темы статей, представленных в сборнике, отражают широкий круг проблем, затронутых Е. В. Душечкиной в ее собственных статьях и книгах, – от поэтики и текстологии древнерусской литературы до современных календарных ритуалов. В мемуарном разделе собраны материалы о жизни и творчестве ученого. В издании приняли участие петрозаводские коллеги: в 1-м разделе опубликована статья А. В. Пигина, в 4-м разделе – статья С. М. Лойтер, в 7-м разделе – воспоминания С. В. Орлова.

Книга представляет интерес для исследователей, преподавателей, студентов факультетов гуманитарных и социальных наук, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской культуры и словесности.

Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной. – СПб. : Нестор-История, 2022. – 808 с.

Елена Соини

Н. К. РЕРИХ: ИЕРОГЛИФЫ СЕВЕРНОЙ ЖИЗНИ

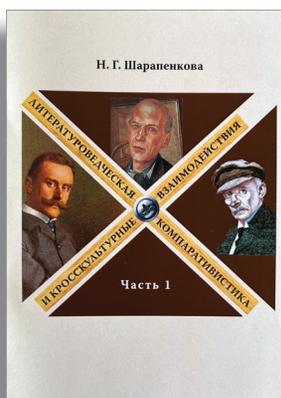
В монографии впервые рассматривается творчество знаменитого русского живописца Н. К. Рериха (1874–1947) в контексте исторических событий, происходивших в Сортавале в 1918 году, где жил художник. Ставится вопрос о назначении искусства в экстремальной политической ситуации, об отношении деятелей культуры разных стран в сложнейшие периоды истории. Исследуются статьи, написанные на Севере, в которых Рерих возвысил идею народности в искусстве, обратился к осмыслению опыта прошлого. Проанализированы статьи о творчестве Н. К. Рериха, опубликованные в печати стран Северной Европы.

Книга вызовет несомненный интерес специалистов и широкого круга читателей, интересующихся культурой России начала XX века и художественной историей Карелии.

Соини, Елена Григорьевна. Н. К. Рерих: иероглифы северной жизни / Елена Соини ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск : Скандинавия, 2022. – 252 с.

Н. Г. Шарапенкова

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. ЧАСТЬ 1

В учебном пособии в сжатом изложении дана история зарождения и современное состояние сравнительного метода в филологической науке. Конкретное «прочтение» и применение эвристического потенциала сравнительного метода на примере русской и немецкоязычной литератур XX века дано во второй части пособия. Особо выделена тема о национальном своеобразии литератур в процессе их взаимодействия. Пособие подготовлено в рамках гранта Благотворительного фонда В. Потанина.

Издание предназначено для обучающихся в магистратуре по направлению подготовки «Филология» (магистерская программа «Филология – наука и творчество»).

Шарапенкова, Наталья Геннадьевна. Литературоведческая компаративистика и кросскультурные взаимодействия : учебное пособие для обучающихся по программам магистратуры гуманитарных направлений подготовки : [в 2 ч.] / Н. Г. Шарапенкова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. Часть 1. – 55 с.

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Исследования, представленные в 22-м выпуске, разнообразны по материалу и широки по проблематике. С одной стороны, в них анализируются политические, экономические и медицинские контексты в истории детской книги. Участие парламента Российской империи в решении судьбы учебной книги для начальной школы, хлопоты медиков-гигиенистов по поводу качества полиграфии изданий для детей, масштабная панорама эволюции канона детской литературы в советское время, современные попытки непрофессиональных авторов прорваться на книжный рынок детской литературы. С другой стороны, это изучение участия издателей детской книги (М. Вольф) и ее библиографов (О. Капица и Э. Б. Мартин) в конструировании «видимости» определенных групп произведений. В-третьих, это анализ биографических и творческих траекторий литераторов, взявших писать для детей. Наконец, размышления Сергея Ушакина о (невеселой) судьбе социологии детского чтения в России позволяют критически взглянуть на развитие социологических методов изучения детского чтения в СССР.

Детские чтения. 2022. № 2. Вып. 22.

